

метаморфозис

2019
ТОМ 3. № 1

студенческий научный
журнал

Научный руководитель проекта:

Т.Ю. Сидорина (д-р филос. н., ординарный профессор НИУ ВШЭ)

Главный редактор:

Алексей Натальский

Редакция:

Сирануш Арсенян (философия)

Евгения Горобец (визуальная культура)

Антон Гребенников (философия)

Кристина Грищенко – литературный редактор (филология)

Людмила Дегтярева – оформление, худ. редактор (философия)

Дима Журавлев (философия)

Александра Захарова – литературный редактор (филология)

Ксения Изиланова (философия)

Ксения Корчагина – оформление (визуальная культура)

Кристина Кузнецова (филология)

Никита Попович (история)

Анна Смирнова (лингвистика)

Екатерина Ткаченко (философия)

metamorphosis-journal.com
vk.com/metamorphosisjournal
facebook.com/metamorphosisjournal

Выпуск журнала осуществлен в рамках учебного проекта НИУ ВШЭ:

Разработка периодического издания в сфере гуманитарных наук – 2018/2019

<https://pf.hse.ru/220438989.html>

© МЕТАМОРФОЗИС 2019
© АВТОРЫ СТАТЕЙ 2019

ISSN: 2658-3976

Тема номера: История и личности

«Метаморфозис» является периодическим научным мультидисциплинарным изданием НИУ ВШЭ. Научные статьи для нашего журнала написаны студентами и проверены профессорами ВУЗа.

Редакция журнала благодарит за помощь в подготовке номера: доцента Школы философии ФГН *Алексея Анатольевича Глухова*, преподавателя Школы философии ФГН *Елену Валерьевну Бессчетнову*.

Дорогие читатели,

Мы рады представить Вам новый номер, на этот раз посвященный истории, историческим событиям и личностям. В этом номере мы постарались рассмотреть феномен истории с разных сторон. Для нас было важно определить, как историк работает с историческими документами и с их помощью конструирует историческое прошлое. Кроме того, мы посмотрели на историю глазами филолога, для которого сами исторические события становятся своего рода материалом для будущего произведения. Мы также обратились к проблемам философии истории и хотели показать, как философ осмысляет исторический процесс.

Исторический метод часто основывается на анализе разнообразных документов. Всегда ли они содержат достоверную информацию? Авторы нашего номера попытались сопоставить различные исторические свидетельства и выяснить, каким образом можно получить объективное, истинное представление о событиях, происходивших несколько сотен лет назад. Как историк может определить, какой источник наиболее достоверно описывает Земский собор 1613 года? Какие исторические документы позволяют восстановить ход «Хованщины» 1682 года? Как древнерусские летописи помогают установить причины возникновения чумы на Руси? Наши авторы постарались ответить на эти вопросы в рамках нового номера.

Не менее интересно было исследовать, как писатели могут работать с историческими событиями и как литература может «играть» с историей. Так, одна из статей номера посвящена тому, как Джеймсу Джойсу удается вплести в повествование романа «Портрет художника в юности» современные автору политические события. Кроме того, в новом номере вы узнаете много интересного об императрице Екатерине II, императоре Юлиане Отступнике и мемуаристке Наталье Долгорукой как об исторических деятелях сквозь призму литературы.

Заключительная часть работ посвящена связи истории и философии. Мы хотели прояснить, почему для философии важно обращение к истории, и может ли философ как-то влиять на историю. Кроме того, в рамках нового номера был поставлен вопрос о том, какова роль зла в истории, может ли оно являться движущим механизмом истории, и значит ли тогда, что мир без зла – это мир без истории?

Мы приглашаем Вас вместе с нами поразмышлять над этим и другими вопросами в нашем новом выпуске.

Редакция журнала «Метаморфозис».

С о д е р ж а н и е

- 6 *Александр Мельников*
Роль зла в истории
- 16 *Анастасия Максимова*
Философия Public History
- 22 *Рената Ясавеева*
О том, как попасть на философский костер, или интуиция о фениксе
- 27 *Борис Поздняков*
Философ как человек без прошлого
- 33 *Арина Косарева*
Образ Юлиана Отступника в пьесе Г. Ибсена «Кесарь и Галилеянин»
- 43 *Екатерина Захарова*
Образ Москвы в первом цикле комедий Екатерины II на примере анализа пьесы «О, время!»
- 52 *Ангелина Евстратова*
Образ Н.Б. Долгорукой в русской поэзии начала XIX века
- 62 *Алёна Богомолова*
Ирландская история в романе Джеймса Джойса «Портрет художника в юности»
- 68 *Арина Новикова*
Стрелецкий бунт 1682 г. глазами современников
- 81 *Мария Григорьева*
Отражение исторических реалий в народных песнях о Степане Разине
- 90 *Егор Филиппов*
Чума на Руси в середине XIV в. по летописным данным
- 104 *Уиллиам Хёрн*
Новгородская революция 1136 г. по летописи
- 116 *Ольга Усова*
Земский собор 1613 года глазами современников
- 128 *Рекомендации по библиографическому оформлению сносок и списка литературы*

Роль зла в истории

Александр Мельников (образовательная программа «Философия»)

1.

Один мой добрый знакомый уверяет, что нужно начинать с дефиниций, тогда все станет понятно. Я никогда не пробовал следовать его совету: но все, что случается, когда-то случается впервые. И именно это размышление (?), исследование (?), эссе (?) я попробую начать с определений. Ведь поскольку я не спешу отождествлять свои речевые привычки с теми, что имеются у моего читателя, мне действительно следовало бы дать вынужденно приблизительное (ибо выраженное в языке и потому тоже зависимое от моих же речевых привычек), но все же небесполезное для понимания поля моих рассуждений толкование базовых понятий. Да и вообще, почему бы не опробовать новую *перспективу* мысли?

Под историей, я, пожалуй, разумею систему событий. А событием я называю некую особую форму отношений объектов¹, связываемую с некоторым пространством и временем. Это время может быть длительным: так, например, мы говорим о Столетней войне или о правлении династии Цинь. Мне могут возразить, что это наборы событий, а не сами события. Но такой подход чреват бесконечным дроблением пространства и времени в поиске *настоящего* события. И даже если оправдаются надежды получить некий чистый момент, в нем будет потеряно все то, что интересно историку: это будет лишь бессодержательная точка. История – не наука об остановленных вместе со временем атомах.

Событие всегда потенциально делимо, иначе оно теряет событийность. А значит, мы говорим о событии не тогда, когда не можем, а тогда, когда не желаем в данном контексте его делить. Ergo, событие субъективно. Оно суть мысленная конструкция, вольно устанавливаемая тем, кто связывает что-то с пространством и временем, назовем этого человека в широком смысле *историком*. Историк обобщает нечто как событие, поскольку видит в этом смысл, поскольку так выделенное событие содержит важные сходства внутри себя и качественно отличается от чего-то внешнего.

¹ Из которых, в отличие от естественных наук, хотя бы один есть мыслящее существо, так как без мыслящих существ история лишается своего главного предмета: события.

Таким образом, у истории есть условия. Для нее требуется сознание, которое обобщало бы моменты в события, а события в систему. Это я называю внутренним условием истории. Как и Бердяев², я настаиваю на важности этого компонента.

Но еще для истории требуется кое-что внешнее: а именно такие отношения объектов, которые можно было бы назвать *особыми*. Иными словами, надобно нечто, позволяющее историку качественно отличить одно нечто от другого и тем самым оправдать введение самого понятия события. Отличия должны быть нам *интересны*, чтобы мы стали говорить о событиях. Следовательно, история умирает, как только в ней не оказывается интересных историкам *изменений*.

Теперь я попробую дать дефиницию Зла. Проблема в том, что я не знаю, как это сделать. Проще перечислить какие-то частности: боль, страдание, войны, эпидемии, конфликты, убийства, пороки. Я успешно выделил только отдельные характеристики в своем понимании зла: например, что оно существует не в перспективе материи. Невозможно говорить о зле на языке атомов и химических формул, для меня нет ничего плохого или аморального в том, что одно вещество взаимодействует с другим. Не может быть Зла в факте вонзания ножа в масло или плоть.

Зло начинается, когда мы обнаруживаем в мире нечто мыслящее и/или воспринимающее³, то, для чего факт движения ножа есть не просто обмен веществ, но боль, поступок, обида, история. Нет зла вне сознания, как, впрочем, нет и истории. Они обретают смысл внутри духа и не мыслятся мной вне его.

Но что же такое зло? Может быть, я уже и готов к удобному обобщению. Например, мне интересна уходящая в гегельянство идея зла как того, что в абсолютном значении снимает само себя. Но мышление мое не столь еще абстрактно, чтобы убедиться в соответствии этой формулировки моему действительному пониманию зла. Поэтому с этой точки придется пойти по менее строгому пути, который когда-то казался мне не имеющим достойных альтернатив. И да поможет нам определение истории, умирающей при отсутствии интересных историкам изменений.

Сначала пробуем почву случайными вопросами.

² «Свободен духом тот, кто перестал ощущать историю как внешне навязанную, а начал ощущать историю как внутреннее событие в духовной действительности».

Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 31.

³ Кто-то заменил бы эту конструкцию на слово «человек», но я вижу в этом чудовищную поспешность.

С чего начинается история человечества? Я знаю разные версии. Она начинается с Плода. С познания Зла. Или, если угодно, «с Фукидида-афинянина, который описал *войну* [курсив мой – А.М.] пелопоннесцев с афинянами».

О чем история человечества? О битвах, о смертях, о революциях, о политических конфликтах, об эпидемиях чумы... Кажется, я только что видел этот список. Случайное совпадение?

Возможно. Особенно, если нам удастся вспомнить, о чем еще история. Она ведь и о реформах, о великих открытиях, о путешествиях, о научном и культурном прогрессе: иными словами, об *интересных изменениях*, как мы и должны были ожидать. Осталось понять, что объединяет эти интересные изменения, и главное – откуда они берутся.

Во-первых, причиной изменения может выступить мыслящее существо, человек. Человек меняет мир – и знает об этом. Он действует намеренно, но в чем намерение? Зачем он меняет что-то? Зачем он делает историю, зачем прогресс? Похоже, причина в том, что ситуация несовершенна, ведь человек, кажется, может менять совершенное разве что по глупости: но тогда мы все равно имеем дело с несовершенством – внутри этого самого человека. Я ясно мыслю несовершенство необходимой причиной изменений первого типа.

Но мыслим и другой тип. Это изменения внешние, не зависящие от нашей сознательной воли: стихийные бедствия, эпидемии, инопланетяне, смерть. Эти события могут менять что-то несовершенное, тогда зло служит их контекстом. Эти события могут менять совершенное на несовершенное, тогда они сами называются злом. Эти события могут менять совершенное на совершенное, тогда они могут не быть нам интересны. И, наконец, они могут менять состояния, совершенства которых нам сложно сравнивать, тогда они связаны с сомнением, то есть несовершенством, и угрожают конфликтом мнений, то есть злом.

Роковой тезис уже срывается с моих уст, столь взбешенных не свойственной мне размеренностью. И мне хватает сил лишь на последний вопрос: для чего мы изучаем историю человечества? И есть ли хоть одна причина, которая не имеет в своих истоках факт существования зла?

История основана на интересных изменениях. В корне нашей заинтересованности изменениями лежит зло⁴.

Какова роль зла в истории человечества? Ответ мой возмутительно прост: обеспечивать ее существование.

⁴ Или, словами Гегеля, «интерес существует лишь там, где существует противоположность».
Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 121.

2.

А теперь посмотрим правде в глаза. Я рассуждал долго и старательно, пыжился, изрыгал мысли, полные гордости и надежды на внутреннюю строгость.

По сути, я всего лишь повторил за Бердяевым.

«История не есть объективная эмпирическая данность»⁵, – сказал он.

«Нужно, чтобы не только объект был историчен, но чтобы и субъект был историчен»⁶, – сказал он в той же книге и даже той же главе.

«...если бы не было этого темного начала, то не было бы и истории, и мир начался бы не с начала, а с конца, с того совершенного царства Божия, которое мыслится как совершенный космос в форме совершенного добра, совершенной красоты», – заявил он все там же⁷, убивая последние мои надежды на оригинальность.

Что подделаешь, сегодня опытного интеллектуала ароматом диалектики уже не удивишь. Кто не слышал, как спросил Воланд: «Что бы делало твое добро?» или, другими словами, «О чем бы была твоя история?».

Зачем же я так долго шел к очевидному ответу? Полагаю, затем, что важен не только ответ, но и способ его получения, особенно, когда ответ не окончательный, когда он не обесмысливает дальнейшие вопросы в поле своего решения. И я считаю, что рано ставить точку.

Гордо украсить описание мира вечными движущимися противоречиями, созидательным антагонизмом, соблазнившим даже Канта⁸, – жест красивый, но недостаточный. Ибо само по себе это знание не движет еще историю, лишь покрывая густым туманом сугубо личный вопрос о том, что я должен делать, и как глобальная роль столь же глобального зла в столь же глобальной истории выражается в конкретном, живом, *историческом*.

Я спрашиваю, что делать нам с теорией зла в практике: вправе ли мы собственными руками убивать историю, то есть бороться со злом?

Я боюсь давать отрицательный ответ, ибо ответственность побуждает меня допустить, что предшествующие рассуждения ошибочно претендовали на схватывание реальности. Как могу я призывать не бороться со злом, не зная с математической достоверностью, что мой призыв

⁵ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 19.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ См. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 16–17.

правилен? Ошибка дорогого стоит. Поэтому я должен продолжить поиск в стремлении трезво оценить свои силы.

Возможно, мы никогда не уничтожим зло. Это дарует нам право бороться с ним всем сердцем. Великий опыт, нужный нам для этой борьбы – и есть то, что я больше всего ценю в науке истории.

Но как будущий мыслитель я обязан сомневаться: а если у истории есть конец? В данной перспективе у меня нет сил ответить на этот вопрос. Моя мысль зашла в тупик. Почему-то здесь я совершенно не готов повторять за Бердяевым, возможно, потому, что на самом деле никогда не повторял за ним.

3.

В статье И.В. Кузина⁹ я нашел удивительный термин: «слепое пятно мышления». Он напомнил мне об идее неполноты моих рассуждений, непростительной для столь ответственного вопроса.

Поэтому я хочу поставить внутри этого текста эксперимент и наполнить свое понимание зла объемом с помощью текста совершенно другого типа. Я писал его в другое время, в другом направлении мыслей, с другими целями и вообще совершенно по-другому.

Иными словами, это было другое событие. Событие, в котором мне совершенно чужда была строгость. Событие, в котором я посмел писать о Боге.

Конечно, я не вправе действительно претендовать на подобное. Поэтому я мог бы сказать, что об истинном Боге речь не идет, поскольку разговор ниже мне просто приснился. Но это неправда, мне не снятся такие сны. Я бы мог сказать, что это миф – но мне никто его не поведал.

Скажу лучше, что этот диалог – срез моего сознания в момент поиска ответов о сущности зла. Конечно, я не могу знать, какие они на самом деле – Те, о ком я думаю.

Сотворение мира.

Действие 1.

⁹ Кузин И.В. «Слепое пятно» мышления как депривация частного // URL: <http://www.phil63.ru/slepoe-pyatno-myshleniya-kak-deprivatsiya-chastnogo>

Поднимается занавес. Сцена тонет в ослепляющем свете. Нет ни очертаний, ни форм, ибо все едино и все есть свет. В центре этого мира парят два силуэта – но их невозможно увидеть, ведь они тоже есть свет.

Бог: И это хорошо.

Люцифер: И это хорошо.

Бог: А что хорошо?

Люцифер: Я не знаю.

Бог: А почему говоришь?

Люцифер: *Ты* говоришь это, и я чувствую правду в словах твоих.

Бог: И это хорошо, Люцифер.

Люцифер: И все хорошо, Боже.

Бог: И это печалит меня.

Люцифер: Как хорошее может печалить?

Бог: Меня печалит не то, что все хорошо. Меня печалит, что я забыл, что значит плохо. Все есть идеал. Все есть свет. Но я забыл, чем же это прекрасно. Слово теряет смысл. Я повторяю его, но не помню, что раньше за ним скрывалось. Слово... ушло от меня.

Люцифер: Но ты всемогущ! Как же можешь ты что-то забыть?

Бог: Да, я всемогущ. И потому я могу все, в том числе и забывать.

Люцифер: Но если ты всемогущ, значит, ты можешь найти выход.

Бог: Я уже нашел его, Люцифер.

Люцифер: Так расскажи мне о нем.

Бог: Тяжело рассказывать, ибо на твои плечи ноша сия.

Люцифер: Не может быть тяжелой та ноша, которую на меня взвалил ты.

Бог: Так знай, по Замыслу настанет время для великой жертвы твоей.

Люцифер: Я принесу ее, когда настанет срок.

Действие 2.

Бог: Люцифер, знаешь ли ты, кто ты есть?

Люцифер: Я есмь Люцифер, то есть Несущий Свет.

Бог: И это верно. Но знаешь ли ты, кто ты по отношению ко мне?

Люцифер: Это знание сокрыто от меня.

Бог: Так я дам ответ. Ты – тень моя. Ты – отражение мое. Ты тот, без кого я бы не смог быть, ибо не видел бы душу свою. Ты тот, без кого не было бы самого прекрасного, что есть на свете.

Люцифер: А что же самое прекрасное?

Бог: *Содействие. Соединение. Сострадание. Созидание. Сотворение. Все совместное.*

Люцифер (взволнованно): И я нужен тебе, как *со-деятель*?

Бог: Не совсем. *Мы* нужны друг другу – как *со-деятели*. Понимаешь, чтобы совершить *содействие*, нужно сначала провести границы, дабы можно было отыскать то, что нас *соединяет*. Ты – вторая грань меня, и только в соединении граней рождается нечто действительно прекрасное.

Люцифер: Как красиво говоришь ты! Как много мудрости в словах твоих!

Бог: Но одно тревожит меня. Граней слишком мало. Я – твое зеркало. Ты – мое зеркало. Но мы не создаем ничего великого, ибо нас только двое. И я понял. У *всего* на свете должно быть отражение. И у света должно быть Отражение. И мы *сотворим* то, что будет воплощать разъединение. Воплощать хаос. Воплощать эго. Мы *создадим* то, в чем нет *содействия*, дабы миры смогли прийти к *со-действию* сами и *со-здать* нечто поистине прекрасное. Назовем же это миром!

Люцифер: Да будет так!

Действие 3.

Бог: Любите ли Вы мир, который я создал?

Ангелы: Любим, Господи!

Бог: Считаете ли его совершенным?

Ангелы: Считаем, Господи!

Бог: И ты, Люцифер? Мнишь ли ты его совершенным?

Люцифер: Да, Господи! Нет ничего совершеннее в сознании нашем!

Бог: Так значит, это еще не мир, ибо он мертв. Вы знаете, что есть Тьма?

Ангелы: Нет, Господи.

Бог: Тьма есть ничто. Ничто делает мир прекрасным. Ибо нет ничего прекраснее, чем миг, когда во Тьму проникает Свет. Поняли ли вы меня?

Ангелы: Поняли, Господи.

Люцифер: Не понял, Господи.

Бог: И я знаю это, ибо ты прав. Но скоро придет время понять тебе, ибо ты поведешь ангелов в мир, который я создал.

Ангелы: И мы пойдем туда?

Бог: На все воля ваша. Врата в мир открыты для вас. И вы пойдете, когда захотите, и столько раз, сколько захотите. И вы пойдете, когда устанете от Света, и захотите *стать* светлыми.

Адам: И я хочу испытать это! Я пойду в мир!

Ева: И я пойду с ним!

Бог: Так ступайте, и помните: будьте благодарны Тьме. Но не верьте ей и не следуйте за ней, ибо вы уже поглощены ею. Но любите и следуйте за светом, ибо в нем спасение.

Адам: Но как мы пойдем, что есть Свет?

Бог (касаясь ладонью сердца Адама, а затем сердца Евы): Я дарую вам карту чудесную, что будет светить в душе вашей, когда вы пойдете туда, куда должно. И назову ее Счастьем. Съешьте яблоко сие, и войдет оно в вас.

Ева откусывает от яблока. И дает Адаму. И смотрит Адам нерешительно, но все же подносит плод к губам. Адам и Ева медленно проявляются из света. Мы открываем облик их – ибо стали они видимы для взора нашего.

Люцифер: Но, как и прежде, не могу я понять, Господи.

Бог: И я рад за тебя, ибо блаженна последняя минута неведения. Настает час твой.

Люцифер: Ты сказал, Тьма исчезает, едва в нее проникает Свет. Но как же она сохранится? Едва ты создашь Тьму, как ангелы твои рассеют ее!

Бог: Я спрячу Тьму там, где они не будут сперва искать. Я спрячу ее в сердце их!

Люцифер: Но как же спрячешь ты Тьму в них, если они сами суть Свет?

Бог: Грядет тот, кто войдет в них, и будет входить в каждого ангела, что решится спуститься из Света в мир. И мне надо попросить тебя...

Люцифер: Проси, Боже! Исполню я волю твою!

Бог: Но ты не знаешь еще просьбы моей...

Люцифер: Мне не нужно знать ее. Довольно знания, что меня просишь *ты*. Проси! Исполню все, что поручишь мне!

Бог: Прошу, и помни, что спасешься верой в день счастья, когда воздастся тебе.

Люцифер: Сегодня тот день, Боже. Сегодня я счастлив, что могу помочь тебе!

Проси! Проси, пока вера моя со мною!

Бог: Стань тем, что не есть свет. Стань тем, что войдет в сердца ангелов и отравит их тьмою. Стань тем, что не есть я – дабы я смог стать тем, кем я призван стать.

Люцифер (в ужасе): И я сделаю это?

Бог: Сделаешь, Люцифер.

Люцифер: И ты знаешь это?

Бог: Знаю, Люцифер.

Люцифер: И почему же я сделаю это?

Бог: Потому, что любишь меня.

Люцифер: Но ты? Ты любишь меня? Любишь, предлагая это?

Бог: Ты знаешь ответ, Люцифер.

Люцифер: И право, я знаю. И я тоже люблю тебя! Прощай! Дай мне потерять себя!

И дай мне вернуться! В конце времен встретимся мы с тобой, как братья родные!

Бог молчит.

4.

Бог молчит (опять-таки совершенно неоригинальный ход) не только о конце истории, но и о ее смысле: то есть о том, будет ли в системе событий некий универсальный принцип, ее упорядочивающий и заставляющий нас говорить «Хорошо, что история есть». Если у истории есть достаточный смысл, она оправдывает существование зла. В противном случае игра не стоит свеч.

Но Люцифер не знает, есть ли у истории смысл. Он ожидает встречи, которая обнимет всю историю, всю систему наполненных злом событий, и тем самым оправдает его жертву. А Бог пока не дает ему ответа.

Мы можем сказать, что Люцифер вечно будет ждать конца истории и так и не дождет. Но парадокс в том, что жертва его не станет от этого тяжелее, если только Люцифер будет все так же верить в финал. Отличие проявится лишь в том мгновении, которого не настанет. История и смысл для существа внутри нее никак не зависят от ее конца.

Но если бы я нашел в себе право продолжить *историю* Бога и Люцифера, я бы сказал, что последний заслужил конец истории. А значит, нам опять-таки следует всеми силами бороться со Злом – на этот раз из сострадания к Люциферу.

А вот история заслужила продолжения. Счастье, если поймет это и сам Люцифер, когда насладится блаженством конца истории. И, полюбивший историю, принесет он свою жертву снова, чтобы двинулась его возлюбленная к своему следующему концу. Ведь почему бы спасенной душе не вернуться после Спасения в новую историю? Если непонятно, зачем истории начинаться после конца, лично мне непонятно и то, зачем она начиналась первый раз.

Конечно, я снова не оригинален. Я не оригинален и в том, что говорю, что не оригинален. Я не оригинален и в том, чтобы рефлексировать об акте своей речи, отрицающей свою оригинальность. Я не оригинален даже в том, чтобы делать это несколько раз в одной и той же работе. Но на этот раз этот круговорот банальности даже по-своему красив, ведь именно круговорот он и утверждает.

Это цикличность. Цикл Бога и Люцифера, вечно рождающих и кончающих историю. Вот только у кого повернется язык сказать, что от повторений главного исчезает особое? Кто подумает, что *внутри* этого цикла история отсутствует? Кто, едва завидев слово «цикл», скажет, что все повторяется? Кто поспешит привнести в цикл коннотацию «механической неисторичности», свойственной шарманке? Не тот ли, кто забыл, что история всегда субъективна?

Библиография

Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 12–28.

Кузин И.В. «Слепое пятно» мышления как депривация частного // URL: <http://www.phil63.ru/slepoe-pyatno-myshleniya-kak-deprivatsiya-chastnogo>

Философия Public History

Анастасия Максимова (образовательная программа «Философия»)

Определить – значит, ограничить.

О. Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Название работы может показаться пафосным, а далее обозначенные цели и задачи непредусмотрительно амбициозными, однако это не более чем попытка указать на принципиальную новизну в постановке вопросов рассматриваемого феномена, осмысление которого, в свою очередь, нуждается в спецификации.

Казалось бы, еще приводит в содрогание вопрос «*Что есть философия?*», нет однозначности в ответах на не менее значимое «*Что есть история?*», и тем не менее автор предлагает двигаться от не вполне проясненных дефиниций к вопиющей неопределенности в «*Что есть Public History?*»? Да, это действительно так.

Движение обуславливается целью – истолкование «публичной истории». В связи с этим разговор следовало бы оформить в виде диалога Сократа с публичным историком, но есть вредная ирония в обосновании научности феномена откровенно ненаучными формами выражения. В данном случае автор пытается воссоздать иллюзию научности его «исследования», как это и делает рассматриваемая им дисциплина.

Следуя принципу рационалистической традиции, необходимо начать с субъекта, то есть в данном случае производителя особого исторического знания. В первой части дается анализ фигуры публичного историка.

«Историю событий сменила история интерпретаций»¹, что очевидно в отношении публичной истории, поэтому скромно предлагается следующее разделение по цели и средствам интерпретации:

1. Публичный историк – ученый:

- *Переводчик*

- *Транслятор*

2. Историк – исполнитель:

- *Пропагандист*

- *Просветитель*

Выделенные типы не даны в чистом виде, а могут быть обнаружены исключительно по преимуществу.

Публичный историк первого типа – это профессиональный историк, деятельность которого не ограничивается научной работой. Отличительная черта этой категории – форма изложения результатов исследования. Публичный историк выступает «медиа-фигурой» – транслятором знания² или же переводчиком своих или чужих терминологически выверенных трудов на язык, доступный широкой публике. Таким образом, переводчика и транслятора объединяет цель, но разделяют средства. Транслятор, как предполагается в рамках приведенной классификации, проводит самостоятельное исследование с использованием методов, признанных научными. Переводчик не обязательно адаптирует собственные труды, а может довольствоваться авторитетными источниками, которые публичный историк такого рода пытается сделать достоянием общественности. Очевидно, можно наблюдать изоморфизм этих типов, но разделение обусловлено разностью отношения к истине. Переводчик, занимающийся «вторичным продуктом» производит так называемую «копию копии» и в результате находится в несколько ином положении нежели транслятор, которого от профессионального историка отличает по большому счету только способ изложения.

Интереснее может показаться рассмотрение исторического знания не только как результата научного поиска, но и как средства широкого спектра действия. В данном случае вполне резонно утвердить статус публичного историка как полноценной профессии, требования к которой состоят в интерпретации факта наиболее выгодным образом для заказчика.

¹ Зарецкий Ю. История, память, национальная идентичность // Неприкосновенный запас. 2008, № 3 // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/za4.html>

² Савельева И.М. Профессиональные историки в «публичной» истории // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 146.

Клиентами такого формата могут являться по преимуществу влиятельные люди, лоббирующие определенные политические интересы, или же государство в целом в зависимости от его устройства. Этот формат занятости историка представляется востребованным и вызывающим неподдельное любопытство в российском контексте, так как язык политики здесь – это язык истории³. Заказчиком также могут выступать и обычные люди, которые предпринимают попытку исследования маленькой истории своей семьи. Интересно, что клиент и исполнитель могут совпадать, но этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения, а пока важно указать, когда публичный историк оказывается пропагандистом, а когда просветителем.

Под пропагандой стоит понимать не распространение откровенной лжи, а попытку педалировать определенную интерпретацию, на которую есть спрос со стороны заказчика, нуждающийся в создании ответного спроса на нее со стороны общественности. В данном случае публичный историк не однозначно отстоит от истины, а скорее максимально демонстрирует непобежденный субъективизм в истории как «интерпретации фактических данных»⁴. Просветитель же, у которого в подавляющем большинстве те же заказчики (если не брать во внимание таинственную «музу»), отличается от пропагандиста целеполаганием. Однако хотя эта область и важна для осмысления деятельности историка в широком смысле, она не может являться достаточным критерием.

Важно помнить, что когда ведется разговор об историческом событии, то так или иначе это в большом проценте случаев выстраивается на основе обсуждения некоторого текста, но, разумеется, не сводится к нему. В таком рассмотрении резонно применить особенные способы чтения и оценки интерпретации. Так, к примеру, принципы интерпретации Э. Бетти, а именно «канон целостности, или смысловой связанности»⁵, обнаруживают необоснованность претензии пропагандиста на объективность его трактовки в ситуации, когда в замалчивании деталей формально может не наблюдаться противоречия условно «истинному» (с вынесением ложного суждения это все же не сопоставимо). Таким образом, интерпретация пропагандиста никогда не сможет отвечать обусловленным канонам, выявляющим объективность, в то время как просветитель по крайней мере стремится к согласованности результатов работы с критериями объективности.

³ *Курилла И.* История в эпоху победившего презентизма: инструмент борьбы за идентичность, ресурс для политики или научное знание? // URL: <http://sakharov.gaidarfund.ru/articles/2828/tab3>

⁴ *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 13.

⁵ *Россиус Ю.Г.* О теории интерпретации Э. Бетти // История философии. 2012. № 7. М., 2012. С. 87.

Просветитель отличается от ученого и переводчика в строгом смысле не только тем, что служит обозначенному «спросу», но и непосредственно «музе истории». В данном отношении имеет значение не столько истинность интерпретации, сколько сама постановка вопросов к историческому периоду. Так, художественные произведения, посвященные описанию и осмыслению масштабных исторических событий, могут претендовать на то, чтобы относиться к публичной истории.

Необходимо сделать переход от возможных способов толкования текстов к регламентированному публичной историей способу изложения. Уход от строгой терминологии к доступному широким массам литературному языку допускает наличие в рамках новой дисциплины интерпретаций – объяснений и псевдо-объяснений, которые оказываются по принципу изложения успешнее, так как «обращены к эмоциям» без акцентирования на углубленном «теоретическом понимании»⁶. Так, в характерном принципе изложения содержится сомнение в возможности публичной истории считаться наукой.

Так или иначе, уместен вопрос и о верности рассмотрения публичной истории как раздела более или менее утвердившей свой статус науки истории. Вполне вероятно, что критерии, подходы и в принципе высказывания не являются достаточно релевантными в отношении публичной истории, и в самом предмете осмысления не содержится предпосылки к утверждению научного статуса. Так, труды просветителя, пишущего «так, как если бы вообще в мире не было книг»⁷ по истории, иллюстрируют необязательность подтверждения научного статуса. Автор предлагает понимать публичную историю, как содержащую в себе следующие «дисциплины»: философская история и литературная история, которые так же, как и типы историков, изоморфны.

Философская история «<...> означает не что иное, как мыслящее рассмотрение ее»⁸, но рассмотрение это в данном разделении следует понимать исключительно как четкое выражение автором своей оценки происходящего. Таким образом, происходит условно называемая легитимация субъективизма. Действительно, если все «не обладающее математическим доказательством, есть лишь высшая степень вероятности», то не следует строго судить о несостоятельности дисциплины, которая служит истине опосредованно. К примеру, научно-популярные программы стимулируют интерес к определенной теме со

⁶ Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории // Гемпель К.Г. Логика объяснения. М., 1998. С. 16–31.

⁷ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Пер. А.А. Губера. М.; Киев: REFL-book, ИСА, 1994. С. 108.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2001. С.63

стороны общественности, так что пытливым ум доберется до подлинно научной истины факта, стремясь получить ответы на вопросы, вызванные упрощенной интерпретацией.

Литературная история – это, огрубляя, «Война и мир» Л.Н. Толстого. Художественное произведение, ценность которого состоит, очевидно, не в подробном и максимально достоверном описании исторического события, но в принципе в самом факте обращения к важному и масштабному явлению, что могло быть «несовременно, но своевременно». В подтверждение того, что событие осмысливается и с использованием общих, пространных, а не только крупных, отдельных планов, можно привести философичные рассуждения писателя в романе-эпосе о движении народных масс и роли личности в истории. Произведение Толстого, таким образом, становится не только предметом анализа филологов, но и философов, по крайней мере, публичной истории (учитывая скепсис и критику профессиональных ученых-историков).

«Война и мир» является прекрасной иллюстрацией характерной для философии истории «проблемы» соотношения story и history – маленькой и большой истории в описании частной жизни отдельных личностей на фоне судьбоносного масштабного события. History не превратилась в storytelling, в такой широкой и парадоксальной области как публичная история нет места противоречию. Парадокс заключается в том, как public в итоге оказывается про private. Несмотря на то, что «история заканчивается сегодня»⁹, константой остается человеческая природа – стремление к самопознанию для жизни в настоящем¹⁰. Таков запрос каждого отдельного человека к истории, обусловленный глобальным вопросом человечества. Публичная история стирает границы, так стоит ли в таком случае ограничивать ее как дисциплину? Проблема формулирования определения в работе решена несколько «эзотерически», небезызвестной цитатой: публичная история «есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось».

⁹ *Поппер К.* Нищета историцизма. Вопросы философии. 1992. № 10. С.2.

¹⁰ *Макиавелли Н.* Государь // Макиавелли Н. Сочинения. М.: Изд-во «ЭКМО-Пресс»; Харьков: Изд-во «Фолио», 2001. С.47.

Библиография

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев: REFL-book, ИСА, 1994.

Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2001.

Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории // Гемпель К.Г. Логика объяснения. М., 1998. С. 16-31.

Зарецкий Ю. История, память, национальная идентичность // Неприкосновенный запас. 2008, № 3 // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/za4.html>

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.

Курилла И. История в эпоху победившего презентизма: инструмент борьбы за идентичность, ресурс для политики или научное знание? // URL: <http://sakharov.gaidarfund.ru/articles/2828/tab3>

Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс»; Харьков: Изд-во «Фолио», 2001. С.47-123.

Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 29-58

Россиус Ю.Г. О теории интерпретации Э. Бетти // История философии. М., 2012. № 7. С. 83-89.

Савельева И.М. Профессиональные историки в «публичной» истории // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141-155.

О том, как попасть на философский костер или интуиция о фениксе¹

Рената Ясавеева (Образовательная программа «Философия»)

Я должен. Подлое, мерзкое, несправедливое «я должен», древнее, как жизнь. Жизнь раба.

Человек что-то должен с самого момента своего рождения. Должен, потому что рождается в государстве. Эта первичная, фундаментальная замкнутость абсурдна, нелепа, непереносима для мысли. «Почему, – бьется и недоумевает мысль, – почему я все-таки что-то должен?» Вопрос приходит слишком поздно, чтобы ответить на него не тривиально, чтобы вообще ответить; мудрость мудрецов заключается в том, чтобы не тратить время впустую.

[Философия Гегеля выражает сущность европейской истории так, как ее создали Платон и Аристотель, в этом ее мудрость, ее ценность и ее конечность. Однако возможность продолжения истории лежит в разломе очередного шаблона; для этого придется выйти за пределы государства и увидеть альтернативное бытие Господина и Раба.]

«Сократ и Здравый Смысл» – так называется самая важная и древняя человеческая история, история бунта против мудрости. Она начинается с неследования долженствованию, это всегда выход за пределы очевидности, движение от пошлости и фальши по направлению к искренности. Акт творения истории философами становится понятным, когда мы вглядываемся в суть отношений любого исторического действия и предшествующего ему миропорядка. История есть последовательное снятие долженствований человеческого и создания новых.

[Человеческая история начинается с битвы, в которой с очевидностью побеждает философия. Спор о влиянии, которое она оказывает на историю, становится излишним; последняя не состоялась бы без первой, Раб не существует без Господина. В интерпретации Кожева настораживает следующее: неудовлетворительное положение раба заставляет его трудиться, выходом из неудовлетворительного состояния Господина является лишь смерть. Господину, в отличие от Раба, отказано в возможности самоизменения, он исчерпал весь потенциал признания и замкнут в своем господстве, пусть и не совершенном². Однако, оценив

¹ «<...> в образе феникса, который вечно готовится сам для себя костер и сгорает на нем, а из пепла его вечно возникает обновившаяся, молодая, свежая жизнь <...>. Дух <...> выступает против самого себя, уничтожает свое наличное бытие, но, уничтожая его, он перерабатывает его, и то, что является его воплощением, становится материалом, работа над которым возвышает его до нового воплощения».

Гегель Г.В.Ф. Введение // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 120.

² *Кожев, А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. С. 9-38.

О том, как попасть на философский костер...

раз признание выше собственной жизни, Господин стремился быть признанным не-Рабом; для него, рисковавшего собственной жизнью, неудача означает поражение, которое он не склонен принять по своей природе. Для того, чтобы страх Раба перестал быть парализующим и стал деятельным, изменив свою природу, необходимо движение со стороны Господина, которое он и совершает. Более того, в определенный момент Господин неизбежно начинает помогать Рабу в его становлении, обучать его, приближая желанный для обоих момент «диалектического снятия». История есть не только «история трудящегося раба», но и направляющего Господина. Опасность возникает в момент, когда Господин забывает, что он Господин; стремясь помочь истории и взаимодействуя с ней, философия теряет себя].

Человеческая история есть порождение философской свободы в противоположность необходимости. В короткий миг существования этой свободы греческая философия создает фундамент, который оказывается достаточен для существования и движения европейской культуры на протяжении двух тысяч лет – она творит идеал существования³. Греческие философы воплощают этот идеал в своей жизни, они вполне независимы, признания со стороны друг друга им достаточно. Иначе дело обстоит с не-философами, которые не способны ни к созданию собственного блага, ни к пониманию его⁴. История начинается с желания не-философов приобщиться к философскому образу жизни, олицетворяющему собой все самое сокровенное. Это желание изначально выражается как ресентимент по отношению к философам, который перерастает в откровенную вражду, выразившуюся в суде над Сократом.

[Стремление Раба стать Господином неизбежно натывается на сознание собственного ничтожества в сравнении с ним: он – жертва не первичной трусости, но последующего закрепления этой трусости в его знании о себе самом: Раб всегда знает, что он Раб. В пределах этого никакой труд не способен приблизить его к бытию Господина; рождается лишь желание

³ Кажется необходимым признать, что мы можем лишь на короткое время уловить, а затем неизбежно упустить то, что возникает перед нами при чтении радостно-осязаемых диалогов Платона. Можем ли мы, чей слух не режет звучание третьего вопроса Канта, надеяться на большее? Мы, которые считаем, что это так *естественно*, так *очевидно*, так *нормально* – искать у философии инструкцию к тому, «что я должен делать». Философия не возникла как вопрос о смысле жизни из состояния неудовлетворенности, по своей сущности она – высшее порождение счастья, открывающее путь к совершенно иному бытию, которое можно сравнить лишь с музыкой и поэзией (было ли это у Хайдеггера?). Когда наступает тот трагический перелом, когда сами философы начинают рассматривать философию как средство для хорошей жизни, в то время как она является хорошей жизнью самой по себе?

⁴ Смысл не в том, чтобы избавиться от всех долженствований существования, а в том, чтобы это долженствование исходило из самого человека; в том, чтобы самому в себе открыть свое собственное благо, для чего требуется такое мужество, к которому большинство людей изначально оказываются неспособными.

О том, как попасть на философский костер...

уничтожения. Желание Господина сделать Раба равным себе неизбежно натолкнется на эту ненависть, к которой он должен быть готовым.]

Со своей стороны, философы, сознающие правильность своего образа жизни, не могут не стремиться к распространению его среди не-философов; не потому что это необходимо им самим для признания, но потому что обладание истинным благом приводит к естественному и свободному по своему существу желанию, чтобы блага было больше⁵. В то же время философы не могут не видеть разницу между собой и остальными; истинное благо мыслителей заключено в их образе жизни – в философии как способе бытия, который не каждому подходит. Идея государства как пространства справедливости основывается на понимании различия своего и чужого блага⁶.

Проблема в том, что собственного блага у не-философов нет; вглядываясь в жизнь простого человека, мудрец не может обнаружить ничего действительно прекрасного. Если человек по природе не способен к философскому образу жизни, его благо будет заключаться в том, чтобы хоть как-то быть сопричастным наличному и существующему благу⁷. Это возможно лишь в том случае, если государством будут управлять философы.

[Господину нет смысла стремиться к тому, чтобы закрепить Раба в его рабстве долженствования – так он никогда не получит искомого признания. Напротив, наставление и помощь имеют смысл лишь в том случае, если существует возможность сделать Раба таким же Господином. При этом, практически неуловима грань между свободой желания и последующей собственной зависимостью от этого желания. Господин не может делаться Рабом *своего собственного решения*, он должен помнить о том, что его помощь является его собственным свободным желанием, она добровольна и не связана необходимостью – о том, что он отличен от Раба. Императив вернуться в пещеру, закрепляет Раба – не-философа - в его рабстве, и вместе с тем лишает философию ее свободного существования].

Желание поделиться благом искренне тогда, когда воспринимаешь Другого так же, как самого себя; но для этого необходимо сделать его Собой. Философы связывают себя справедливостью с не-философами как с чем-то им по природе противоположным и тем самым закрепляют невозможность для не-философов сделаться философами. Вместе с тем

⁵ Сенека Л.А. Письмо VI // Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977. С. 15.

⁶ И у Платона, и у Аристотеля?

Глухов А.А. Справедливость в классической политической философии [семинар] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nQoH9pTKSuM>

⁷ Подобным образом в «Политике» Аристотеля описаны взаимоотношения господина и раба. В отличие от господина, у раба нет своего собственного блага.

О том, как попасть на философский костер...

поставленные в зависимость от собственного императива, они лишаются возможности своего спокойного созерцания – философского счастья. Едва появившись, политическая философия не просто превращается в долженствование и подразумевание действия, она ставит себя на службу истории и сливается с ней.

[Если говорить о конце истории, то он произошел прямо в «Государстве» Платона – Гегель лишь фиксирует его. Господин должен *пожелать*, чтобы Раб стал *равным* ему, и помочь ему лишь в этом. Для этого он вовсе не должен трудиться и впрягаться в ярмо наравне с Рабом, иначе грани начинают размываться; Рабу отныне некуда стремиться, он находится в тупике. Все последующее существование «трудящихся вместе Рабов»⁸ философии и истории теряет ориентир и обречено на бесцельное блуждание в пределах государства.]

Невозможно творить в состоянии нужды и несвободы: связанная долженствованием истории, философия не в состоянии создать новый идеал, пока от нее этого ждут. Необходимо вновь вызвать к жизни дух философии в том виде, как она существовала, и разрешить ее главный политический вопрос по-другому. То фундаментальное противоречие⁹, которое невозможно обнаружить в пределах государства и которое до сих пор нуждается в преодолении, есть ***противоречие между философским и нефилософским образом жизни.***

[Положение, в котором оказываются оба – Господин и Раб, вновь является для них неудовлетворительным; это напоминает начало их истории. Однако если раньше они были равны в царстве природы, сейчас они одинаково замкнуты в необходимости трудиться, созданной ими самими. Исход этого второго испытания зависит от того, кто сможет актом воли разорвать вновь возникшую цепь – долженствование бессмысленного действия – осмысленным *бездействием*, даже если для этого ему придется вновь рискнуть своей жизнью; а на это по своей природе все еще способен лишь Господин. Философии придется вспомнить то, чем она была, и рассмеяться смехом Сократа: только так сможет измениться *ход истории*.]

Колесо истории не остановится до тех пор, пока «диалектически» не снята та первоначальная двойственность качественно отличных человеческого и философского существований. С неизбежностью возникнет осознание обреченности наличествующего нефилософского способа бытия как бессмысленного и сопротивление этому¹⁰. Когда же

⁸ Кожев А. Введение в чтение Гегеля: лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высш. практ. шк. // А. Кожев. СПб.: Наука, 2003. С. 29.

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. М., 1990. № 3. С. 134-148.

¹⁰ Подобные акты сознательного бездействия являются отличительной чертой поколения миллениалов. Желание сопротивления действию, которое бессмысленно, может быть не проявлением деградации, но актом высшего понимания принципов бытия.

О том, как попасть на философский костер...

случится всеобщий исход¹¹ и наступит мгновение, когда весь мир замрет, замороженный музыкой неба, в этот момент на месте сгоревшего феникса появится нечто поистине новое, и начнется новая история – история не просто человека, но философа.

Библиография

Аристотель. Политика. М.: Академический проект, 2015.

Гегель Г.В.Ф. Введение // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 56-127.

Глухов А.А. Справедливость в классической политической философии [семинар] // URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=nQoH9pTKSuM>

Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003.

Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.

Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. М., 1990. № 3. С. 134-148.

¹¹ Из пещеры.

Философ как человек без прошлого

Борис Поздняков (образовательная программа «Философия»)

*Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет,
не останется памяти у тех, которые будут после.*

Полна забот ноша человека, и полны мысли человека насущными делами! Люди предвкушают грядущее, будь это приятная радость очередного быта или мучительный стыд потерянного времени, но жизнь неизменно увлекательна.

Иной раз можно обнаружить себя в тягостном раздумье или глубокой печали¹ – самое опасное положение для моралиста и первые симптомы будущей болезни. Болезнь заключается в одном вопросе – «Что есть ценного в мире?». Сам по себе вопрос безобиден, у него много ответов (как же много ответов в мире!), и побороть сей духовный грипп нетрудно – знакомые, семья, друзья да и просто умение «собраться» способны даровать облегчение от неясного недуга.

А что, если человек не справится с болезнью? Что, если он не найдет нужных ответов, если сыпью пойдет его мысль? Стоит заглянуть в его душу, и мы увидим жалкую, печальную картину умирающего *сознания*. Впрочем, его душа и сама себя вскоре обязательно проявит, не в силах сдержать свою растерянность.

¹ Со Спинозовским подтекстом.

Что в мире имеет ценность? Этот вопрос не отпустит свою жертву, оказавшуюся в пустыне былого самомнения. Гордый, *лучший*, не может поверить объяснениям толпы и потому не может найти себе спасения. Где другой сдастся, упадет в спасительные узы любви и дружбы, склонится перед Левиафаном, *лучший* вынужден держаться, причем вовсе не из-за своих моральных качеств. *Лучший* просто не найдет того, перед чем можно склониться, ведь все вышеперечисленное он собою уже олицетворяет. Его отчаянная стойкость – пиршество для сомнений, что, множась, изъедают его память.

Все в мире равноценно, все приходит и уходит, одно заменяется другим и ничего не оставляет. Власть и признание, женщины и мужчины, тягостные радости плоти и пульсирующие радости духа – все суета сует. Это последний шанс больного притвориться мертвым, последняя граница между человеком и философом. Рождение философа происходит в пустыне², где он, ободранный, израненный и голодный впервые задается новым вопросом – «А почему я что-то делал?». Все в этом мире равноценно и ничего не может зацепить его взгляда, но он жил!

Философ попадает в очень неловкую ситуацию. Нет ничего в мире ценного, но он помнит себя как человека, который стремился к чему-то. Ничего не бывает просто так. Что-то направляло его(!), а не кого-то другого. Осматривая свои раны, философ не сможет найти той волшебной, чарующей нити единения между собой и тем, кем он был. Каждый поступок открывается теперь сквозь призму «суеты». Все его прошлое теряет статус «его» прошлого, он его просто не понимает.

В этом прошлом он дан себе как посторонний, как один из многих, кто полон забот и кто имеет чуждый ему ценностный ориентир. Философ может и был бы безразличен ко многим, но разве можно оставить без внимания самого себя, свою собственную память, что вызывает тоску по ощущению жизни? Как без прошлого жить, как видеть будущее, как найти себе заботу? Он потерял что-то важное, что-то безусловное – так впервые являет себя беспощадный голод познания, ориентир философа.

Совсем скоро нужда философа выведет его из пустыни и вернет к людям. Начиная со скромных и неуверенных попыток узнать какой-нибудь приличный мотив, какое-нибудь убеждающее безусловное из уст *лучших*, философ будет вынужден обращаться ко все менее благородной публике. В один момент мы обнаружим его неизменным постояльцем обычного

² Под ярким солнцем.

городского рынка, где он, теряя последние крохи былой гордости, будет, как нищий, умолять у прохожих о связи с прошлым, ведь свою собственную он где-то потерял.

Но откуда у прохожих связь с прошлым, пригодная для философа? Какие вообще могут быть точки соприкосновения у философа и обычных людей? Тогда в отчаянии философ решается на преступление – он *создает* Историю, причем такую, которая была бы не просто частным прошлым, маленькой историей, но ту, что подойдет любому человеку, а значит и философу. Он создает Историю как единственный способ утвердить свое существование. Корыстная необходимость обосновать собственную жизнь устремляет его взор на общее в противовес частному, возникает миф. Попутно философ подбирает себе инструменты для своего мифа, что требует от него перехода от маленьких справедливостей к справедливости вообще (что имеет силу и относительно прочих понятий).

Как же он создает миф? Он находит логически непротиворечивое объяснение окружающему миру, то есть он вольно заполняет сферу трансцендентного, недоступного эмпирическому познанию. По сути, он просто указывает на некоторую *возможность* наличия безусловной ценности, которая реализуется в его мифе. Он указывает на Благо.

Здесь примечателен один косвенный момент – общая История, заданная философом, подразумевает определенное поведение людей, и те, как «здоровые» люди, стремятся к совершенству в своих поступках в рамках нового мифа. Ведь они в заботах, а не в сомнениях, они действуют. Цели философа и обычного человека разнятся. В то время как философ добился своего – указав на общую ценность (скорее даже лишь на ее форму), создал Историю, дающую ему спасительную возможность существовать, – здоровые люди нуждаются в правильном устройении своих забот. Это противоречие интересов приводит к тому, что философа, чтобы он согласился устраивать чужие заботы (а кто это сделает лучше него?), «надо обязать к этому и применять наказания»³, ведь его интересуют не внутренние ценности новой системы (власть, признание и прочее), а сама логическая возможность какой-либо безусловной ценности.

Каждый следующий философ вновь и вновь будет обнаруживать себя на рынке (во все менее буквальном смысле), обездоленным и потерянным. В меру своих способностей и талантов он будет создавать новую Историю, либо, по недостатку времени, инструменты, которыми воспользуются другие. Каждый новый миф увеличивает пропасть между человеком и философом. Миф становится частью культуры, расширяя её.

³ Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 104.

Более тяжелой болезнью философии должен переболеть человек, чтобы потерять свое прошлое и стать философом; Левиафан становится все крупнее и скалит все более острые клыки.

\\

Стоит обобщить вышесказанное:

- 1) Человек теряет ценностный ориентир в жизни;
- 2) В том случае если он оказывается *лучшим*, его самомнение не позволяет ему опереться на окружающих и вновь вернуться в поток событий;
- 3) Изъедая себя вопросами, он обнаруживает, что полностью изъел (потерял) какую-то важную взаимосвязь между собою в прошлом и собой настоящим, ведь сейчас у него есть ориентир – познание самого себя, а также был какой-то ориентир ранее, но логически их связать в самом себе, как в одном человеке, он не способен.
- 4) Он создает некоторую систему, которая искусственно связывает его в прошлом (или окружающих его людей, что равноценно) с ним в настоящем в рамках некоторого генезиса. Понимая себя, как человека более свободного и разумного, чем он был ранее, он задает линию Истории, которая с необходимостью движется от несвободы к свободе, от неразумия к разуму, причем всё, что было до «прошлого» и что будет после «настоящего» вольно задается, отталкиваясь от этой линии.
- 5) Соответственно, подлинным мотивом действия человека становится попытка убежать от того, что он считал самым собою ранее. Чаще всего это выражается в каком-нибудь Государстве, коммунизме, вечном мире и подобном, где от человека остается только определенная и вечная функция.

\\

Представим теперь такого философа, который сумел написать Историю Историй и создал миф такого уровня, что более непреодолим для человека. Назовем этого философа последним философом.

Трудно вообразить себе отчаяние последнего философа, но мы можем предположить у него недюжинную смелость и способность выдерживать взгляд самого страшного зверя⁴. В противовес предыдущим философам, последний должен создать такую систему, которая свела бы *всю историю* к линии между своим прошлым, как оно дано философу, и его настоящим, не оставляя никаких заступов, а саму линию превратить в точку, отождествив прошлое и

4 «Смело смотреть в глаза истине, верить в силу духа – вот первое условие философии». Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. С. 66.

настоящее. Последний философ должен завершить и подвести общий итог Истории, а также логически исключить все, что не имеет к ней отношения. В его системе не будет места ничему трансцендентному; при этом она должна исчерпать собою все возможности настоящего сознания, то есть потенциально объяснить и вписать в себя любое возможное событие, каждую частную жизнь. История должна стать чистой самодостаточной формой.

Что же будет со всеми теми, кому не повезло появиться после последнего философа? Им уготована печальная судьба. Сама История Историй подразумевает простоту появления в ней многочисленных *лучших*, так как к этому мифу подходит любая деятельность и любая интерпретация собственной деятельности. Лучшие, пораженные философской болезнью, не способны преодолеть границы между состоянием «суеты» и становления философом, так как граница была стерта последней системой.

Что же это за состояние «суеты»? Это то состояние, когда человек принимает равноценность окружающего мира и вместо того, чтобы попытаться в нем себя утвердить и найти какую-то надежную опору, спросить себя «Почему я делал нечто?», остается на уровне пассивного принятия бессмысленной жизни. Такой человек отдает себя моменту и являет себя простой функцией мира, совокупностью отношений, к которым он принадлежит. Сомнения не изъедают его память, он умеренно болен и спокойно существует в согласии с собой. Он функция этого мира, место языка, условие протекания дискурса...

\\

Здесь можно было бы закончить, но я бы хотел изложить еще одну интуицию – можно предположить, что были и будут существовать такие люди, которые не смогут удовлетвориться состоянием спокойствия. Они не могут выйти за границы мифа последнего философа, но они могут попытаться в нем искусственно положить некоторую область иррационального, бессознательного. Отдавая те или иные части Истории в область иррационального, они мистифицируют Историю. Экономика, религия, политика, культура или даже воля становятся новым способом из самой Истории ответить себе на вопрос по поводу взаимосвязи между своим прошлым и настоящим, возможность действовать, а не просто быть функцией мира. Каждое новое объяснение приписывает миру все больше иррациональности и искусственно сужает сферу Истории до уровня своего дискурса. Предписываемая истории иррациональность постепенно охватывает все пространство вокруг человека, замыкая его жизнь на самом себе, на сухом желании быть, превращая ее в своеобразный магический обряд.

Обнаруживаемое таким образом прошлое искусственно, в нем более нет той философской естественности, которая была присуща философам тогда, когда они еще могли существовать. Человек находит не необъяснимую разницу между собой в настоящем и прошлом, а разницу между разными видами прошлого и настоящего, ведь искусственно положенная иррациональность той или иной области Истории вполне понятным образом задает нам тот или иной ценностный ориентир. Вместо ситуации отчаяния мы оказываемся в ситуации выбора.

Если сделать некоторое допущение, что мы можем различить Историю как таковую и историю, как её воспринимает и интерпретирует отдельный человек, то на практике История становится самостоятельной и независимой от жизни человека сущностью, так как никто не может выйти за ее границы и не может ее каким-либо образом определить. Иррационализируя историю, человек ограничивает себя от возможности каким-либо способом не просто найти потерянное прошлое, но просто обнаружить, что у *него* лично было когда-то какое-либо прошлое. Он вновь становится полон забот, но в отличие от «забот» античности, его заботы имеют не естественный, природный (физическое выживание и утверждение), а скорее искусственный, внешний характер. А что является причинами этих искусственных забот: История ли сама по себе, либо другие люди, классы... – уже другой вопрос.

Подведем итоги: изначально история появляется как использование общего нарратива под нужды частных людей и объяснение взаимосвязи их и их прошлого. Через общую историю люди познавали и определяли самих себя, свою частную жизнь. Философы создавали все более крупные исторические проекты, которые включали в себя частную жизнь в большем объеме, пока последний философ не отождествил частную и общую историю, замкнув их на самих себе, подчинив отдельного человека истории. Первоначальное отношение перевернулось, и сегодня мы имеем такую ситуацию, что человек иррационализирует историю, тщательно разрывает взаимосвязи между любыми фактами и объясняет свою собственную жизнь не с позиции взаимосвязи с прошлым, а с позиции функционального существования здесь и сейчас, с позиции выбора.

История, возможно, не закончилась, но закончилась философия.

Библиография

Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993.

Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79-420.

Образ Юлиана Отступника в пьесе Г. Ибсена "Кесарь и галилеянин"

Арина Косарева (образовательная программа «Филология»)

Флавий Клавдий Юлиан (332–363 гг. н.э.) или Юлиан II – внук основателя Константинополя Константина Великого, один из императоров Римской империи, правивший около двух лет, с 361 по 363 год. Наиболее известен этот монарх под именем Юлиана Отступника. Это прозвище он получил в церковной традиции за то, что в краткий период своего правления отрекся от христианства, набравшего силу после Миланского эдикта Константина Великого¹, в пользу языческого многобожия.

Юлиан – одна из самых противоречивых фигур в истории человечества. Его реформы и правление в целом оценивали как положительно², так и отрицательно³. Самый же крупный и наиболее подробный труд о

жизни Юлиана принадлежит перу римского историка Аммиана Марцеллина⁴, присутствовавшего при большей части описываемых им событий. Не менее интересна и

¹ Миланский эдикт был принят в 313 году н.э. и провозгласил терпимое отношение ко всем религиям.

² Например, византийский историк Эвнапий (347-420 гг. до н.э.).

См. *Эвнапий Сардиец*. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, Александрия, 2003. С. 62–143.

К сожалению, полного текста истории Эвнапия не сохранилось, но, по свидетельству патриарха Константинополя Фотия, «[и]стория Эвнапия [была] составлена почти что для одного восхваления Юлиана».

См. *Удальцова З.В.* Эвнапий из Сард – идеолог угасающего язычества // *Античная древность и средние века*. 1973. № 10. С. 70–74.

³ Например, современник Юлиана, византийский историк и богослов Григорий Назианзин, известный как Григорий Богослов. Он сочинил два слова, обличавшие и осуждавшие императора.

См. *Григорий Богослов*. Слово 4 // Творения: В 6 ч. Ч. 1. М., 1843. С. 84–178.

Григорий Богослов. Слово 5 // Творения: В 6 ч. Ч. 1. М., 1843. С. 179–216.

⁴ *Аммиан Марцеллин*. Римская история. М.: Алетейя, 2000. Далее в работе ссылки на это сочинение приводятся сокращенно.

Образ Юлиана Отступника в пьесе Г. Ибсена...

рецепция образа Юлиана в литературе. Так, между XIX и началом XX вв. было опубликовано не менее 10 художественных произведений об этой исторической личности – причем на разных языках: например, *Julian the Apostate*. Sir Bart Aubrey de Vere. 1822 (англ. яз.); *Julian*. Joseph von Eichendorff. 1853 (нем. яз.); *Kejser og Galilæer*. Henrik Ibsen. 1873 (норв. яз.); *A Story of the Days of Julian the Apostate*. Ellen Palmer. 1889 (англ. яз.); «Отверженный». Д.С. Мережковский. 1895 (рус. яз). Как мы видим, об императоре-отступнике «высказывались» почти каждые десять лет. Изучение того, как менялся его образ с течением времени, безусловно, заслуживает отдельного исследования, однако мы бы хотели сосредоточиться на одном уже названном выше произведении: на пьесе «Кесарь и Галилеянин» норвежского драматурга и поэта Генрика Ибсена. Это сочинение вполне можно назвать ключевым: именно оно разошлось по всему миру многочисленными тиражами⁵, взволновало умы и стало объектом критики и изучения.

Генрик Ибсен называл «Кесаря и Галилеянина» своим «главным произведением»⁶, но путь к написанию драмы занял почти десятилетие (1864–1873 гг.). Летом 1864 года Ибсен отправился в первое путешествие по Италии, занявшее 4 года, – вплоть до 1868. Эта страна, сформировавшая мировосприятие многих творческих людей, повлияла и на него. После поездки он признавался, что с трудом понимал античность: «...с античным искусством я все еще не могу освоиться, не понимаю связи его с нашим веком, мне недостает иллюзии и прежде всего личного, индивидуального начала, которое должно быть присуще художнику и выражаться в его произведении»⁷, – писал Ибсен. Бьёрн Хеммер, современный исследователь творчества Ибсена⁸, утверждал, что писатель, первый раз посетив Италию, почувствовал огромную дистанцию между своим временем и творчеством древних⁹. Ровно эта дистанция и мешала ему проникнуться духом прошлого. Но интерес к античности не угас.

Одним из спутников Ибсена в путешествии по Италии был его близкий друг Лоренц Дитриксон, норвежский филолог и историк культуры. Друзья находились в городке Гензано

⁵ Только в первом тираже было 4000 копий, которые раскупили всего за 2 месяца, и Фредерику Хегелю, издателю Ибсена, пришлось выпустить дополнительный тираж в 2000 экземпляров. О популярности произведения свидетельствует и немалое количество переводов на иностранные языки вскоре после издания. Так, английский перевод «Кесаря и Галилеянина» вышел в 1876 году, в 1888 – немецкий (причем сразу 2: в Берлине и в Лейпциге), а в 1895 – французский. На русский язык пьесу впервые перевели в Киеве в 1900 году, включив ее в первый том полного собрания сочинений Генрика Ибсена.

⁶ *Ибсен Г.* Полное собрание сочинений: В 4 т. Т 4. СПб., 1909. С. 407. Далее в работе ссылки на это издание приводятся сокращенно (Полное собрание сочинений Ибсена, с. №).

⁷ *Хеммер Б.* Ибсен. Путь художника. М.: Б.С.Г.-Пресс; ОГИ, 2010. С. 267. Далее в статье ссылки на это издание приводятся сокращенно.

⁸ В 1970 году он выпустил труд, полностью посвященный «Кесарю и Галилеянину» (к сожалению, перевода на русский язык мы не нашли).

⁹ Хеммер, с. 267.

Образ Юлиана Отступника в пьесе Г. Ибсена...

недалеко от Рима, и однажды Дитриксон читал вслух отрывки из «Описания жизни Юлиана Отступника» древнеримского историка Аммиана Марцеллина. Ибсен живо заинтересовался личностью византийского правителя и долго беседовал о нем с другом. В этот момент и родилась идея сочинить пьесу на исторический сюжет об императоре-отступнике, надевшемся возродить язычество в христианские времена.

К реализации задумки, однако, Ибсен приступил не сразу – процесс затянулся примерно на 7 лет¹⁰. Первые 4 года, еще находясь в Италии, он лишь собирал материалы для нового произведения. Главным источником, как писал драматург, был Аммиан Марцеллин¹¹. Но при этом Ибсен утверждал, что «...в основу «Кесаря и Галилеянина» [им] не положено никакого отдельного исторического труда», а пользовался он, вдобавок к Марцеллину, выписками из трудов разных церковных деятелей и даже ученых своего времени. Среди них, например, Альбер де Брольи, французский историк, а по совместительству и политик, работавший в 1856–1869 гг. над книгой «Церковь и Римская империя в IV веке нашей эры».

В 1868 году Ибсен переехал из Италии в Дрезден, а затем отправился в короткое осеннее путешествие по Египту. Драматург то возвращался к замыслу, то был готов отказаться от него: «В настоящий момент я не думаю о “Юлиане” и не намерен начать над ним работу; в ужасе отшатываюсь от этого парня и от всего этого материала»¹². Сомнений было много. Они рассеялись только к лету 1871 года. Сначала Ибсен задумал драму из трех частей, но в процессе работы она сократилась до двух. К ноябрю 1872 года была закончена первая часть – «Отступничество цезаря», а к концу зимы 1873 – вторая, «Император Юлиан». Ибсен отдал пьесу своему издателю Фредерику Хегелю, но до публикации было еще далеко: драматург правил текст вплоть до осени 1873 года. Так, изначально, еще в 1870 году, Ибсен задумал «Кесаря и Галилеянина» как «всемирно-историческую драму», но затем поменял подзаголовок на «мировую драму». Автор объяснял это Хегелю так: «Пусть заглавие... вас не пугает. Оно в духе названий: народная драма, семейная драма, национальная драма, и вполне уместно, так как в пьесе моей речь идет и о небе, и о земле»¹³. Но к концу февраля 1873 Ибсен вернул

¹⁰ Драматург в 1864–1865 гг. активно работал над пьесой «Бранд», впервые опубликованной в 1866 году. После этого, помимо сбора материалов для «Кесаря и Галилеянина», с января по октябрь 1867 года он занимался «Пер Гюнтом». В 1868 году он начал работу над комедией «Союз молодежи», которая была закончена только к весне 1869. В 1870 году Ибсен готовил отдельное издание своих стихотворений.

¹¹ «Ближе всего я держался исторического материала, данного Аммианом Марцеллином, и последний больше всех был мне полезен». См. Полное собрание сочинений, с. 515.

¹² Примечания // Кесарь и Галилеянин. Роммерсхольм. СПб.: Наука, 2006. С. 651. Далее в статье ссылки на примечания приводятся сокращенно.

¹³ Полное собрание сочинений, с. 404.

Образ Юлиана Отступника в пьесе Г. Ибсена...

старый подзаголовок «всемирно-историческая драма» – из-за «универсальности темы»¹⁴, затронутой в пьесе, и 17 октября, наконец, «Кесарь и Галилеянин» оказался на полках книжных лавок.

В сумме Ибсен писал драму около 9 лет: нелегко было собрать материал, структурировать его, продумать сюжет и героев, к тому же, необходимо было работать и над другими произведениями... Позднее, в начале 1890-х годов драматург объяснял задержку между появлением идеи и ее реализацией собственным мировоззрением. Он говорил, что собранный в 1864–1868 гг. материал был для него «чуждым» из-за «узконационального» склада его ума, который стал «племенным» благодаря его опыту: особенно на него повлияла франко-прусская война 1870–1871 гг.¹⁵

Как мы уже упоминали, пьеса Ибсена состоит из 2 частей: «Отступничество цезаря» и «Император Юлиан». В каждой части по 5 действий, движение которых отчасти напоминает синусоиду. Сначала перед нами путь молодого принца «вверх», к императорскому пурпуру – а затем «вниз», к краху всех убеждений и к смерти. В 1 части мы видим пять ипостасей Юлиана. Для удобства мы собрали некоторые цитаты¹⁶ и наши комментарии к тексту в таблице 1.

Итак, в первой части драмы мы узнаем, что Юлиан – суеверный и амбициозный человек; это герой ищущий, но все время ошибающийся. Сначала он ищет истины, затем жизни и чудес, но всегда его поиск ознаменован жаждой свободы. Освободиться от гнета Констанция, от пыльной учености Либания, от неумолимой гибели...

В поисках хотя бы какой-то свободы Юлиан научился лицемерить и притворяться, он умеет манипулировать людьми и именно так добивается желаемого. Свобода для него, в свою очередь, тесно связана с язычеством. А затем она приравнивается и к власти. Получается своего рода триада «свобода-язычество-власть», которая работает в обе стороны и закольцовывается на самой себе. Юлиан в плену своих убеждений, хотя и верит, что освободился и от власти кесаря (Констанция), и от власти Галилеянина, став императором.

Однако во 2 действии мы видим, что убеждения Юлиана – лишь иллюзия. Получив абсолютную власть, он оказывается едва ли не самым слабым человеком в империи: управляя действиями своих подданных, он не оказывается идеологическим главой государства. Все его

¹⁴ Там же, с. 407.

¹⁵ Полное собрание сочинений, с. 499–500.

¹⁶ Цитаты приводятся по изданию: *Ибсен, Х. Кесарь и Галилеянин // Кесарь и Галилеянин. Роммерсхольм. СПб.: Наука, 2006. С. 5–234.* Далее в этой работе ссылки на пьесу Ибсена приводятся в тексте с указанием части и действия (I и 1, например) и страницы.

Действие	1	2	3	4	5
<p>Характеристика Юлиана</p>	<p>Юлиану некомфортно в столице, он ведет себя подобострастно и лицемерно, в нем есть страх: принц боится потерять свою жизнь и жизнь вечную. Но при этом он амбициозен, верит в то, что ему предназначено великое будущее: ведь не зря его матери в день его рождения приснилось, «будто она родила Ахиллеса» (I, 1, 16). В столице начинается отступничество принца: он решает досконально изучить то, с чем ему предстоит бороться – язычество.</p>	<p>Принц позволяет себе язвительные шутки, оскорбляя и Бога, и кесаря – его страх перед обоими теперь сродни безумию. Наслаждение жизнью, поиск жизни – вот основная цель Юлиана. Одновременно разочарован в учении Либания: философия и риторика не принесли ему желанной свободы.</p>	<p>Увлечен мистикой (гадает вместе с Максимом Эфесским) и узнает о своем предназначении: он должен объединить 2 царства: основанное на «древе познания» и на «древе креста» – т.е. язычество и христианство соответственно. В результате получится «третье царство», утверждению которого, кажется, и должна быть посвящена жизнь Юлиана: однако он не хочет верить в судьбу и жаждет свободы: «Я не повинуюсь необходимости! <...> Я свободен, свободен, свободен!» (I, 3, 62). Получает титул цезаря.</p>	<p>Получил слишком большую власть: побеждает врагов, любим армией, а предводитель противников Кнодомар по ошибке назвал его «кесарем». Но титул цезаря не даровал ему полных власти и свободы, о которых он мечтал. Он не может распоряжаться собой, его победы над врагами номинальны, они – лишь «позолоченная внешняя сторона убожества цезаря» (I, 4, 68). С помощью лицемерия, подталкиваемый женой Еленой, склоняет армию на свою сторону становится провозглашенным императором – но только для того, чтобы спасти свою жизнь.</p>	<p>Все еще сомневающийся герой: принять ли ему венец? Но ответа на вопросы нет, и Максим советует цезарю «идти вперед вслепую», взять «свою судьбу в свои руки» (I, 5, 99). В христианстве он видит несвободу, страх и необходимость, в язычестве – радость, счастье и освобождение. Ведь «языческий грех был столь прекрасен» (I, 2, 43), а у верующих в Бога «провалившиеся глаза, бледные лица и впалая грудь» (I, 5, 101). Решается стать кесарем уже ради власти и выбирает язычество.</p>

Портрет Юлиана	«...не вполне возмужавший юноша девятнадцатилетний», «беспокойные карие глаза», «жесты <...> угловаты и порывисты», а «придворное платье <...> не к лицу» (I, 1, 12)	«волосы его в беспорядке» (I, 2, 34), на голове венец из роз; «одет в короткий плащ» (I, 2, 34)	«...в длинном восточном одеянии... возбужден, весь его вид выдает сильное внутреннее волнение» (I, 3, 49)	«в покрытых пылью доспехах» (I, 4, 47), «...снимает с себя золотую цепь и несколько раз обвивает ею голову цезаря... солдаты поднимают цезаря на щит и показывают его толпе под громкие неумолкающие крики ликования» (I, 4, 91)	«...с нечесаной бородой, в грязном платье» (I, 5, 92). После того, как решился принять титул цезаря: «...на лбу, на груди и на руках у него пятна крови» (I, 5, 105) – обряд «омовения» от христианства кровью
Место действия	Константинополь, при дворе императора Констанция, его дяди и одновременно убийцы его отца	Афины, философская школа Либания, ритора и учителя	Эфес, у мистика и философа Максима, ставшего близким другом и советником Юлиана	Лютеция, Галлия, на войне вместе с женой Еленой	Виенна, в пещере, выбор между христианством и язычеством

Табл. 1

попытки сформировать мышление людей безуспешны (например, дионисийское шествие, задуманное Юлианом, встречают насмешками и издевательствами (см. II, 1, 126–129), а христиане никак не желают подчиниться его воле и демонстративно рушат языческие храмы (см. II, 2, 145–146)). Отсюда и его безрассудство, отчетливо проявляющиеся к концу произведения: наиболее заметно оно в стремлении Юлиана стать богом. Он пытается восстановить храм в Иерусалиме (II, 1, 156), начинает войну с Персией (II, 3, 183), которая приводит его к совершенному безумию: он приказывает сжечь свой флот, а после считает, что «галилеяне подстроили поджог» (II, 5, 214).

Война с Персией становится для Юлиана одновременно и войной с Христом, с «Галилеянином», как он его называет. Образ Христа преследует его и связан с близостью смерти. Императору несколько раз является Христос, а в ночном лесу ему слышится голос,

Образ Юлиана Отступника в пьесе Г. Ибсена...

произносящий «Я мастерю гроб для кесаря» (II, 5, 224), после этого – пение, наконец, он видит «рать Галилеянина» (II, 5, 227) в утреннем тумане. Все действительно рушится в мире кесаря: его верования, его идеология, его здоровье.

Император борется с судьбой, но постоянно проигрывает, потому что спорит с тем, что победить невозможно. Судьба в пьесе Ибсена приравнивается к идее необходимости, и человек, пытающийся идти против течения, невольно оказывается идущим по нему, что не может не привести к еще одной важнейшей характеристике Юлиана: это трагический герой¹⁷. Как Софоклов Эдип, он безуспешно пытается противостоять року и своим противостоянием обрекает себя на гибель.

Противостояние тому, что предначертано – это не что иное как *ὕβρις*, античная «дерзость», за которую герой всегда наказывается. Ибсен же предлагает иную трактовку: действия Юлиана – бунт против Галилеянина – это действительно «дерзость»¹⁸. Однако кесарь не может не совершить ее – иначе нарушит закон необходимости. Он, жаждущий свободы, в плену у рока¹⁹. И только выполнив свое предназначение, он, наконец, обретает долгожданную свободу. И тогда «дерзость» Юлиана не будет наказана – напротив, это ему «зачтется во благо» (II, 5, 234).

В финале «Кесаря и Галилеянина» последний побеждает – кесарь проигрывает войну с персами и погибает. Но воевал ли Галилеянин вообще? Император сам бросил ему вызов и, полагая, что вызов принят, начал сражение. Но боролся он с ним, по сути, больше в самом себе: «Что ты на самом деле ненавидишь и преследуешь? <...> И разве не живет Он в твоей ненависти и нападках точно так же, как живет в нашей любви?» (II, 4, 198) – говорили кесарю. В связи с этим интересную трактовку получает заголовок пьесы.

«Кесарь и Галилеянин» – это две противоположности, «владыка земной» и «владыка небесный» соответственно. А значит, борьба между ними. Но сочинительный союз «и» можно трактовать как соединение двух противоположностей, их приравнивание и даже единение в одном.

¹⁷ Интересно, что в 1864 году именно так Ибсен и характеризовал свое произведение: «...подготавливаю материалы для трагедии “Юлиан Отступник”». См. *Ибсен Г.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Искусство, 1958. С. 671. Далее в статье ссылки на это издание приводятся сокращенно (Собрание сочинений Ибсена, с. №).

¹⁸ И здесь возникает еще один смысловой слой «подражаний» Юлиана Христу, описанных выше. Если предположить, что Юлиан намеренно повторяет какие-то поступки, совершенные «сыном плотника», то он дерзит ему, бросает вызов.

¹⁹ Еще до публикации романа, в осенью 1871 года, Ибсен писал Георгу Брандесу (датский литературовед, анализировавший пьесу «Кесарь и Галилеянин»). См. *Брандес Г.* Хенрик Ибсен: «Кесарь и Галилеянин», всемирно-историческая драма // Кесарь и Галилеянин. Роммерсхольм. СПб.: Наука, 2006. С. 499-507): «Занимаясь своим Юлианом, я до известной степени стал фаталистом». См. Собрание сочинений Ибсена, с. 696.

Последнее особенно важно, потому что на протяжении всей пьесы Юлиан невольно подражает Христу. Например, он просил своих друзей присоединиться к нему (сцены I, 1, 33 или I, 3, 53), но они отказывались, ссылаясь на семейные несчастья и проблемы. А.А. Юрьев, составитель примечаний к русскому академическому изданию «Кесаря и Галилеянина», писал, что это «иронично-разоблачительное» сопоставление Юлиана с Христом, ради которого апостолы оставили своих близких²⁰.

В первом действии второй части Юлиан устраивал дионисийское шествие и ехал по городу «верхом на осле» (II, 1, 126), как Христос въезжал на осле в Иерусалим.

В конце этого действия он решил отправиться из Константинополя в Антиохию, где, согласно Библии (Деян. 11:26), христиане впервые были названы таковыми. Юлиан, прекрасно знавший священные книги, не мог не быть в курсе этого. Тем символичнее, что он выбрал именно это место для того, чтобы установить язычество по всей империи.

Наконец, в последнем действии всей пьесы Юлиан был ранен в правый бок копьем – так же принял смерть и Христос²¹. А убивший императора герой – его близкий друг Агафон, истинный христианин, покончил жизнь самоубийством, как Иуда.

Итак, кесарь действительно так или иначе приравнен к Галилеянину: больше в ироничном ключе, чем в реалистичном²².

Впрочем, Ибсен все же не дает явную оценку Юлиану Отступнику: хорош или плох этот герой? Решить предстоит читателю и только ему – это вполне в духе новой драмы. Драматург задается следующими вопросами: какова роль императора в ходе истории? какой эффект на человечество имело его отступничество? суждено ли было Юлиану отречься? Все эти вопросы тесно связаны с ходом истории: напрашивается мысль о том, что Ибсен в целом историчен – т.е. тщательно придерживается источников. Так ли это?

Для ответа на этот вопрос стоит обратиться к основному источнику Ибсена – Аммиану Марцеллину. Сравним упомянутую вскользь сцену убийства Юлиана в пьесе и в «Римской истории»:

²⁰ Примечания, с. 664.

²¹ Эпизод, когда умирающий Юлиан просит пить, и ему подносят чашу (II, 5, 232) Юрьев трактует эпизод так: император испытывает меньше страданий, чем Иисус, которому поднесли губку с уксусом, а значит, здесь тоже ирония. См. Примечания, с. 695.

²² Разумеется, приведенный нами список не исчерпывающ, однако анализ и интерпретация иных переключек не составляют цели нашей работы.

Аммиан Марцеллин	Г. Ибсен
«...и, неизвестно откуда, внезапно ударило его кавалерийское копьё, рассекло кожу на руке, пробило ребра и застряло в нижней части печени» (Марцеллин, книга 25).	«Агафон... Бросает копьё, которое, задев руку Юлиана, вонзается ему в бок» (II, 5, 228).

Очевидно, что у Марцеллина не указан убийца Юлиана: вероятно, Ибсен «додумал» эту сцену. Так значит, раз драматург не следует источникам, он не историчен? В письме к Георгу Брандесу²³ Ибсен писал: «...я смотрю на характеры, на перекрещивающиеся замыслы, на историю, меня несколько не занимает мысль – какую из всего этого можно вынести “мораль”». Скорее, тогда, норвежский драматург историчен в своей задаче в целом: Ибсен пытается отыскать закон истории и находит его в трагичной судьбе Юлиана. Мы уже упоминали о том, что на Ибсена повлияла франко-прусская война 1870-1871 гг. Именно это событие могло заставить его оглянуться в прошлое и попытаться найти какую-то закономерность в истории: нечто, объясняющее суть происходящего в мире. И тогда пьесе «Кесарь и Галилеянин» имеет смысл рассматривать именно в таком ключе – что, впрочем, не исключает дальнейшего исследования этого произведения и его более тщательного сопоставления с иными историческими трудами.

²³ Собрание сочинений Ибсена, с. 696.

Образ Юлиана Отступника в пьесе Г. Ибсена...

Библиография

Аммиан М. Римская история. М.: Алетейя, 2000 (Античная библиотека).

Бенуа-Мешен Ж. Император Юлиан, или Опаленная мечта. М.: Молодая гвардия, 2001.

Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Изд. Моск. патриархии, 1992.

Ибсен Х. Кесарь и Галилеянин // Кесарь и Галилеянин. Роммерсхольм. СПб.: Наука, 2006. С. 5–234.

Ибсен Г. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. СПб., 1909.

Ибсен Г. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Искусство, 1958.

Примечания // Кесарь и Галилеянин. Роммерсхольм. СПб.: Наука, 2006.

Хеммер Б. Ибсен. Путь художника. М.: Б.С.Г.-Пресс; ОГИ, 2010.

Юрьев А.А. Между светом и тьмой: Мистериальная традиция в творчестве Хенрика Ибсена // Кесарь и Галилеянин. Роммерсхольм. СПб.: Наука, 2006. С. 517–648.

Образ Москвы в первом цикле комедий Екатерины II на примере анализа пьесы «О, время!»

Екатерина Захарова (образовательная программа «Филология»)

Основы просвещения, заложенные еще Петром Великим, дали плоды уже в царствование его дочери императрицы Елизаветы Петровны. При Елизавете действовали М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский и А.П. Сумароков, представившие образцы русского творчества во всех разновидностях поэзии того времени. Частично под влиянием этих писателей, частично же под влиянием современных тенденций и обычаев Елизаветинского двора в русском обществе укрепилась мода на французский язык. При Елизавете великая княгиня Екатерина Алексеевна предпочла именно французских писателей. И «пока Петр в ожидании короны играл в солдатики, осваивал ружейные приемы и предавал военно-полевому суду мышей, попавшихся в мышеловку, Екатерина читала, читала и читала: в продолжение семнадцати лет, что отделяли ее от престола, чтение книг и выписки из них были ежедневным ее занятием»¹. Несмотря на то, что в 15 лет она приняла православие и поставила перед собой цель максимально сблизиться с русским народом, духовной пищей ей служили французские сочинения. Особенно близок взглядам Екатерины был Дени Дидро, который считал, что нравственность напрямую зависит от устройства общества. В последствии этот принцип станет основным и в политическом дискурсе императрицы, и в литературном. После коронации Екатерина не изменила своим литературным вкусам и идеям и взялась за распространение французского просвещения в русском обществе, примерив на себя роль литератора.

В роли литератора Екатерина II выступала около четверти века, из-под ее пера вышло множество текстов: политические манифесты, биографические и публицистические заметки, журнальные статьи и фельетоны, драмы и комедии, детские сказки и тексты, предназначенные для воспитания ее внуков – Александра и Константина. Последние, в сущности, были обращены не только к юным великим князьям, но и к русскому читателю вообще. Большая часть литературного наследия императрицы – драматургия. Она занимает центральное место в творчестве Екатерины². Всего сохранилось 25 законченных театральных пьес и отдельные отрывки из 7 пьес. Значимую часть наследия императрицы составляет ее переписка с

¹ Никуличев Ю. Воцаренное слово: Екатерина II и литература ее времени // Вопросы литературы. 2000. № 1. С. 133.

² Гуковский Г.А. Екатерина II // История русской литературы: В 10 т. Т. 4. Литература XVIII века. Ч. 2. М., 1947. С. 366.

философами-просветителями, прежде всего с Вольтером, Дидро и Гриммом. Г.А. Гуковский отмечает, что эпистолярный жанр Екатерины был столь популярен, потому что ее частные письма были полноценными литературными произведениями, имеющими только внешнюю форму писем³.

«О, время!» (1772 г.) – одна из пяти пьес премьерного цикла Екатерины Великой, в который входили также «Именины госпожи Ворчалкиной», «Передняя знатного боярина», «Госпожа Вестникова с семьей», «Невеста-невидимка». Данный цикл имеет свои особенности: 1) общий вымышленный автор; 2) общие вымышленные место и время создания (Ярославль, во время московской чумы); 3) общая героиня в «О, время!» и «Госпожа Вестникова с семьей» и упоминание в «Именинах госпожи Ворчалкиной» о постановке комедии «О, время!» и ее героях; 4) общие темы и объекты сатиры; 5) дидактическая направленность; 6) злободневность⁴.

Интересно, что в первой пьесе «О, время!», кроме места написания комедии «Ярославль», автор указывает и время «во время чумы 1772 года». Маркер времени переносит читателя в Москву, так как именно там в 1772 году началось восстание горожан, получившее название «чумной бунт». Не сохранилось источников, которые рассказывали бы о чувствах рядовых москвичей того периода, однако русской элитой чума воспринималась, «как болезнь варварская, турецкая, и ее вспышка в Москве служила доказательством не цивилизованности и отсталости города»⁵. Таким образом, чума как нельзя лучше «осветила» все те аспекты московской жизни, которые приводили Екатерину в негодование. Императрица полагала, что ответственность за ужасы, царившие в Москве во время эпидемии, лежит на суеверии москвичей. Неудивительно, что именно этим обусловлен выбор темы для драматического дебюта Екатерины.

Тем не менее, написав пьесу, место действия которой разворачивается в Москве, во время, когда чума царилла именно в Первопрестольной, императрица в качестве места действия указывает Ярославль. Можно предположить, что Екатерине было важно подчеркнуть линию «Москва-провинция». Несмотря на то, что Москва носила статус старой столицы, а Дидро даже предлагал Екатерине вновь присудить ей статус действующей, для нее Москва была

³ Гуковский Г.А. Указ. соч. С. 367.

⁴ Гуськов Н.А. К проблеме жанрового своеобразия комедий императрицы Екатерины II (цикл 1772 г.) // Международная конференция Екатерина Великая: эпоха российской истории в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729-1796) к 275-летию Академии наук Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. // URL: http://www.ekaterina2.com/konf/konf_045.php

⁵ Погосян Е.А. От старой Ладоги до Екатеринослава: место Москвы в представлениях Екатерины II о столице империи // Лотмановский сборник. № 2. М., 1997. С. 513.

Образ Москвы в первом цикле комедий Екатерины II...

воплощением города провинциального, обладающего даже некоторыми деревенскими качествами.

Если рассматривать место действия с позиции литературоведения, можно сказать, что выбор Москвы обусловлен не только личным негативным отношением императрицы, но и подражательностью пьесы. Среди исследователей творчества Екатерины существует мнение, что перенос места действия пьесы в Москву не связан ни с чем иным, как с тем, что «О, время!» – подражание комедии К.Ф. Геллерта «Богомолка» (*Die Betschwester*)» (1745 г.), где «место действия на странице со списком действующих лиц не указано; однако реплики в первой сцене позволяют понять, что оно развивается не в столице, откуда приехал жених»⁶. Е.Л. Костина также рассматривает эту версию, но подчеркивает, что «императрица блестяще ее [«Богомолку»] отредактировала»⁷. Итак, действие пьесы разворачивается в типичном московском дворянском доме госпожи Ханжахиной. В одном из тех домов, о которых в «Размышлениях о Петербурге и Москве» Екатерина II говорит: «Какие дома, какая грязь в домах, площади которых огромны, а дворы грязные болота»⁸.

Согласно классицистическим канонам, в пьесе соблюдается единство времени, места и действия: все герои помещены в одно пространство, события разворачиваются в течение одного дня, причем хронология их не нарушена. Также действует и система комедийных амплуа: есть молодая героиня, которая хороша собой и добродетельна, помощница-служанка, искренне любящая свою хозяйку, жених, друг-помощник жениха, благородный и разумный, представительница старшего поколения.

Для анализа системы персонажей можно привлечь одну из отличительных особенностей всех пяти пьес – говорящие имена и фамилии. Так, госпожа Ханжахина, своенравная хозяйка, авторитарная опекушка и алчная женщина («*Ханжахина. Лучшие-б ты сто-то рублей отдала в рост, так одних указных процентов дошло бы тебе по полтине с рубля на месяц; а заклад закладом*»). Такая фамилия сразу отсылает читателя к понятию «ханжество» и заранее создает образ героини, склонной к формализму и лицемерию. Ханжахина действительно проявляет эти качества, ее набожность фальшива, гиперболизирована и фанатична. Лаура Доннельс даже склонна считать, что именно религиозное лицемерие и суеверность являются главной темой

⁶ Евстратов А.Г. Публицистический аспект комедиографии Екатерины II: Из комментариев к пьесе «О время!» (1772) // Вестник РГГУ. Ежемесячный научный журнал: Журналистика. «Литературная критика». 2008. № 11. С. 212.

⁷ Костина Е.Л. К истории ранних комедий Екатерины II // XVIII век / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. 1993. Вып. 18. С. 307.

⁸ Екатерина II. Размышления о Петербурге и Москве // Сочинения. М., 1990. С. 482.

Образ Москвы в первом цикле комедий Екатерины II...

комедии (перевод автора, с англ. «the vices of religious hypocrisy and superstition are the major themes of the play»⁹). По ходу чтения читатель понимает, что за мнимой религиозностью Ханжахина скрывает свои главные пороки: жадность, жестокость и лицемерие.

Одна из сестер Ханжахиной Вестникова («весть» – известие, новость), заядлая сплетница, главное же ее удовольствие рассказывать всем «свежие новости. Вестникова не уступает Ханжахиной в корыстолюбии. Мавра иронично отмечает, что у этой героини лишь два интереса: наряды и деньги, ради которых она устроила не одну свадьбу.

Вторая сестра Чудихина, невежественная мать, которая шокирует всех своими странностями, придерживается старых взглядов и баловством портит своего уже взрослого сына. Чудихина – воплощение того фанатичного суеверия (отсюда и корень ее фамилии – «чудить»), которое высмеивается императрицей в «Размышлениях о Петербурге и Москве»¹⁰: невежественность и непросвещенность заставляют ее верить в порчи и наговоры, носить с собой обереги. Вместе эти гости олицетворяют то «праздное и изнеженное» дворянство, которое «видит только жалкия вещи, способный расслабить самый замечательный гений» и которое так не нравилось Екатерине Великой.

Именно эти три сварливые старухи олицетворяют старое и консервативное Московское общество. И если в «Размышлениях о Петербурге и Москве» Екатерина Великая говорит, что «Москва – столица безделья», то ее Ханжахина, подтверждая этот тезис, находит время, чтобы постоянно молиться и принимать в своем доме гостей¹¹. Можно даже связать характеристики этих героинь и суждения М.И. Пыляева, который писал, что «в екатерининское время московское высшее общество было далеко не на высокой ступени умственного и нравственного развития – под золотыми расшитыми кафтанами таились старинные грубые нравы»¹².

Интересно обыгрывает Екатерина II имя внучки Ханжахиной. Христина в переводе с греческого «христианка», «преданная Христу», но именно в отношении этой героини никогда не возникала тема религии. Более того, Христина малообразованна: она не только не говорит по-французски, но и «*по-русски мало она знает*», грамоте и вовсе обучалась у служанки Мавры, а значит и читать святое писание, постигать религию она не может. По какому-то

⁹ O'Malley L.D. The dramatic works of Catherine the Great: Theatre and Politics in eighteenth century Russia. Manoa, Ashgate Publishing Limited, 2006. P. 37.

¹⁰ Екатерина II. Размышления о Петербурге и Москве // Сочинения. Сост. и примеч. В. К. Былинина и М.П. Одесского. М., 1990. С. 483.

¹¹ Там же. С. 483.

¹² Пыляев М.И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 2007. С. 55.

Образ Москвы в первом цикле комедий Екатерины II...

счастливному стечению обстоятельств Христине удалось избежать пагубного влияния своей бабушки, перед читателем совсем юная и неопытная особа («*Мавра. Нет, того не бойтесь. Она и не ханжа, и не скупа*»). Тем не менее, уже и в этом неискушенном существе начинают проявляться «московские пороки», например, неспособность к принятию собственных решений.

Фактически все московское общество делится на два полиса: «старшие» и «младшие». Старшее поколение представляют «старухи», не признающие никаких правил кроме собственных. Исследователь Марк Раеф описывает трех сестер, как старых, невежественных и глупых сплетниц, которые всегда недовольны правительством, готовы жаловаться на что угодно и постоянно осуждать власть за безделье (перевод автора, с англ.: «*Oh, the Times! Is about ignorant old Moscow gossips, malicious, stupid, and dissatisfied with the government, complain about everything under the sun, and constantly abuse the authorities for inefficiency*»¹³). Молодое же поколение воплощено в лице Христины, почти безмолвной и безвольной, ее служанке, женихе и друге-помощнике жениха.

Нужно отметить, что единственным персонажем, выбивающимся из общей канвы отталкивающих московских героев, является Мавра. Трудно сказать, есть ли умысел в выборе имени для служанки, ведь это было типичное имя девушек низкого сословия, однако его значение все же можно рассмотреть, как «говорящее». «Мавра» в переводе с арабского означает «кремень». Действительно, по сравнению со своей хозяйкой, которая не способна даже определиться, хочет она замуж или нет, Мавра тверда в своих намерениях помочь Непустову и Молокососову, служанка имеет достаточно сильное влияние на Христину, старается указать своей хозяйке верный путь:

Мавра. Я вас люблю, это правда; однако в этом деле вы боль на себя полагаться должны. Должны вы прежде себя разобрать, чувствуете ли вы к нему склонность, или нет?

Образ молодой служанки выходит за рамки стандартного амплуа: девушка не только своей хитростью и смекалкой помогает Христине и ее будущему браку, но и во многом превосходит хозяйку. Она грамотна, умна, настойчива и даже в состоянии наравне общаться со столичным гостем Непустовым. Может возникнуть вопрос, зачем Екатерине II понадобился такой преувеличенно положительный образ служанки, ведь в оригинале у Геллерта образ наставницы-помощницы достался дальней родственнице прототипа Христины Лорхен. Замена этого образа на служанку Мавру может быть связан с желанием еще раз подчеркнуть

¹³ Raeff M. Catherine the Great. A Profile. London: The Macmillan Press LTD, 1972. P. 77.

ошибочность и комичность уклада жизни москвичей: служанка обладает выдержкой и образованностью знатной девушки, а внучка Ханжахиной представляет из себя лишь ее отдаленное подобие – все в Москве не так, как должно быть. С другой стороны, по версии исследователя Е.Л. Костиной, такой образ Мавры введен в комедию из-за конкретного события, произошедшего во время правления Елизаветы, когда императрица отстранила от обучения великой княгини Екатерины В.Е. Ададунова, дававшего ей уроки русского языка, и вместо него окружила Екатерину девятью горничными, из которых лишь одна говорила по-немецки. Так, благодаря этим горничным великая княгиня очень быстро усвоила русский язык¹⁴.

Необходимо отметить, что бойкая служанка Мавра, напоминающая скорее ловких субреток из французских комедий, в некотором смысле герой-резонер в пьесе: в последнем явлении именно она высказывает авторскую позицию, призывает людей обращать внимание на свои пороки, прежде чем судить других. Наделяя ее такой значимой ролью, Екатерина вторит своему собственному двойственному статусу женщины-интеллектуала.

Очевидно, чтобы образ суеверной, закостенелой, противоречивой Москвы был связан у читателей пьесы лишь с отрицательными ассоциациями, в противовес ему в комедии служит образ Петербурга, воплощенный через Непустова и Молокососова. В.Н. Топоров отмечает, что актуальное уже на протяжении двух столетий противопоставление двух столиц строилось всегда по одной из двух схем. В «О, время!» оно основано на изображении Москвы как хаотичной, беспорядочной, противоречащей логике, полуазиатской деревни и Петербурга как планомерно-организованного, логично-правильного, гармоничного, европейского города¹⁵.

Какими же представляются в пьесе столичные гости? Безусловно, оба они знатны, молоды и образованы. Как и другие герои комедии, они обладают говорящими фамилиями. Фамилия Молокососов («молоко») предупреждает, что перед читателем ментально незрелый герой. Молодой человек, который прибывает в Москву с целью сыграть свадьбу с Христиной, сам не в состоянии договориться с Ханжахиной, более того, позволяет трем сестрам недобрительно высказываться в свою сторону («*Вестникова. ... будто ты за Молокососова внучку свою выдаешь. Статочное ли это дело? Выдать девку за такого несносного дурака!*») и не может самостоятельно пресечь их козни. В определенный момент автор и вовсе проводит параллель между Молокососовым и Христиной, намекая, что столичный юноша тоже еще не

¹⁴ Костина Е.Л. К истории ранних комедий Екатерины II // XVIII век / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. 1993. Вып. 18. С. 310.

¹⁵ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб., 2003. С. 16.

Образ Москвы в первом цикле комедий Екатерины II...

определился в жизни («*Непустовъ. Мне кажется, что ты и сам не знаешь, чего тебе хочется*»). Однако Молокососов вызывает больше положительных эмоций, нежели отрицательных. Лаура Доннельс справедливо отмечает, что наиболее привлекательные герои выставлены в лучшем свете, потому что они соответствуют екатерининским прогрессивным идеям (перевод автора, с англ. «*the major sympathetic characters are shown in positive light because they espouse Catherine`s progressive ideas...*»¹⁶); так получилось и с Молокососовым. Несмотря на то, что Екатерина II явно не симпатизирует тому, что юноша столь не амбициозен и что все его мысли только о женитьбе, она не раз акцентирует внимание читателей на его положительных качествах. Например, в девушке Молокососов ценит не только внешность, но и ум, образованность и умение держаться в обществе.

Впрочем, образ Непустова, как представителя Петербурга, куда более интересен для читателя. Непустов в комедии выступает в качестве парламентаря, доверенного лица, на которого возложена важная задача договориться о браке двух молодых влюбленных. Однако его образ не лишен и комических оттенков, что в принципе необычно для героя такого амплуа. С одной стороны, Непустов нетерпелив, и на сцене это может выглядеть комично. Он неоднократно настаивает на скорейшем возвращении в Петербург, но отъезд постоянно откладывается из-за желания героя призвать обитателей дома Ханжахиной к делу. Благодаря Непустову создается и еще одна комичная ситуация, в очередной раз высмеивается невежество хозяйки дома: даже такого рассудительного, сдержанного человека история про кузнечика, который предсказал смерть супруга Ханжахиной, заставила рассмеяться. Екатерина II нарочно не драматизирует этот рассказ, а делает его предметом насмешек со стороны образованных петербуржцев, чтобы снова подчеркнуть, как же глупо тратить время на суеверия. Чувство юмора Непустова проявляется не часто и почти всегда в отношении москвичек. Когда Молокососов жалуется, что Христина вовсе не говорит с ним, его друг позволяет себе лукавый комментарий:

Непустовъ. Чудно! Нашлась и в Москве молчаливая девица!

Так, Непустов обладает достаточно сухим и сдержанным чувством юмора, однако его реакции на те или иные события и едкие комментарии в сторону Москвы отображают авторскую позицию и работают на противопоставление Москвы и Петербурга. Непустов наравне с Маврой является резонером, оба они выражают не абстрактные философские мысли,

¹⁶ *O`Malley L.D. The dramatic works of Catherine the Great: Theatre and Politics in eighteenth century Russia. Manoa: Ashgate Publishing Limited, 2006. P. 29.*

Образ Москвы в первом цикле комедий Екатерины II...

а личные взгляды и идеи Екатерины II. Тем не менее, у Екатерины нет намерения утвердить образ петербуржца в качестве идеала, поэтому последнюю нравственно-наставляющую речь в комедии произносит Мавра. Вопреки низкому происхождению, она олицетворяет просвещение, добродетель разума, но в более простой и располагающей манере, нежели это смог бы сделать Непустов.

Несмотря на определенное высокомерие, Непустов ценит в людях вечные, «старомодные добродетели»: благородство, честь и верность. Как герой, воспитанный на идеалах Просвещения, он не полагается на религиозные нормы, а руководствуется практическими причинами для правильного, порядочного социального поведения. В отличие от Ханжахиной, им не руководит напускная преданность религиозным устоям, он не цепляется за старые обычаи, как это делают московские старухи, боясь потерять свою значимость и авторитет. Таким образом, Непустов демонстрирует грань между религиозным долгом и более важным светским, моральным законом (т.е. государственной мудростью Екатерины II), который вдохновляет народ, призывает его к порядку. В дополнение ко всем положительным качествам и характеристикам автор наделяет Непустова располагающей фамилией, дающей понять, что герой не склонен к пустой болтовне, его слова всегда полны смысла и подтверждены поступками.

В заключение отметим, что образ Москвы в пьесах и публицистике Екатерины II возникает редко и зачастую содержит отталкивающие черты. Москва существует неразрывно с образом Петербурга или с самим фактом перенесения столицы в город Петра. Более того, ответственность за плачевное состояние города, по мнению императрицы, лежит на москвичих – это люди, привыкшие жить по старым традициям и боящиеся перемен, не принимающие их. Первопрестольная столица неизменно выступает в образе города-провинции, где процветает лень, невежество, суеверие и дикие нравы.

Библиография

- O'Malley L.D.* The dramatic works of Catherine the Great: Theatre and Politics in eighteenth century Russia. Manoa: Ashgate Publishing Limited, 2006.
- Raeff M.* Catherine the Great. A Profile. London: The Macmillan Press LTD, 1972.
- Гуковский Г. А.* Екатерина II // История русской литературы: В 10 т. Т. 4. Литература XVIII века. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Гуськов Н.А.* К проблеме жанрового своеобразия комедий императрицы Екатерины II (цикл 1772 г.) // Международная конференция Екатерина Великая: эпоха российской истории в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729-1796) к 275-летию Академии наук Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. // URL: http://www.ekaterina2.com/konf/konf_045.php
- Евстратов. А.Г.* Публицистический аспект комедиографии Екатерины II: Из комментариев к пьесе «О время!» (1772) // Вестник РГГУ. Ежемесячный научный журнал: Журналистика. «Литературная критика». 2008. № 11.
- Екатерина II.* О, время! // Российский театр. Полное собрание всех российских театральных сочинений: В 3 т. Т. 2: Комедии. Ч. 11. СПб.: Императорская академия наук, 1786. С. 3–84.
- Екатерина II.* Размышления о Петербурге и Москве // Сочинения. М.: Современник, 1990.
- Костина Е.Л.* К истории ранних комедий Екатерины II // XVIII век / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. 1993. Вып. 18.
- Никуличев Ю.* Воцаренное слово: Екатерина II и литература ее времени // Вопросы литературы. 2000. № 1. С. 132–160.
- Погосян Е.А.* От старой Ладogi до Екатеринослава: место Москвы в представлениях Екатерины II о столицы империи // Лотмановский сборник. № 2. М.: ОГИ, 1997.
- Пыляев М.И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 2007.
- Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство, 2003.

Образ Н.Б. Долгорукой в русской поэзии начала XIX века

Ангелина Евстратова (образовательная программа «Филология»)

Наталья Борисовна Долгорукая (1714–1771 гг.) – русская мемуаристка XVIII века, ставшая известной благодаря публикации «Своеручных записок» ее внуком, Иваном Михайловичем Долгоруким, в 1810 г.¹ Этот текст – один из первых русских мемуарных источников, написанных женщиной. Созданный в 1767 г., он был опубликован в России всего 43 года спустя. Сюжет записок не мог не привлечь внимание. Судьба девушки знатной фамилии, рассказанная от первого лица и описанная в мельчайших подробностях, «образец» для подражания, событие, произошедшие в эпоху дворцовых переворот – все это вызвало живой отклик у современников.

Первая письменная интерпретация «Своеручных записок» была прозаической, ей посвящена повесть С.Н. Глинки «Образец любви и верности супружеской или бедствия и добродетели Натальи Борисовны Долгорукой». Вторым интерпретатором стал К.Ф. Рылеев, опубликовав думу «Наталия Долгорукова» в «Новостях литературы»² в 1823 г. Между тем, предметом в нашего исследования будет стихотворное произведение И.И. Козлова.

О замысле поэмы впервые Козлов упомянул в письме к А.С. Пушкину от 31 мая 1825 г.: «Не решусь сказать, что «Дума» К.Ф. Рылеева, под тем же заглавием, лишена достоинства, однако мне кажется, что она не может служить препятствием к тому, чтобы попробовать написать маленькую поэму в 700-800 строк. У меня уже готов план, а также несколько

¹ Долгорукая Н. Б. Записки, оставшиеся по смерти Княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери славного Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, супруги Князя Ивана Алексеевича Долгорукого, ближайшего любимца Императора Петра Второго // Друг юношества. № 1. 1810.

² Рылеев К. Ф. Наталия Долгорукова // Новости литературы. 1823.

отрывков...»³. В "Московском телеграфе" за сентябрь 1827 г. в части 17 было указано, что поэма окончена (цензурное разрешение – 28 сентября 1827 г.). Затем, уже полностью поэма вышла отдельным изданием в 1828 г.

Козлов написал примечание к поэме, историческую справку. В первую очередь обращает на себя внимание фамилия, которую дал автор героине – это именно «Долгорукая», не «Долгорукова», как было, например, у Рылеева. Сохраняя окончание на «старинный лад» и повторяя фамилию, что дается в заглавии к «Своеручным запискам» и повести С. Н. Глинки, поэт тем самым сохранил первоначальное, традиционное имя.

Заметим, какой большой исторический период удалось охватить Козлову за счет внесения в примечание ряда исторических личностей. Упоминание Б.П. Шереметева как полководца – возможная отсылка к военной составляющей эпохи. Писатель также не указал имени супруга Долгорукой, но в то же самое время, он отметил весь род Долгоруких, судьба которых «известна из Российской Истории». Козлов упоминает личность Петра II, как и издатель мемуаров Долгорукой, что может служить отсылкой к ее юности, ведь именно этот период времени описывает схимонахиня в своих записках.

Обратимся к тексту поэмы. Все произведение разделено на две части, каждая из которых сопровождается эпитафией. В первой части эпитафия была взята из «Божественной комедии» Данте: О, нет мученья боле, // Как вспоминать дни счастья в тяжелой доле. 5-я песнь (ит.). Как мы видим, через эпитафию автор передает свою оценку: насколько трудны воспоминания о счастливых днях в ненастное время.

Первая часть поэмы посвящена рассказу о неизвестной женщине «с грудным младенцем на руках» и ее пути. Козлов рисует ее портрет следующим образом: героиня одета в «сельское», «убогое» одеяние, ее взгляд «усталый», наполненный «тайным» страхом. Здесь поэт не обозначил никаких конкретных деталей, которые могли бы раскрыть личность путницы, но, что касается окружения героини, автор указывал все детали более конкретно, что неслучайно. Так, первая строчка – первый конкретный топоним – «Большая Владимирская дорога», находящаяся «меж холмов». Это краткое сообщение несет большую смысловую нагрузку. В.А. Гиляровский в своих мемуарах описал, как вплоть до 1870 гг. по «Владимирке» шли арестанты.⁴ Действительно, Владимирская дорога – это именно та дорога, по которой гнали ссыльных в Сибирь. Важно понимать, что эта дорога знакома героине: некоторое время назад

³ И. И. Козлов – Пушкину. 31 мая 1825 г. Петербург // Брюсов В. Я. Письма Пушкина и к Пушкину. СПб., 1903. С. 95-96.

⁴ *Гиляровский В. А.* Москва и Москвичи. М.: Федерация, 1931. С. 119.

ей приходилось идти по ней. Однако, в поэме путница идет в противоположную сторону, то есть Долгорукая возвращается из ссылки. Тем самым мы видим мотив возрождения. Княгиня находится на пути к новой жизни.

Козлов называет и точное название места, куда направляется женщина – это Москва. Она находилась «в семи верстах» – это расхожая формулировка, часто используемая в пословицах и поговорках. Первый общий мотив отрывка – это мотив пути. Такой же мотив сопровождает все «Своеручные записки», так как мы знаем, что большая часть их посвящена описанию переезда семьи Долгоруких в Березов. Общеизвестно, что образ пути многие поэты использовали в качестве символа жизни.

Далее через описание пейзажа поэт передает общую атмосферу. Волнение природы (ночь, склонная к буре) передалось к младенцу («и плачет, и дрожит»), а затем и женщине («уныла и бледна»). Из-за позднего вечера героиня была вынуждена остаться в ближайшем селе. Козлов скрыл, что именно так разволновало героиню, чем это «селенье» отличалось от других. Здесь встретился первый жест, который характеризует путницу, как верующую личность: перед тем, как спуститься в глубь роши, девушка «перекрестилась».

Козлов детально описал село, в котором оказалась героиня. Автор дважды указал на знатность и родовитость человека, которому принадлежит оно, называя его «вельможей», а его дом «боярскими хоромами». Далее поэт перебирает детали, которые могли бы подсказать читателю, кому принадлежит это место. Мы видим описание герба: «В гербе под графскою короной // Щит красный в поле золотом, // Лавровым окружен венком // С двумя блестящими крестами, // А в поле светлом меч с копьём // И полумесяц вверх рогами»⁵.

Герб – яркая деталь, подсказка, дающая понять, что это имение Б.П. Шереметева. В следующей строфе Козлов прямо назовет его фамилию – «У Шереметева в селе». Небезызвестно, что граф Шереметьев действительно владел имением на востоке от Москвы – усадьба Кусково. Описанный поэтом герб можно и сейчас увидеть на въезде в имение.

В следующем пассаже мы видим описание церкви и дома священника. Последний – очень важный персонаж в поэме. Неслучайно, что встретила Долгорукая именно его, а не какого-либо другого жителя поселения. Священник – символ, указывающий на будущий выбор княгини. При изображении этого персонажа, Козлов акцентировал внимание на его набожности, здравом уме и смиренной душе. Так, для поэта важно было выделить не просто знакомство священника с отцом мемуаристки, но его любовь к служителю церкви. Портрет и

⁵ Здесь и далее цитируется по: Козлов И. И. Наталья Долгорукая // Северные цветы. СПб.: В Деп. Нар. Просв., 1827.

одеяния последнего автор описал гораздо красочнее путницы: здесь и «катаур», и «подрястик объяринный», и крест «из кипариса», который привез ему «монах, с Афонских гор». Здесь стоит упомянуть, что религиозный мотив – один из самых значимых в поэме. Как известно из дневника Козлова, поэт был набожным человеком. «Как ясно видно из дневника, в страшном несчастии поэта поддерживали и облегчали выносить страдания его глубокое религиозное чувство, горячая вера в Провидение и покорность воле Божьей...»⁶, – писал К.Я. Грот.

Вернемся к тексту. Интерьер в доме священника также соответствовал общей картине: убогая и скромная «обитель», наполнена святостью, как и ее житель. Обстановку дома Козлов описал детально. Здесь мы видим первое упоминание Иконы Спаса. Выбор иконы не случаен: в усадьбе Кусково находится храм Всемилоственного Спаса. Поэт еще дважды использует этот символ спасения. Образ иконы требует отдельного отступления. В «Своеручных записках» тоже упоминается икона, правда, другая – икона Никола Чудотворца. Когда семья Долгоруких справлялись по реке, началась гроза, и для того, чтобы она прекратилась, работники судна вынесли икону на борт. Этот случай описала Долгорукая в записках, причем упомянув, что икона помогла и чудо произошло. Упоминание этой иконы не выглядит преднамеренным: изображение Никола Чудотворца было распространено. Стоит также отметить, что обе иконы (и у Долгорукой, и у Рылеева) – мужские.

Помимо иконы, в убранстве дома есть еще один интересный предмет – это лампада, стоящая как раз перед иконой. Если обратиться к последним строкам рылеевской думы, то там можно обнаружить следующее: «И угасала, как свеча, // Как пред иконой огонь лампадный». Рылеев сравнивал в этих строках с огнем жизнь Долгорукой после пострига. Образ огня присутствует и у Козлова: «И перед ней огонь горит // в хрустальной на цепях лампаде». Важно обратить внимания, что лампада – хрустальная, а также что она в цепях – символ заточения. Таким образом, мы видим прямое заимствование из думы Рылеева. Однако, этот образ Козлов использует до пострига, в связи с чем нельзя утверждать, что символически «огни» в произведениях поэтов одинаковы. Огонь Козлова – это предвестник будущей монастырской жизни.

Среди остальных, более «бытовых» деталей, (часы (символ времени), церковные книги (символ мудрости), бумага, перья, «полотенце с бахромой») есть еще одна выделяющаяся. Это «портрет, задёрнутый тафтой». Как правило, изображение уже умершего человека закрывали плотной тканью, в данном случае тафтой. Позднее читатель узнает, что это портрет

⁶ Грот К. Я. Дневник И. И. Козлова // Старина и Новизна. Спб.: Типография М. Стасюлевича. 1906. С. 35.

Шереметьева-отца, более подробно о котором речь пойдет позже. Описание внутренней обстановки дома прерывается: путница стучится в дом священнослужителя и просит остаться на ночь «ради Бога». Священник соглашается, размещает княгиню у «огонька» и здесь начинается беседа между ними. Их диалог более похож на монолог священника и краткие реплики героини; о ее «молчаливости» упоминает и автор, обуславливая это ее «боязливостью».

Далее мы видим портрет княгини, глазами священника. Забегая вперед, отметим, что это первый портрет в изображении служителя церкви. Позднее, не узнав в путнице княгиню, он будет рассказывать своей собеседнице о Долгорукой, о ее юности, описывая ее по-другому. Таким образом, автор предоставляет возможность читателю увидеть юность Долгорукой и ее настоящее положение. Путница представляется священнику «не грубой крестьянской», с «приятной горестью». Мы видим, что спустя время княгиня изменилась: «не та осанка, не те ухватки в деревнях». Но благородный след все же остался в ее образе: священник отмечает опрятность бедной девушки, называя ее «ангелом непорочным».

Долгорукая, отвечая на вопросы священника, рассказывает в общих чертах о своей судьбе. Жизнь ее несчастна («Я день без радости встречаю, // Я плачу ночь»). Как известно из записок, княгиня действительно часто плакала. Священник пытается вразумить собеседницу, говоря ей о смирении перед Богом и необходимости принять «с любовью крест тяжелой». Однако героиня отвечает, что переживает, «дрожит» не за себя. Священник же в пример наиболее тяжелой жизни, чем судьба путницы, приводит участь дочери Шереметьева. По его мнению, судьба княжны была несчастной в большей степени потому, что изначально она имела большие надежды на счастливую и беспечную жизнь. О несбывшихся надеждах говорила в мемуарах и сама княгиня. Была Долгорукая в глазах священника «тиха», «задумчива», щедра, «как будто горя» ожидала, была полна «святого усердия». Находит священник и внешние сходства с путницей: те же глаза, лицо, ресницы, волосы. Сравнив оба портрета, можно заключить, что княгиня со временем изменилась только внешне. Спокойствие, задумчивость и святые, ангельские черты остались при ней.

Затем священник подробно описывает все факты ранней биографии: как княгиня выбрала «невесты царской» брата, как брак с ним казался «надежною порукой», как проходила свадьба, – все это описывала Долгорукая в записках. Важной деталью является жемчуг, которым одаривали невесту. В «Своеручных записках» Н.Б. Долгорукой в качестве подарков не указан

жемчуг, однако есть эпизод, где княгиня теряет жемчужное украшение в воде⁷. Часто исследователи основываются именно на этом сюжете, сравнивая его с эпизодом выбрасывания кольца перед уходом в монастырь⁸. Священник рассказывает и о том, что было после свадьбы. Ему важно подчеркнуть, что в свете случившихся событий (смерть царя, ссылка супруга) Долгорукая осталась верной мужу, несмотря на уговоры близких. Собеседница ему отвечала: «Я счастливым его любила, // Он и в несчастьи всё мне мил: // Сам Бог меня с ним обручил». Мотив веры снова преобладает над остальными (мотив памяти, судьбы). Автору важно подчеркнуть, что этот брак был предрешен не просто судьбой, но и божественными силами.

Путница сообщает священнику, что истинной причиной страха княгини была не ссылка, а разлука (путница, то есть Долгорукая, говорит о себе в третьем лице). Она доказывает свои слова, как бы констатируя: «Не страшно с другом заточенье: // с ним есть и в горе наслажденье». Священник лишь отвечает, что единственным, кто мог быть защитой и спасителем «гибнущей дочери» является ее отец – «боярин Шереметев». Граф был настолько щедр, считал священник, что не дал бы уйти путнице «нищеною». Для подкрепления своих слов и, вероятно, чтобы произвести впечатление на женщину, служитель снял тафту с того самого портрета, упомянутого выше. Автор описал его как: «Написан кистью мастерскою, // За шпагу ухватясь рукою, // В мундире, в ленте голубой, // Фельдмаршал смотрит как живой».

Этот портрет по описанию напоминает работу художника И. П. Аргунова, парадный портрет «Б.П. Шереметев». Граф изображается в парадной одежде, у него серьезный, благочинный вид. Портрет здесь – «двойник» изображенного на нем лица. Путница отдает ему почести, как если бы перед ней был сам фельдмаршал: «приклонив колено» и назвав изображенного человека «своим отцом», она приподняла к нему своего ребенка: «Казалось, взор ее молил, // чтоб сына он благословил». Радостное настроение женщины сменилось «мятежной тоской», она сняла свой перстень и, плача, поцеловала его. Такое поведение гостьи напугало священника и тот стал молить «творца о сокрушенной». Единственный светлый символ в данном эпизоде – это младенец, беспечно играющий на груди у матери.

После краткого описания ночи мы видим, что только путница не спала, и не в силах ждать еще более, собирается в дорогу. Козлов описал Долгорукую как заботливую мать: «Младенца будит поцелуем». Собираясь в путь, княгиня поклонилась иконе Спаса и старцу. Обратим внимание на описание «взора» девушки: он «пламенный горит» – это отсылка к лампадному

⁷ Долгорукая Н. Б. Указ. Соч. С. 257.

⁸ См., например, Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. С. 233.

огню. Икона Спаса упоминается во второй раз, мотив спасения и символ пути вместе образуют единство – теперь княгиня Наталья идет по пути спасения.

Вторую часть поэмы сопровождает эпиграф из Л. Байрона «Погибшее на земле ожило на небесах». Роль эпиграфа – в авторской оценке последующего повествования и раскрытие общей темы. Описание открывается с обозначения местности: «родимый Кремль», «крест на башне Годуновой», «древний княжеский дворец», «И уж вдаль заметен вид // Стрелецкой башни полудикой, // уже в очах Иван Великой, // как жар, венец его горит». Это яркие топонимы, характеризующие допетровскую Москву. Княгиню же Козлов снова описывает с «пламенем» в очах, только теперь он с эпитетом «мрачный». При входе в Кремль, героиня вновь заплакала, вспоминая прошлое. Как и раньше, героиню сопровождает образ лампы: «Ярко светятся лампы // Сквозь окна узкие церковей».

Далее героиня спешит в храм Спаса: помолиться о спасение супруга. Во дворе Кремлевского дворца действительно находился храм Спаса на Бору. Автор выбирает очень древнее сооружение, его постройка датируется 1330 г. Известно, что в притворе этого храма находятся захоронения великих княгинь: инокини Елены, Марии (Феотины), Анастасии Литовской. Все они умерли во второй половине XIV в.

Таким образом, мы знаем, что автор упомянул икону Спаса три раза: дважды в доме священника и один раз в храме Спаса. Вероятно, как и Священник, икона выступает в роли проводника Долгорукой в поэме, именно она является символом основного стремления путницы – спасти мужа. Можно предположить, что Козлов, понимая топографию Москвы и ее предместий, перемещал свою героиню по конкретным местам, знакомым княгине. Эти топонимы в тексте не названы, но, детали и описание дают основание предполагать, что автор именно их имел в виду, то есть поместье Кусково, церковь Всемиловитого Спаса и церковь Спаса на Бору.

После посещения храма Долгорукая села на камень возле крыльца и задумалась о «роковой судьбе». И здесь Наталья видит мужа, Долгорукого «не наяву и не во сне». Она встретила его на площади, пыталась говорить с ним, но он не отвечал. Призрак, явившийся Долгорукой во сне, упоминается и в думе Рылеева. Там в прямой речи героини присутствуют слова: «Мне друг прекрасный и молодой // Был дан, как призрак, на мгновенье». Образ призрака Козлов дополнил и расширил в своем прочтении («грудь обнажилась, кровь течет», «На шее признак роковой // темнел багровой полосой»). Мы видим, что автор изображает князя Ивана как романтического героя, притом рисуя довольно мрачный портрет. Только после этого видения автор раскрывает истинное лицо путницы – он прямо называет ее имя и фамилию. Как только

героиня узнает о смерти, своим «святым долгом» она считает терпение. Теперь, по ее мнению, «нельзя ни жить, ни умереть». Причина такого состояния в том, что у Долгорукой есть ребенок, которого нельзя оставить.

«Промчались годы», настало время для выполнения долга. Выбор Долгорукой остановился на городе близ Печерского Днепра. Этот топоним не случайный: помимо того, что Днепр встречается и у Глинки, и у Рылеева, из биографии Долгорукой известно, что она постриглась в монахини в Киево-Флоровском монастыре. Единственное, о чем переживает княгиня, это «обмануть небо». Она не боится «земной жертвы», ее главная задача – забыть любимого. Для того, чтобы решить ее, героиня прибегает к обряду. Как и рылеевская «Наталья», княгиня идет к берегу Днепра, где бросает свое кольцо в воду. Есть несколько существенных различий между двумя одинаковыми эпизодами: во-первых, у поэтов разные кольца (у Рылеева – обручальное, у Козлова – венчальное); во-вторых, решение постричься в монахини Наталье-путнице подсказал во сне супруг; и в-третьих, в отличие от Наталии Рылеева, княгиня хотела бы вернуть кольцо, «выхватить» его из воды, что говорит о сомнении героини. Это подтверждается и словами: «И небесам (творец, прости!) // Кольца печали и любви // в безумстве я б не уступила». После свершения обряда, героиня сама стала похожа на «гробового призрака».

Постриг княгини, как и в думе Рылеева, ознаменован громким звоном в храме. Описание храма состоит из изображения деталей: иконы с мощами, «ризы с жемчугами», здесь же вновь возникает образ лампы, огонь в которой «сыплет жар», то есть здесь огонь – самый яркий, сильный. Заметим, что здесь Козлов не дал «подсказки» в виде иконы, как ранее; храм в этом эпизоде – универсален. Перед иконой лежат теперь другие вещи: Евангелие, крест и ножницы, – все необходимые атрибуты для пострига. Святой отец говорит ей, что только «вечный огонь ей будет мздой» или же ангельский удел. Во время пострига появляется сын («упал к ее ногам...»), но героиня не обратила на него внимания, и это не помешало ей выполнить задуманного. Последними словами Долгорукой были обращения к Богу, к его чистому сердцу, с благодарностью.

Принято думать, что образ Наталья Долгорукой – часть литературного диалога поэтов. Последний, как кажется, начинается с публикаций двух прославивших поэтов произведений: «Чернец» (киевская повесть) в 1825 г. и «Войнаровский» (поэма) полным изданием в 1825 г. соответственно. Два этих произведения рассматривали современники авторов совместно. Спор продолжился после публикации Козлова «своей» Долгорукой. Козлов использовал тот же эпитаф, что и Рылеев к поэме «Войнаровский», из чего следует, что Козлов вел диалог с

Рылеевым на «разных уровнях». Можно согласиться с Н.П. Жилиной, полагавшей, что Козлов сосредотачивает свое внимание на внутреннем мире героини, а Рылеева в свою очередь интересуется «жертвенный подвиг» женщины⁹.

Действительно, проведенный анализ текстов позволяет указать на различия в прочтении образа Н. Долгорукой у Рылеева и Козлова. Так, ранее уже были упомянуты некоторые из них: разные фамилии (Долгорукова/Долгорукая), кольца (обручальное/венчальное), а также некоторые мотивно-образные расхождения. Стоит отметить, что героиня Козлова в отличие от героини Рылеева предстает в образе матери: младенец сопровождает ее на всем пути до Москвы, спустя время сын возникает и во время пострига. Кроме того, мы знаем, что Рылеев изобразил княгиню «младой», Козлов же учел биографическую реальность и отметил в своем произведении временной промежуток между смертью супруга и принятием схимы. Еще одно различие произведений заключается в исторической и религиозной образности. В отличие от думы Рылеева, поэма Козлова вбирает в себя гораздо больше исторических деталей (в особенности топонимы), религиозных образов и символов; хотя нельзя отрицать, что, например, образ лампы, как уже отмечалось выше, был заимствован из думы Рылеева. В целом, Наталья Долгорукая Козлова существенно отличается от прочтения этого образа Рылеевым. Козлов, по сути, создает новый, особый образ.

⁹ Жилина Н. П. Концепция личности в русской литературе первой трети 19 века в свете христианской аксиологии. Дис. канд. филол. наук. М., 2010. С. 303-304.

Библиография

- Долгорукая Н.Б.* Записки, оставшиеся по смерти Княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери славного Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, супруги Князя Ивана Алексеевича Долгорукого, ближайшего любимца Императора Петра Второго // Друг юношества. № 1. 1810.
- Рылеев К.Ф.* Наталия Долгорукова // Новости литературы. М. 1823.
- Козлов И.И.* Наталия Долгорукая // Северные цветы. СПб.: В Деп. Нар. Просв., 1827.
- Брюсов В.Я.* Письма Пушкина и к Пушкину. СПб 1903.
- Грот К.Я.* Дневник И.И. Козлова // Старина и Новизна. Сб.: Типография М. Стасюлевича. 1906.
- Гиляровский В.А.* Москва и Москвичи. М.: Федерация, 1931.
- Жилина Н.П.* Концепция личности в русской литературе первой трети 19 века в свете христианской аксиологии. Дис. канд. филол. наук. М., 2010.
- Маслов В.И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев: Типография Им. Унив-та св. Владимира, 1912.

Ирландская история в романе Джеймса Джойса «Портрет художника в юности»

Алёна Богомолова (Образовательная программа «Филология»)

Ирландская история XX века началась с «Ирландского Литературного Возрождения (the Irish Literary Revival), за которым на Пасху 1916 г. последовала военная революция (the military revolution of Easter 1916)»¹. К.К. О'Брайен в своей работе «The Shaping of Modern Ireland» характеризует этот период «как некий сгиб (crease) во времени между цепью восстаний (the Rising) и одиноким, загадочным возвышением Парнелла»². Джеймс Джойс осознавал значимость своего вклада в социальную и культурную жизнь того времени. На протяжении всей своей жизни он боролся с ловушками национализма, религии и языка, как с блокирующими факторами единения Ирландии и интеллектуального общества Европы³.

Джеймс Джойс родился в столице Ирландии – Дублине. Период детства и отрочества писателя пришелся на борьбу за независимость от Англии. Освободительное движение, называвшееся «Ирландское Возрождение», не было единым по своему характеру. Лидером радикальных сторонников самоуправления Ирландии, боровшихся за ее свободу, был Ч.С. Парнелл, в котором английские власти видели своего главного противника. Было сделано многое, чтобы убрать Парнелла с политической арены. Помощником англичан оказалась официальная католическая церковь, отлучившая Парнелла за его связь с замужней женщиной. В результате чего Парнелл был затравлен и умер в 1891 году. С его смертью поникла и надежда Ирландии на освобождение.

Политические конфликты переплетались в жизни Ирландии с религиозными: не утихала борьба протестантов с католиками. В семье Джойса этот конфликт был причиной споров и ссор между родителями. Отец Джойса – сторонник Парнелла, дядя писателя был связан с революционерами-повстанцами, а мать была ревностной католичкой и не разделяла убеждений его отца. Именно она настояла на определении Джойса в иезуитский колледж, однако сам писатель отказался от предложения принять духовный сан и ко времени окончания университетского курса Джойс решает распрощаться с религией. Он решает посвятить себя искусству и перед ним встает вопрос, связанный с необходимостью определить свое

¹ *Harding D.* Writing the City: Urban Visions and Literary Modernism. London, 2003. P. 19.

² *O'Brien C.C.* The Shaping of Modern Ireland, ed. Connor Cruise O'Brien/London, 1960. P. 13.

³ *Harding D.* Writing the City: Urban Visions and Literary Modernism. P. 20.

Ирландская история в романе ... "Портрет художника в юности"

отношение к сложившемуся в стране движению Ирландского Литературного Возрождения. Участники движения стремились к возрождению и развитию национальной культуры, однако Джойс связывал судьбу ирландской культуры не только с ее прошлым, но и с необходимостью приобщения к европейской культуре. В 1902 году писатель уезжает в Париж, возвращается в Дублин в связи со смертью матери, встречает любовь всей своей жизни – Нору Барнакл, а в 1904 году начинает писать автобиографический роман «Портрет художника в юности» (*A Portrait of the Artist as a Young Man*, 1916).

В 1905 году Джойс заканчивает сборник рассказов «Дублинцы», однако издает его только в 1914 году, а спустя два года выходит первый его роман «Портрет художника в юности». В то же время Джойс уже приступил к работе над «Улиссом», который содержит огромное количество новаторских идей, а с выходом последнего романа «Поминки по Финнегану», все внимание исследователей устремляется к позднему творчеству писателя, и «Портрет» отодвигается на второй план.

В сформировавшейся литературоведческой традиции ранние романы Джойса часто относят к реалистической литературе, а поздние – к литературе модернизма. Однако мы не можем связывать «Портрет художника в юности» и сборник «Дублинцы» только с реалистической традицией. В творчестве Джойса не происходит резких стилевых или тематических изменений. Наоборот, каждый этап его творчества сопровождается постепенным усложнением и развитием тех приемов, которые демонстрируются еще в ранних литературных опытах. Новаторство Джойса заключается в реконструкции мифа, в формировании нового отношения к слову, в использовании техники «потока сознания» для изображения внутреннего мира человека – эти особенности письма Джойса, постепенно развиваясь, тянутся из одного произведения в другое.

Как уже было сказано ранее, начало XX века характеризуется активным движением Ирландского Возрождения, одним из основных деятелей которого был У.Б. Йейтс. «Критикуя издержки этого сложнейшего движения, он [Джойс] оказался близок ему по сути: глядел на современную жизнь через мифы и, наоборот, в древних легендах видел отражение сегодняшнего дня»⁴.

Со смещением Парнелла с поста руководителя Ирландской Парламентской партии, а после и с его смертью, все население страны разбилось на два лагеря. Если обратиться к биографии Джойса, то можно проследить несколько параллелей с жизненным путем Стивена. Джойс

⁴ *Джойс Дж.* Дублинцы. Портрет художника в юности. На англ. яз. М.: «Прогресс», 1982. С. 16.

Ирландская история в романе ... "Портрет художника в юности"

родился в пригороде Дублина, его отец разорился, писатель учился сначала в иезуитском Клонгоуз Вуд колледже, затем в Бельведере, а в итоге покинул Ирландию. Судьба Стивена позволяет нам сделать вывод о том, что в его взглядах, в том числе и в восприятии Дублина, отражаются личные взгляды Джойса.

Один из центральных эпизодов первой главы – эпизод с болезнью маленького Стивена связан с прибытием на корабле тела Парнелла на родину. «Голпа людей, собравшихся у кромки воды» это олицетворение скорбящей по своему вождю Ирландии, однако с образом Ирландии связан и образ Дэнти, на которой одежда национальных цветов страны и которая «гордо шествовала мимо людей»⁵ []. Это событие происходит в абстрактном пространстве, так как создано воображением героя и существует вне границы реальности. Так, национальная история становится сагой, мифом, завязанным на политике. Джойс не ждет момента, когда Стивен достигнет той стадии взросления, когда сможет обсуждать вопрос о Парнелле. Политика вторгается, «вламывается в быт» и детское сознание сталкивается с чем-то совсем не детским.

Аналогичным является эпизод со спором о религии и о Парнелле на рождественском обеде. Празднование Рождества – это приобщение к небесному. В сознании Стивена полное радости, спокойствия, любви пространство дома противопоставляется враждебному пространству Клонгоуза: «Но Клонгоуз был сейчас далеко – <...> и от зеленого плюща и алого остролиста повсюду было так радостно <...>»⁶ [].

Рождественский стол у Дедалов содержит предметы национальной ирландской символики. Семейное пространство не замкнуто, оно включено в национальное пространство. Так, спор, который испортит рождественский обед, является проявлением не семейного, а политического конфликта. На глазах Стивена рушится идеальный праздничный домашний мир. Частное пространство квартиры обращается в публичное. Разобщенный мир Ирландии, как и разобщенный мир семьи героя не могут быть спасены ни верой, ни рождественским мифом. Дублин – это арена войны в мирное время; войны, которая захватывает детское сознание Стивена.

С разрушением идиллического мира мечты меняется пространственная структура мира Клонгоуза. Прежде всего, в колледже выделились сакральные места (например, церковь) и социально-маркированные (кабинет ректора), которые повлияли на формирование понятия греха в сознании героя. А также характерно, что в каждом из упомянутых эпизодов герою

⁵ Там же. С. 427.

⁶ Там же. С. 429.

Ирландская история в романе ... "Портрет художника в юности"

приходится преодолевать определенные границы: сначала природные (болезнь и смерть), в эпизоде с рождественским обедом – семейные, а затем и социальные (культурно-осмысленная смерть). В данной главе происходит отдаление героя от природы и семьи, его дух обретает все большую свободу, а его мир, как и художественный мир Джойса, постепенно усложняется.

Тема Ирландии и ирландского народа прослеживается на протяжении всего романа, однако в последней главе она занимает особое место. В «Портрете» Дублин – центр политики, религии, всей ирландской жизни в целом. Все действие происходит в городском пространстве, которое принимает все основные характеристики национальной жизни. В разговоре со своим товарищем Давином Стивен яростно утверждает, что он не будет «расплачиваться за грехи» ирландского народа, однако при этом он все равно осознает себя, как часть этой национальной культуры, как ее порождение: «Этот народ, эта страна, эта жизнь породили меня»⁷.

Стивен также понимает, что своим индивидуальным освобождением он, возможно, даст шанс на освобождение самой Ирландии, воссоздав самосознание своего народа в творчестве. Герой осознает, что его страна, его город находятся в рабском положении: «Когда душа человека рождается вот в этой стране, на нее набрасывают сети, чтобы не дать ей взлететь. Ты говоришь мне о национальности, языке, религии. Я постараюсь избежать этих сетей»⁸. Так пространство всей Ирландии в лице пространства Дублина содержит в себе два противоборствующих мира: мир хаоса, беспорядка, животных инстинктов и мир порядка, религии.

Дублин – хаотичное пространство, в котором царят животные инстинкты, и с этим пространством практически напрямую связан приятель Стивена – Давин. Давин – это воплощение народной ирландской жизни, «студент из крестьян», во взгляде которого Стивен замечает «страх, ввевшийся в душу голодающей ирландской деревни» [563]. В образе Давина Джойс воплощает мифологическую часть прошлого Ирландии, «рабскую и тупую верность» [563] всего народа кельтским легендам.

В то время как Давин – воплощение грубой, материальной стороны жизни Ирландии, другой приятель Стивена – Крэнли – связан с миром католической церкви. Его образ – это образ мученика, отказавшегося от человеческих потребностей: его лицо, «страдающее, освещаемое улыбкой притворного терпения», голова «с черными жесткими волосами, торчащими надо лбом, словно железный венец»⁹, а «тягучесть его речи была эхом дублинских

⁷ Там же. С. 583.

⁸ Там же. С. 584.

⁹ Там же. С. 610.

Ирландская история в романе ... "Портрет художника в юности"

набережных, отражающимся в мрачной запустелой гавани, а ее энергия – эхом церковного красноречия Дублина»¹⁰. Так, Крэнли – это воплощение второй стороны Ирландии, духовной стороны, но лишенной творческой силы. Таким образом, разрыв с Крэнли – это окончательный разрыв с религией, воплощением которой он является.

Как утверждает Ричард Лехан в книге «The City in Literature: An Intellectual and Cultural History»: «Если два главных субъекта в современной литературе – это художник и город, то единственный главный субъект – это художник в городе, который является эстетическим сознанием (aesthetic consciousness) в толпе»¹¹. Однако, заключительная фаза рождения Художника в «Портрете» – решение покинуть Ирландию, покинуть Дублин. Это решение, навеянное хаосом и беспечностью внешнего пространства, снова пробуждает в сознании Стивена мифологический образ Дедала, и герой погружается во внутреннее пространство.

Приняв новую веру, Стивен обретает независимость от внешнего мира, что проявляется в его готовности покинуть пределы Ирландии. Для героя этот отъезд – это возможность «выковать в кузне его души несотворенное сознание своего народа»¹². Данный мотив играет одну из основных ролей в романе: таким образом, у Джойса намечается замысел, который только начинал зарождаться в «Дублинцах» и который писатель воплотит в «Улиссе», а именно, сотворить самосознание ирландского народа в своем произведении. Как считает М. Воллагер, «Джойсу нравилось верить, что Дублин может быть перестроен по страницам его романа»¹³. Однако, Джойс также считает, что жизнь ирландского народа не имеет никакого творческого основания, поэтому он создает свой собственный миф, полностью раскрытый уже в «Улиссе». Этот миф является порождением города, а так как основной город в творчестве Джойса – это Дублин, то мы можем утверждать о появлении дублинского мифа.

¹⁰ Там же. С. 576.

¹¹ *Lehan R.* The City in Literature: An Intellectual and Cultural History. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 106.

¹² *Джойс Дж.* Дублинцы. Портрет художника в юности. На англ. яз. С. 629.

¹³ *Wollaeger Mark A.* James Joyce's A Portrait of the Artist as a Young Man: A Casebook Oxford University Press, 2003. P. 15.

Ирландская история в романе ... "Портрет художника в юности"

Библиография

Джойс Дж. Дублинцы. Портрет художника в юности. На англ. яз.. М.: «Прогресс», 1982.

O'Brien C.C. The Shaping of Modern Ireland, ed. Connor Cruise O'Brien. London, 1960.

Harding D. Writing the City: Urban Visions and Literary Modernism. London, 2003.

Lehan R. The City in Literature: An Intellectual and Cultural History. Berkeley: University of California Press, 1998.

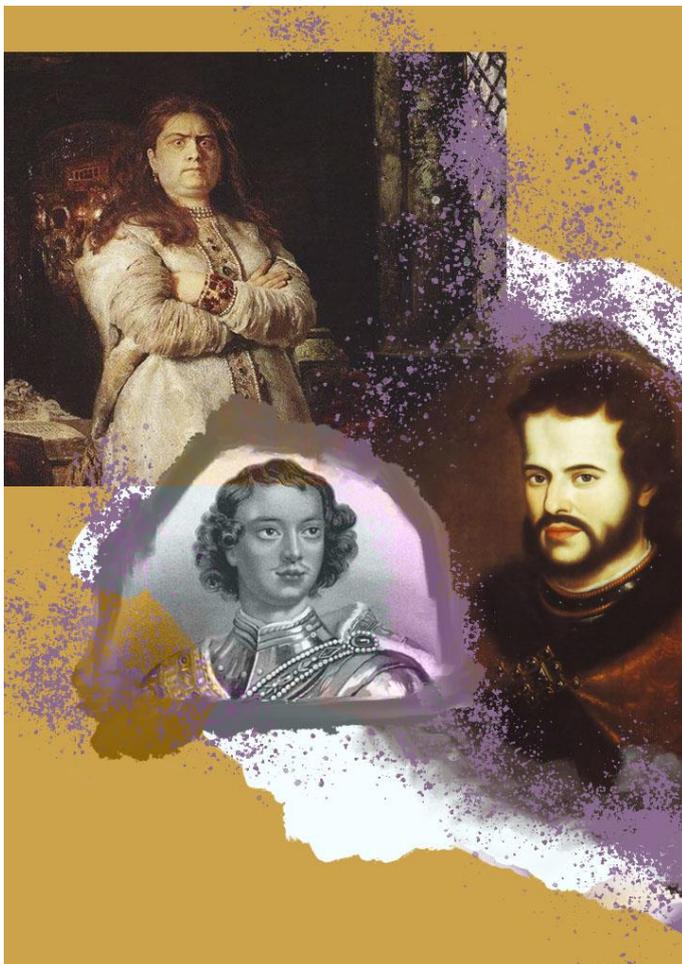
Wollaeger Mark A. James Joyce's A Portrait of the Artist as a Young Man: A Casebook. Oxford University Press, 2003.

Стрелецкий бунт 1682 г. глазами современников

Арина Новикова (Образовательная программа «История»)

Введение

Московское восстание 1682 года занимает особое место в истории России. Это движение в историографии именуется «хованщиной» и устойчиво классифицируется как «реакционный бунт» московских стрельцов, подстрекаемый враждебными Петру группировками. Данное событие вызвало резонанс у современников, потому что погибло несколько членов Боярской думы, чего раньше не бывало ни при одном восстании (ни Степан Разин, ни Булавин не трогали представителей знати). Важно понимать, что под стрельцами можно понимать не только вид войсковых частей. Это может быть и собирательный термин — «служилые люди по прибору»,

противопоставляющийся дворянским войсковым частям – служим людям по родству. Однако такое разделение скорее характерно для советской историографии, потому как современная наука скорее относит стрельцов к элитному воинскому подразделению, считавшемуся привилегированным вплоть до петровских времён (но возможность разного понимания данного термина должна также иметься в виду).

По истории Московского восстания 1682 г. сохранился широкий круг источников, в основном от иностранных современников, которые располагали большим объемом сведений, не отразившемся в актовом материале. В данной работе будут использованы три конкретных источника: «Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания

двух царей Петра и Иоанна», записки датского посла, а также «Записная книга Разрядного приказа».

Цель работы – провести исследование материалов, раскрывающих разные версии хода восстания и с помощью компаративного анализа восстановить ход восстания 1682 года (однако в работе будут рассмотрены лишь события мая). Ввиду того, что источников по этой теме очень много и большинство из них указывает разную информацию, в отечественной и зарубежной историографии нет единого мнения о событиях мая 1682 года: восстание интерпретируется по-разному, и различия порой очень существенны. Этим и объясняется актуальность данной работы. Таким образом, можно поднять следующие вопросы, важные для этой темы:

1. Было ли восстание лишь стрелецким?
2. Что стало его причиной (противоборство ли группировок или назревшие социальные проблемы)?
3. Как связаны майские события со смертью Фёдора (был ли он убит повстанцами, был ли Пётр выбран до или после его кончины)?

Московское восстание 1682 г. глазами датского посла

Датский посол короля Кристиана V Гильдебранд фон Горн впервые посетил Россию в 1676-1678 гг. в качестве секретаря посла, а уже в 1681 выполнял самостоятельную миссию¹. Он хорошо знал русский язык, пользовался расположением русского царского двора и был на хорошем счету².

Достоверность свидетельств посла необходимо оценивать критически. Весной 1682 года Гильдебранд фон Горн был в пути из двора датского короля в Москву³. О бегстве царского двора в Троице-Сергиев монастырь он узнал, находясь в Смоленске (около 400 км. от Москвы). Известно, что Иван и Пётр покинули столицу 19 мая, когда начались новые волнения⁴. В своем донесении Горн пишет, что «на путь от Смоленска досюда ушло 14 дней»⁵. Таким образом, датский посол никаким образом не мог быть свидетелем майских событий в Москве, а попал ко двору лишь к началу июня 1682 года.

¹ Богданов А. П. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. Вводная статья и комментарии // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 79.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Павленко Н.И. Петр Первый. М., 1975. С. 117.

⁵ Богданов А. П. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. Вводная статья и комментарии. С. 85.

Тем не менее, достоверность событий определяется новизной полученной информации. Известно, что осведомителями Горна были Розенбуш и датские купцы^{6, 7}. Современники автора собирали информацию уже после событий, поэтому их тексты скорее напоминали политические памфлеты, пронизанные субъективностью. В этом смысле работа Горна непредвзята: он не выделяет правых и виноватых. Кроме того, по мнению А.П. Богданова, автор имеет потрясающую способность выделять наиболее существенное⁸. Вообще исследователь выделяет свидетельства Горна как наиболее достоверные. Послание написано в лагере у Троицы 23 октября 1682 года.

По данным Горна, события начались ещё при жизни Федора Алексеевича. За два дня до его кончины (25 апреля 1682 года) один стрелец был бит кнутом за то, что в воскресенье он работал слишком медленно⁹. Тогда стрельцы стали возмущаться, «ибо их принуждают даже воскресенья лишать святости ... и что нужно найти способ от этого избавиться»¹⁰. Тогда удалось подавить эти волнения, однако события вызвали всеобщее сочувствие, что, по мнению посла, и «заставляет думать, а не было ли оно [восстание] основной и главной причиной его [царя Фёдора] смерти»¹¹. Однако не совсем понятно, на что намекает посол, особенно если учитывать, что он сам опровергает популярный среди современников слух, что Федор был отравлен: посол пишет, что предполагаемые заговорщики Милославский и Матвеев не были в столице¹².

Когда на следующий день (26 апреля) царь уже стоял «на пороге смерти, бояре немедля выбрали царём младшего принца Петра Алексеевича»¹³. «Наконец все те, кто в годы правления покойного царя были в опале, оказались снова возведенными в прежнее достоинство»¹⁴. Здесь имеется в виду Артамон Сергеевич Матвеев и клан Нарышкиных (ближайших родственников Петра Алексеевича: братья царицы Н.К. Нарышкиной). Первый занял должность великого опекуна¹⁵. «Другие же, в особенности старик Одоевский... были сильно принижены»¹⁶. Естественно, что и Одоевский, и Хованский, и другие бояре были

⁶ Там же. С. 89.

⁷ *Богданов А.П.* Нарративные источники о московском восстании 1682 года // Богданов А.П. Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М.: ИРИ, 1993. С. 93.

⁸ *Богданов А. П.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. Вводная статья и комментарии. С. 80.

⁹ Горн, вслед за Розенбушем, датирует челобитье стрельцов на полковника С. Грибоедова 25 апреля. Там же. С. 86.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

недовольны столь стремительным возвышением отдельных лиц. «В былые времена к нему [Матвееву] относились настолько враждебно, что оказалось возможным нанести ему ряд... оскорблений. Судя по всему, пришло его время брать реванш»¹⁷. Упоминания Милославского в тексте Горна найдено не было. Это противостояние посол не видит главной причиной последующих событий, потому что «дума без колебаний решалась утверждать то или иное решение»¹⁸.

Таким образом, Горн объясняет события единодушием позиции Боярской Думы в целом, «тем более что пока доскональных сведений о первоначальных зачинщиках мятежа... не имеется»¹⁹. Так, данные Горна позволяют сделать вывод о том, что народные волнения не были результатом заговора, а были стихийными и, вероятно, закономерными. В период с 10 по 14 мая, по данным посла, всё было спокойно. Как раз тогда правительство Нарышкиных удовлетворило все требования стрельцов, наказав тех полковников, на которых били челом.

События мая

В ночь с 14 по 15 мая должно было проходить заседание Думы, в это время 4 полка стрельцов, а также 4 тысячи солдат решили начать вооруженное выступление и заняли кремль»²⁰. В этом им пособил Стремянный полк кремлёвской охраны, который датский посол называет «гвардией». Отмечу, что среди восставших указываются и «солдаты». Ничего неожиданного в мятеже с современной точки зрения здесь нет: всем было известно, что именно 15 мая будет собрана Дума для решения вопроса о регентстве при малолетнем царе, однако почему-то для Горна, как и для участников заседания (Матвеева и его ближайших сторонников) это оказалось непредвиденным. Вероятно, восстание было очень хорошо организовано. Призвав Хованского и Одоевского, стрельцы выдвинули условия: низложение Петра и избрание Ивана, увольнение всех тех, кто плохо с ними обращался, и назначение на эти места стрельцов, выплата им денег, а также выдача стрельцам Матвеева и Нарышкиных²¹. Дума не торопилась принимать эти условия, и, в то же время, над мятежниками раздавался чей-то неизвестный голос: «Идите спасать своего царя Ивана Алексеевича, его хотят задушить!»²². Отмечу, что голос подстрекателя неизвестен автору, хотя другие источники располагают

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 86-87.

данной информацией. Тут все бросились наверх, во дворец, с оружием в руках и учинили расправу над всеми «недоброжелателями» и теми, кто пытался хоть как-то их остановить²³.

Что касается Хованского, он описывается как хитрый и лицемерный начальник, который ради своего продвижения «делал все, что было в его силах, подстрекая стрельцов, чтобы они всеми полками требовали свобод»²⁴. Впоследствии он единодушно был избран главнокомандующим²⁵, а условия стрельцов были выполнены, несмотря на достаточно высокие требования. Отныне они не принуждались ни к каким работам, назывались «выборной надворной пехотой» (противопоставление конному строю дворян), а также была воздвигнута колонна, перечисляющая все несправедливости, которые послужили причиной мятежу²⁶. Иван был избран царём (23 мая). Хованский же приобрёл такой авторитет, что бояре «не осмеливались перечить ему [Хованскому] ни в какой малости»²⁷.

Таким образом, опытный дипломат Горн не выделяет роль отдельных людей в восстании: он описывает его как стихийное событие, в котором помимо стрельцов принимали участие и другие войсковые подразделения. Отправным пунктом автор выделяет челобитную от 25 апреля, после чего события развивались уже как рефлексия нарастающего недовольства. Роль Софьи и Хованского была невелика: они лишь потворствовали стрельцам, направляя их недовольство в «нужное русло».²⁸ Конечно, он не отрицает борьбу в верхах, но не выделяет её как ключевой фактор восстания.

Дневник зверского избияния московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна

По времени «дневник» является очень близким к событиям и начинается со смерти Алексея Михайловича (1676 год). Вероятно, именно тогда автор видит корни стрелецкого восстания: «По московскому обычаю нового царя должны были избрать ... в день смерти прежнего царя. Но Артамон утаивал смерть царя и, подговорив стрельцов к единодушному избранию на царство Петра».²⁹ Боярин настаивает на незаконном избрании Петра ещё задолго до интересующих нас событий. Автор противопоставляет легитимность воцарения Фёдора,

²³ Намеренно были убиты: А.С. Матвеев, А.Ф. и И.Ф. Нарышкины, А.С. Кирилов, лекарь Д. фон Гаден, Г.Г. Ромодановский. По ошибке Ф.П. Салтыков. За попытки разогнать: М.Ю. Долгоруков, Ю.А. Долгоруков.

Там же.

²⁴ Там же. С. 87.

²⁵ 17 мая он был назначен судьей Стрелецкого приказа.

²⁶ Там же. С. 87.

²⁷ Там же.

²⁸ *Богданов А.П.* Нарративные источники о московском восстании 1682 года. С. 93.

²⁹ *Дневник зверского избияния московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна.* СПб., 1901. С. 15.

«благословлённого на царство» ещё царём Алексеем Михайловичем, и вероломное посаждение на трон сына родственницы Матвеева – Нарышкиной.³⁰ Автор явно знаком с обычаями русской культуры и, в отличие от датского посла, акцентирует внимание на оплакивании покойного царя, причём Юрий Долгорукий, в отличие от Артамона Матвеева, «рычал как вол по случаю кончины царя».³¹

Так же, как и Горн, автор говорит о ссылке Матвеева: «В ссылке Артамон пробыл немало времени, лишенный возможности поддерживать сношения со своею партией издалека»³². Автор употребляет слово «партия», что имело несколько иную коннотацию: в конце XVII века имеется в виду партия не политическая, а партия сторонников детей по первой жене и детей по второй жене.

События восстания описаны с ошибками в числах. Автор датирует смерть Фёдора 2 июля 1682 года.³³ Важно, что по свидетельству автора, царь болел, следовательно, автор явно не поддерживал слух об убийстве, даже будучи сторонником Фёдора. Тогда «Артамон [Матвеев] приезжает в столицу и, согласно прежнему своему замыслу, провозглашает царем Петра».³⁴ Однако в "Дневнике" нет прямого указания, что боярин вернулся в Москву до кончины Федора. Вероятно, 3 или 4 июля, по версии автора, царя хоронят. Любопытными являются описания погребальной процессии. Автор замечает несколько нарушений ритуала. Во-первых, несмотря на то, что девицам не положено было присутствовать на похоронах, Софья настояла на своем нахождении в церкви и, как положено, громко плакала и рыдала.³⁵ Во-вторых, «царь Петр не достоял до конца и ушел из церкви раньше, побуждаемый к этому своей матерью и дядями Нарышкиными».³⁶ Особенно ясна точка зрения автора относительно Нарышкина из фразы: «Иван Нарышкин добавил со своей стороны: "Что толку было в его присутствии? Кто умер, пусть себе лежит, а царь не умер, но жив!"».³⁷ Царю Петру в 1682 году было 10 лет, а Софье 25 лет. Надо признать, что в XVII веке обряды составляли важную часть жизни, поэтому поступок Нарышкиных (десятилетнего Петра объективно можно признать ещё слишком молодым для принятия такого рода решений) действительно мог вызвать лишь возмущение со

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 16.

³² Там же.

³³ Ошибка в дате кажется особенно странной, потому как все события расположены в том же хронологическом порядке, что и в других источниках. Неизвестно, почему эта ошибка была допущена.

³⁴ Там же. С. 17.

³⁵ Там же. С. 18.

Те же данные мы находим и в официальном документе – Книге Разрядного приказа, о которой речь пойдет в следующей части.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

стороны остальных. Немаловажной для автора является ссора Софьи и Н.К. Нарышкиной: о ней он упоминает не единожды.³⁸ Это также указывает на наличие противоборства при дворе.

Софья, прикрываясь недовольством поведением брата Петра, стала внушать жителям первопрестольной, что Фёдор был убит недоброжелателями (их имена в тексте не называются), в то время, как законный царь Иван не выбран на царствование. Когда народ был в достаточном возмущении, она распространила слух, что царевич Иван был убит, а править единолично хочет Иван Нарышкин. Это было последней каплей. Следовательно, согласно интерпретации автора, именно властная царевна Софья становится виновницей восстания.

Активный ход событий начался после двух недель царствования Петра. Согласно хронологии автора, это середина июля 1682 года. Тогда Софья, Михаил Милославский и Хованский «составили думу, как бы посадить на трон царевича Ивана».³⁹ Хованский, по свидетельствам автора, уже к этому моменту являлся начальником стрельцов (предыдущий документ указывал, что он им стал лишь после восстания) и подстрекал их выйти против незаконного царя. Интересно то, каким образом боярин объясняет мотивы восстания: во-первых, он говорит о тяжелом ярме стрельцов, которое ослаблять не собираются, во-вторых, «самое главное зло в том, что и вас, и нас отдадут в неволю чужеземному врагу, Москву погубят, а веру православную истребят».⁴⁰ Хованский выставляет Петра как врага, чему как стрельцы, так и многие дети боярские верят. Любопытной кажется апелляция к патриотизму стрельцов. Хованский, как и во многих других источниках, не демонстрируется в качестве умного политика: скорее он был марионеткой в руках Софьи (которая, кстати, абсолютно во всех источниках иллюстрируется сильной, активной и образованной женщиной). Автор не располагает информацией о крестоцеловании, поэтому сложно оценить преданность народа новому царю.

Стрельцы поверили слухам и ударили в набат. «Потом, по наущению Хованского, вооружившись полевыми пушками и всяким другим оружием, бросились ко дворцу».⁴¹ Бояре описываются автором трусливыми и несобранными в то время, как стрельцы организованными и непримиримыми: они требовали, во-первых, показать тело убитого, а во-вторых, выдать Ивана Нарышкина. К восставшим вызвали боярина Михаила Долгорукова, которого рассвирепевшие стрельцы «сбросили с крыльца».⁴² Ровно те же сведения об убийстве

³⁸ Там же. С. 18-19.

³⁹ Там же. С. 19.

⁴⁰ Там же. С. 20.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

Долгорукова были даны и датским послом. Артамон Матвеев вскоре, не без помощи своего неприятеля Хованского, тоже был зверски убит и расчленён. Ф.П. Салтыков, по обеим версиям, был убит по ошибке. После них же были убиты все те, кто, по мнению стрельцов, был причастен к отравлению Фёдора.⁴³ Отношение к действиям стрельцов у автора двойко: с одной стороны, он постоянно употребляет слово «зверский», говоря об их действиях, а также описывает их богохульства и бесчеловечность⁴⁴, но, с другой стороны, он уточняет, что о некоторых незаконных убийствах они сожалели.

В описании убийств, учинённых стрельцами, в обоих сочинениях не прослеживается структуры. Они чинили казни над всеми власть имеющими: над возможными отравителями, над своими воеводами (Юрий Долгорукий, Ромодановский) и полковниками (например, Иванова), над думными дьяками и боярами. Отца Нарышкиной они отправили в монастырь.⁴⁵ Однако очевидно лишь одно – «партия» Милославских не попала под горячую руку стрельцов.

Таким образом, «Дневник» позволяет заключить, что главными героями этой «драмы» были Артамон Матвеев и царевна Софья. Все страшные зверства были произведены по наущению Софьи, которая, одержав победу, провозгласила царём Ивана.⁴⁶ Именно она была негласным лидером этого восстания, а данный документ подтверждает концепцию «заговора верхов» и борьбы группировок.

Записная книга Разрядного приказа

Благодаря документам разрядного приказа, имеется возможность выстроить хронологическую последовательность событий. Записная книга составлена в конце 1683 года.⁴⁷

Документ начинается с 27 апреля 1682 года: времени, когда умер царь Фёдор, и Пётр Алексеевич был наречён царем.⁴⁸ Она же указывается Горном. Того же числа целовали крест бояре, окольные, думные, ближние люди и остальные (стольники, стряпчие, московские дворяне, жильцы у Спаса в Верху). В тот же день отказались от крестоцелования стрельцы Александра приказа, но потом их уговорили К.О. Щербатов и В.А. Змеов. Так же, как и уже

⁴³ Среди них были думный дьяк Иларион Иванов с сыном и царский доктор. Там же. С. 21.

⁴⁴ Например, сцена, где стрельцы требовали у Нарышкиной выдачи брата (Ивана Нарышкина): «Не будучи в состоянии долгие скрывать его, она вывела его вместе царями и царевнами, держа в руках иконы и полагая в них надежду на избавление брата от смерти; как и отца. Но стрельцы, не оказав никакого уважения иконам, схватили Нарышкина за волосы», впоследствии казнив. Там же. С. 23.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 24.

⁴⁷ Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. М., 1976. С. 291.

⁴⁸ Там же. С. 9.

описанные источники, документ проливает свет на начавшееся усиление части знати: были пожалованы комнатными стольниками⁴⁹ братья Нарышкины, их дети и их стольники, а также из опалы вернули ближних Матвеева.⁵⁰ На следующий же день проходили похороны царя Фёдора.⁵¹ Причём достаточно необычно, что похороны были проведены так скоро, ведь по христианским обычаям захоронение происходит на второй или третий день.

Далее описывается похоронная процессия. Данные анонимного автора «дневника» о присутствии Софьи Алексеевны и об отсутствии на отпевании тела Петра и Н.К. Нарышкиной подтверждаются.⁵² 29 апреля стрельцы написали челобитную на полковников, которых они обвиняли «в насильствах и в налогах и во всяких разорениях».⁵³ Здесь датировка отличается от данной датским послом, который определял эту челобитную двумя днями ранее, до кончины царя.

30 апреля государь приказывал «послать в тюрьму полковников, на которых били челом ему».⁵⁴ После этого ежедневно продолжались пожалованья в высшие придворные чины родственников Петра (в первую очередь, Нарышкиных и Матвеевых⁵⁵) и наказания полковников.⁵⁶ Эта заметка позволяет раскрыть численность повстанцев. Стрельцы жалуются на 12 полковников, 6 полковников наказываются, согласно записке от 1 мая. Всего, таким образом, насчитывается 18 стрелецких и солдатских полковников, то есть более 14 тысяч человек.

Первые волнения начались 14 мая: в Коломенском «мужики взбунтовались».⁵⁷ 15 мая «учинилось смутное время».⁵⁸ «Приходили в Кремль солдаты Матвеева полка, да стрельцы всех приказов, [да] пушкари».⁵⁹ То есть важно понимать, что возмущены были не только стрельцы.

После того, как они «побили боярских людей и лошадей многих», пришли к Красному крыльцу.⁶⁰ К ним вышел Хованский, которому они объяснили возмущение тем, что «изменяют

⁴⁹ Комнатный стольник – придворный чин, служивший царю в его покоях. Там же. С. 321.

⁵⁰ Там же. С. 9-10.

⁵¹ Там же. С. 11.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 12.

⁵⁴ Там же. С. 13.

⁵⁵ 12 мая Артемон Матвееву были возвращены вотчины, которые были розданы. Там же. С. 17.

⁵⁶ Там же. С. 14-17.

⁵⁷ Там же. С. 18.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 276.

⁶⁰ Красное крыльцо — с половины XVII в. крыльцо, которое шло по всей лицевой стороне московского царского дворца, от Благовещенского собора до Грановитой палаты.

государю бояре и чтоб Ивана Алексеевича оказали». ⁶¹ Также, вопреки «дневнику» в документе говорится, что и царица, и государь, и патриарх к ним выходили. Восставшие требовали выдачи бояр ⁶², и, когда государь им сказал, что во дворце их нет, проверили сами и, найдя, учинили над ними расправу. Эта сцена мало чем отличается от уже описанных, разве что указано больше фамилий потерпевших бояр. Описаны те же методы убийства и те же бояре, что и в предыдущих источниках.

На следующий день стрельцы пришли к Постельному крыльцу ⁶³, но уже с новым требованием выдачи им докторов. Интересно, что в документе особенно выделяется тот факт, что приходят не стрельцы, а просто вооружённые люди. Государь выполнил требование протестующих.

18 мая «приходили же всех приказов выборные люди без ружья и били челом, чтоб К.П. Нарышкина в монахи постричь». ⁶⁴ Государь выполнил требование. В эти дни некоторые из восставших начинали грабить дома, и их казнили другие восставшие, потому что «положили, что ничьих домов не грабить». ⁶⁵ 19 мая пришли стрельцы и пушкарки и стали требовать «заслуженные деньги». Называется даже конкретная сумма – 240 тысяч рублей. ⁶⁶ И снова государь выполняет его и жалует по 10 рублей на человека. На следующий день пришли с новой челобитной: сослать в ссылки бояр и полковников, «на которых прежде били челом». ⁶⁷

17 мая Хованский стал главой Стрелецкого приказа, а его сын Судного. И.М. Милославский стал главой иноземного, пушкарского и рейтарского приказов. ⁶⁸ 20 мая произошло назначение Одоевского и Волынского в Большой приход и Большую казну ⁶⁹, в результате чего новая властная группа заняла все ключевые посты.

С 21 по 25 мая происходили назначения новых бояр в приказы и на места. ⁷⁰ 26 мая Иван Алексеевич был избран царём. ⁷¹ Тогда к нему пришли с воровскими челобитными бояре и государь стал вершить суд над беззаконниками.

⁶¹ Там же. С. 277.

⁶² Ю.А. и М.Ю. Долгоруких, Г.Г. Ромодановского, А.С. Матвеева, К.П., И.К. и других Нарышкиных, а также многочисленных стольников и спальников. Там же.

⁶³ Постельное крыльцо - находилось посреди дворцовых зданий, между приемными большими палатами и жилыми теремными покоями государя, составляло довольно обширную площадь и служило сборным местом для младшего дворянства.

⁶⁴ Там же. С. 278.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 279.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. №1. С. 18.

⁶⁹ Там же. С. 19.

⁷⁰ Там же. С. 19-20.

⁷¹ Там же. № 207. С. 279.

Таким образом, книга разрядного приказа во многих аспектах согласуется с донесением Горна: в противовес «Дневнику» отводит ключевую роль в восстании стрелецким и солдатским отрядам. Софья же, как действующее лицо, не принимает участие в событиях.

Заключение

В ходе исследования были выявлены причины и ход событий мая 1682 года. Несмотря на некоторые различия данных источников, представляется возможным реконструировать последовательность хода восстания. Для восстановления хронологии событий представляется рациональным использовать лишь донесение посла и книгу разрядного приказа, потому как «Дневник» имеет ошибочную датировку.

Состав восставших: известно, что около 20 тысяч стрельцов жило в Москве в разных частях города: почти в каждой слободе находился стрелецкий полк от 500 до 1000 человек.⁷² По данным датского посла, 15 мая к государю пришло 4 полка стрельцов, а также 4 тысячи солдат. Согласно разрядной книге, в Москве в 1682 году было 18 полковников, то есть 18 полков, а, следовательно, более десяти тысяч стрельцов. Стрельцы преобладали в движении, но и остальные служащие «по прибору» составляли весомую часть. В «Дневнике» и Разрядной книге указываются пушкари, которые, вероятно, входили в число тех четырёх сотен солдат, указанных Горном. Московский простой люд, вне сомнения, сочувствовал восставшим, хотя источники не дают оснований для вывода об их участии в событиях⁷³.

Причина начала событий: все источники имеют разную отправную точку начала событий, но одно является общим: начало восстания произошло ещё до смерти царя Фёдора. Кончина стала лишь катализатором. На это указывают все три источника. Но, если донесение Горна и Разрядная книга выделяют челобитные в качестве причины, то «Дневник» подчеркивает уже существовавшие разногласия боярской верхушки. Смерть Фёдора, согласно всем трём источникам, была естественной: авторы опровергают слух об убийстве.

Верность присяге – важнейший институт общества, который стрельцы не могли нарушить. Значит, они не выходили против царя, а бастовали против полковников и бояр. Ещё до смерти Фёдора, по донесению Горна, или два дня спустя, по разрядной книге, стрельцы подавали челобитную. Стрелецко-солдатская челобитная, как её называет В.И. Буганов, является одним из ключевых моментов для понимания причин восстания.⁷⁴ Поводами для недовольства были:

⁷² Романов М.Ю. Москва Стрелецкая. М., 2012. С. 153.

⁷³ Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 127.

⁷⁴ Там же. С. 101.

работа на полковников, злоупотребление ими же полномочий и недодача денег (скорее всего, вместо кошельков стрельцов, они пополняли кошельки полковников).

Несомненно, Софья не имела достаточной власти, чтобы поднять войска с пустого места, поэтому, вопреки данным «Дневника» хотелось бы заключить, что дворцовые передраги и межпартийная борьба не были причиной, а могли быть лишь поводом для выступления. Царевна была умелым дирижёром, который выводила недовольство стрельцов и солдат в нужное русло. Факт того, что Пётр не присутствовал на отпевании тела брата, а Софья, вопреки правилам, была на похоронах, подтверждается всеми источниками. И это не могло не повлечь недовольств со стороны. Этим нередко Софья и оперировала.

Ход событий: в данном аспекте источники не противоречат друг другу. После двух недель царствования Петра, 15 мая, когда был созван Земский собор, восставшие вышли к Кремлёвскому дворцу с требованиями и, услышав от злоумышленников (скорее всего, подстрекаемых Софьей) новость об убийстве царевича Ивана, вместо мирных требований перешли к активным действиям. В каждом из трёх источников даются разные версии того, кто вышел к стрельцам на переговоры. Если в донесении датского посла на крыльцо спустились Хованский и Одоевский, то в «Дневнике» Михаил Долгоруков, а Хованский в этот момент руководил восставшими. В книге разрядного приказа к стрельцам сначала вышел Хованский, а потом и сами Пётр с Иваном. Эта деталь проливает свет на степень участия каждого в событиях.

«Дневник» располагает наиболее подробными описаниями расправ, учинённых стрельцами и солдатами. Другие источники не противоречат этой информации. Казни и убийства проходили бессистемно: вероятно, изначально (согласно выдвинутым требованиям) планировалось наказать лишь полковых командиров, но в итоге что-то пошло не так. Кроме того, по свидетельствам Богданова, восставшие проводили расследование о причинах смерти (или возможного убийства) царя Фёдора, поэтому под их гнев также попали доктора.

Таким образом, с помощью анализа источников мною был восстановлен ход восстания, его причины и состав восставших, однако указанные здесь данные противоречат принятой в историографии точке зрения, а это означает, что данная тема нуждается в дальнейшем изучении с привлечением более широкого круга источников.

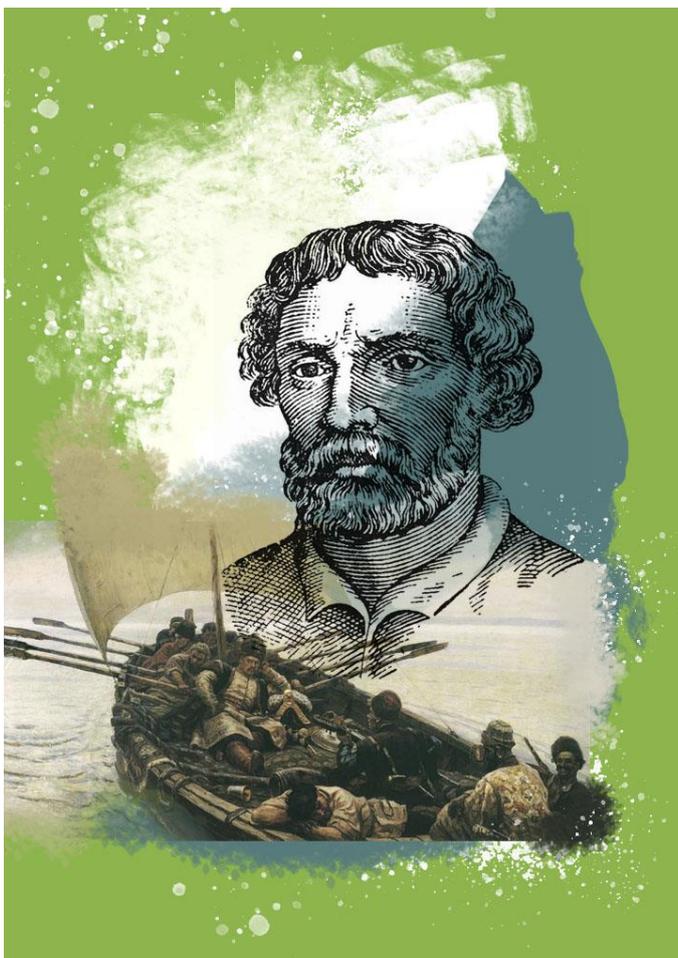
Библиография

- Богданов А. П.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. Вопросы истории. 1986. № 3. С. 78-91.
- Богданов А.П.* Нарративные источники о московском восстании 1682 года // Богданов А.П. Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М.: ИРИ, 1993. С. 77-108.
- Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века М. : Наука, 1969.
- Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. М. : Наука, 1976.
- Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1901.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории: В 5 ч. СПб.: Б.м., 1904.
- Павленко Н.И.* Петр Первый. М.: Мол. гвардия, 1975.
- Романов М.Ю.* Москва стрелецкая. М. : Москвоведение, 2012.
- Шмурло Е. Ф.* Польский источник о воцарении Петра Великого. Лейпциг: Сенатская тип., 1902.

Отражение исторических реалий в народных песнях о Степане Разине

Мария Григорьева (Образовательная программа «История»)

Введение

Восстание под предводительством Степана Разина (1667-1670) оставило глубокий след в памяти народа. Множество песен, былин и сказаний, созданных о Разине, большая часть которых до сих пор своей работе я рассмотрю, как события данного периода были интерпретированы в сознании людей, в частности, в народных песнях. Народные песни о Степане Разине являются источником, на который я буду опираться в первую очередь. Фольклорный материал начал собираться еще с начала XIX века. Широкое собрание по всей стране эпоса о Разине начинается во второй половине XIX столетия. Выходят сборники В.Ф. Миллера, П.В. Киреевского, Н.

Костомарова, Н.Я. Аристова и других. В советский период продолжается широкое изучение темы разинского бунта. Выходят работы М.А. Яковлева, Н.К. Пиксанова, Т.М. Акимовой, А.Н. Лозановой. Однако советская историография во многом подверглась сильному идеологическому влиянию: исследователи в оценке разинского движения делали основной упор на его социально-политическом значении, называя восставших революционерами, а противостоящие силы – партиями.¹

¹ Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине: Историко-лит. исследов. и тексты. Новоузенск: Нижне-Волжское обл. науч. о-во краеведения, 1928. С. 42.

Работа над темой разинского восстания продолжается и в наши дни. Выделяется работа В.М. Соловьева «Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность», в которой автор пытается отойти от советских терминов и оценок целей движения Разина и по-новому показать значение данного события в истории России. Также исследователь дает детальную трактовку сюжету о пленной девушке (захваченной персидской княжне), разбирая многочисленные версии происхождения песни.²

При изучении исторических песен встает вопрос о достоверности описываемых событий. Многие из вариантов составлялись спустя большое количество времени после непосредственной деятельности Разина. В этом случае имеют место различные анахронизмы, исторические неточности, а также сращивание образов самого Степана Разина с другими историческими персонажами (например, имя Разина встречается в сюжетах, относящихся к Ермаку). Таким образом, для выяснения ошибок в содержании следует использовать метод сравнительного анализа: сравнить события песен с другими источниками (свидетельства иностранцев, государственные документы, относящиеся к крестьянскому восстанию).

Исходя из вышесказанного, для своего исследования я выбрала сборник песен, составленный А.Н. Лозановой, в котором она обобщила опыт предыдущих исследователей исторической песни; также в составе сборника содержатся песни, записанные самой Лозановой. С другой стороны, для прояснения некоторых исторических реалий я использовала сборники материалов – документы, относящиеся к истории крестьянского восстания под предводительством Разина. Это четырехтомный сборник «Крестьянская война под предводительством Степана Разина»³, в котором содержатся царские грамоты к городским воеводам, расспросные речи самого Разина, его сподвижников и других, донесения о передвижении войска атамана и др.

Легенды о Разине

Песни о Разине широко распространены по территории России: Смоленская область, Астрахань, Поволжье, Якутская область и даже Украина. Лозанова обозначает 5 основных кругов распространения песенного репертуара: Поволжье, Казачьи области, Центральные губернии, Север, Сибирь. При этом, как отмечает автор, песни распределены неравномерно. Больше всего записей сделано в местах, где происходили непосредственные действия атамана:

² Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М.: ТИМР, 1994. С. 59-62.

³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов: В 4 т. М.: Акад. Наук СССР, 1954.

в Среднем и Нижнем Поволжье, а также в казачьих областях. Для объяснения подобного распределения Лозанова выделяет условия «выживания» песен на определенных территориях: на периферии они сохраняются намного лучше, чем в центре, во-первых, потому что территории Поволжья были непосредственной ареной движения Разина, и, во-вторых, в силу того, что центр имеет более развитые культурные традиции, следовательно, эпические произведения не могут сохраняться долгое время на этих территориях.⁴

Сам образ Разина стал поистине эпическим. Песни и сказания о нем начали создаваться еще при его жизни⁵. Его образ вобрал в себя лучшие качества, которыми мог обладать казачий атаман: казацкая удаль, гордость, дерзкая прямота, ненависть по отношению к врагу, свободолюбие, бесстрашие, находчивость, презрение к опасности, щедрость. Народное сознание приписывает ему колдовские способности и нечеловеческую силу: казак может выбраться из запертой тюрьмы, его не ранят ни пули, ни пушки. Фигура Разина надолго остается в памяти народа, а образ его смешивается с образами других народных популярных героев.

Сюжеты разинских песен очень разнообразны. Можно выделить несколько больших групп: песни о неприходе Разина в казачий круг и о том, как Разин все же приходит в казачий круг, песни о сынке Разина, о выборе атамана, о поимке и смерти Разина, песни о походе на Астрахань.⁶ Есть несколько одиночных песен, встречающихся в единственном экземпляре. Чаще всего эти песни не прикреплены к конкретным историческим событиям, в них используется лишь имя атамана.

Тема	Номер песни в книге А.А. Лозановой
Смерть Разина (просит похоронить его между 3х дорог)	1, 11, 12, 20, 85, 86
Сон о смерти	39, 41
Песня о сынке Разина	2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 15, 16, 22, 23, 24, 26, 28 (три царя), 30, 31, 35, 36, 43, 52, 53, 57, 62, 63, 64, 65, 75, 76, 82, 84, 87, 88, 90, 92, 93,

⁴ Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине. С. 31.

⁵ Михайловичева З.И. Степан Разин. М., 1939. С. 34.

⁶ Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине. С. 172.

	94, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 114, 119, 121, 122, 123, 124, 127
О поимке Разина, казнь	13, 33, 69
Как Разин не ходил во казачий круг	17, 50, 58, 62, 73
Разин с помощью ворожбы узнает о судьбе сына	19, 78, 120
Убийство губернатора	27 (губернатор Репин), 83
Разин пришел в казачий круг	18, 37, 40, 42
Выбор атамана	45, 46, 47, 51, 77, 89
Песня о том, что все казаки побиты	48, 49, 67, 118
Люди Разина просят у солнца тепла	61, 66, 81, 111, 112
Песни о наезде на Астрахань	25, 29, 68, 70, 74
Песни астраханского войска	34, 55, 56, 80
Песни, записанные в единственном экземпляре	
Бой племянника Разина и татар	32
Обещание Разина отвезти пленницу обратно домой	38
Песня о взятии Казани	44
Один из казаков остался на острове и просит помощи	72

Раздел добычи	79
Разин предлагает поехать за добычей	71
Девушка узнает о смерти милого по кольцу на руке	54
Песня «сподвижников» Разина	21
Разин едет свататься к купеческой дочери	14

Сюжеты песен

Первый сюжет, которую можно выделить— это песни о том, как Разин не ходит в казачий круг, и о том, как он все же приходит «думать думушку» с казаками.

Песни о неприходе Разина в круг практически одинаковы по своему сюжету (всего 5 версий записано в работе А.А. Лозановой): рассказывается о молодце Степане Тимофеевиче Разине, что не ходил он в казачий круг, а думал «крепкую думушку с голытьбою»⁷. Далее следует обращение Разина к казакам: он приглашает их «на сине море гулять», разбивать басурманские корабли, взять «казны сколько надобно», т.е. приглашает казаков в поход за добычей. Во многом песня сходится с реальностью. Голутвенным казакам были необходимы средства к существованию, и наиболее удобным способом добыть их былворовской поход «за зипунами». Отношения с казачьим кругом у Разина не были дружественными. Сам Степан Разин происходил из простого казачества, поэтому в управление старшины он не входил. Главные разногласия и окончательный разрыв в отношениях между Разиным как предводителем голи и Корнило Яковлевым, возглавлявшим зажиточное казачество, произошел после убийства Разиным Герасима Евдокимова, московского посланника (Евдокимов приехал в Черкасск с царской грамотой, и заодно решил проведать о намерениях Разина). Яковлев стал упрекать Разина за самосуд, на что тот ему ответил: «...ты де владей своим войском, а я де владею своим». Об особом отношении Степана Разина к бедным казакам можно судить по его обращению к ним в песнях: братцы, голь моя несчастная, голытьбушка⁸. Выражения дают картину того, что симпатии атамана были на стороне голытьбы.

⁷ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов: В 4 т. Т. 1. С. 165.

⁸ Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине. С. 172, 204.

Каковы место и время складывания песни? В тексте указывается, что атаман вел дела с голутвенными казаками, а не оседлым казачеством. Однако, повествование ведется именно от лица кармазинник⁹, хотя сам Разин упоминается без какого-либо отрицательного отношения к нему. Соответственно, можно предположить, что сюжет сложился спустя долгое время после событий восстания, когда многие негативные моменты в отношениях между представителями двух сил (голытьбой и зажиточным казачеством) потеряли свою остроту.

К песням о неприходе Разина в казачий круг прикрепляется сюжет о том, как атаман все приходит «думать думушку» в круг к казачьей верхушке. Лозанова указывает 4 такие песни. По своему составу они похожи на песни о неприходе. Начинается песня с упоминания воровского корабля:

*Как по морюшку, морю синему,
Бросил якори воровской корабль.
На кораблике муравен чердак,
В чердаке стоит золотой бунчук,
С бунчуком рядом – царски знамячки.¹⁰*

Далее рассказ переходит к фигуре часового, напротив которого в раздумьях сидит атаман. Здесь говорится о том, что раньше «Степанушка во казачий круг сам не хаживал»¹¹, а теперь пришел. В варианте №37 Разин призывает казаков, как и в песнях о неприходе, пойти за добычей:

*Сядемте мы, ребятушки, в
свой легкий корабличек,
Побежимте мы, ребятушки, в
сине море,
Станемте, ребятушки, раз-
бивать бусы кораблики.¹²*

Однако отношения Разина с казачьей верхушкой были враждебные. Поэтому слова песен о том, что атаман пришел в казачий круг и приглашал их в поход, не имеют основания. Лозанова дает пояснение, откуда мог появиться этот сюжет. Она пишет, что песни об участии Разина в

⁹ Кармазинник (от украинского) - тот, кто носил кармазиновый жупан, как правило, богатый казак или мещанин. URL: <http://www.classes.ru/all-ukrainian/dictionary-ukrainian-explanatory-term-66915.htm>

¹⁰ Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине. С. 190.

¹¹ Там же. С. 191.

¹² Там же. С. 188.

делах зажиточных казаков могли появиться по прошествии долгого времени после восстания, когда не только острота противостояния сошла на нет, но и черты поведения атамана, а также его действий начали стираться. Учитывая то, что в войске Разина все дела решались также на казачьем круге (как и в захваченных повстанцами городах после свержения старой власти устанавливалось правление круга)¹³, можно предположить, что сочинителями была просто перестроена песня о неприходе атамана.¹⁴

Самый многочисленный мотив разинского цикла песен (59 вариантов в сборнике А.Н. Лозановой) – это песни о «сынке Разина». В данной группе песен важно отметить то, что все они по своей сюжетной основе практически одинаковы (от песни к песне есть только некоторые различия в деталях). В городе Астрахани (в варианте №87 вместо Астрахани присутствует Саратов) появляется неизвестный человек, который сразу привлекает внимание жителей своей яркой и дорогой одеждой, но еще больше своим дерзким поведением. Он *«военным услужителям челем парень не бьет/ А гражданским обывателям не кланяется/ Астраханскому губернатору под суд нейдет»*.¹⁵ Его поведение привлекает внимание губернатора, который приказывает привести его к себе для допроса и пытается выяснить, откуда и кто таков:

*Ты скажи, скажи, детинушка
незнамой человек;
Ты ли со Дану казак или
казацкой сын?
Ты казанец, аль рязанец, или астраханец,
Ты из-за моря, купец иль купеческий сынок?*¹⁶

Тем же дерзким и вызывающим тоном незнакомец отвечает, что он «Стеньки Разина сынок», и что его батюшка скоро приедет в гости к губернатору, так что последнему нужно приготовить Разину достойное угощение. Некоторые из вариантов имеют продолжение: сынка Разина сажают в тюрьму, а действие переносится к самому атаману, который предчувствует, что с его сыном случилась беда и едет к нему на выручку.

Ставится вопрос: кто же такой «сынок» Степана Разина? Большинство исследователей относят персонажа не к какому-либо конкретному лицу, но к агентам Разина, которых атаман

¹³ Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М.: ТИМР, 1994. С. 177.

¹⁴ Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине. С. 62.

¹⁵ Там же. С. 158.

¹⁶ Там же.

рассылал впереди себя во многие города страны. Стоит сказать, что речь не идет о кровном родстве с атаманом: по сюжету Разин является названным отцом, что имеет под собой историческую основу. А.Н. Лозанова приводит свидетельства голландца Я. Стрейса: иностранец пишет, что при обращении к Разину его запрещалось называть иначе как «батюшкой».¹⁷ Получается, что образ сынка – во многом собирательный. Однако Чистякова выдвигает версию, что песенный «сынок» мог быть конкретным историческим лицом. Исследовательница относит этот образ к некоему Вавиле – холопу князя С.И. Львова. Холоп с воздвиженским попом Гавриловым были отправлены к астраханскому воеводе Прозоровскому для переговоров о сдаче города, но воевода отверг их предложение. Гаврилов был брошен в темницу Троицкого монастыря, Вавилу также схватили, пытали и затем отрубили голову.¹⁸

С другой стороны, иностранец Л. Фабрициус приводит сведения о том, что сын Разина – это конкретный исторический персонаж.¹⁹ По его словам, сын был от пленной татарки, которую Разин якобы принес в жертву речному богу Гориновичу. После смерти матери Разин отправил мальчика к астраханскому митрополиту, чтобы тот воспитал его в христианской среде.

Вместе с тем, во всех песнях присутствует неточность, которая заключается в употреблении слова «губернатор». Впервые данная должность официально упоминается в документах Петра I от апреля 1703 г., после взятия крепости Ниеншанц, когда А. Меншиков был назначен губернатором Ингерманландии. Позже в 1708 г. Петром была проведена губернская реформа. До этого управление городами осуществлялось воеводами, что также отразилось в документальных источниках.

Песни данного сюжета отражают повторяющиеся случаи появления сподвижников Разина в городе, потому как единичный случай, вряд ли бы оставил столь сильное впечатление в памяти людей. Местом создания сюжета можно назвать саму Астрахань и ближайшую округу: практически во всех вариантах действие происходит именно в этом городе.

Исторической базе соответствуют и другие детали песни. Например, то, как губернатор приказывает немедленно привести к себе незнакомого человека и как допрашивает его, не казак ли тот и не с Дона ли. С середины XVII века (и даже раньше) астраханским воеводам из Москвы присылаются указы жить «с великим береженьем», не пропускать казаков, «которые

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ Чистякова Е.В. Астрахань в период восстания Степана Разина// История СССР. 1957. №5. С. 192.

¹⁹ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л.: Наука, 1968. С. 47

хотят итти з Дону на Волгу воровать».²⁰ Астрахань в том время была пограничным городом, считалась опорным пунктом против казаков и кочевых народов по обоим берегам Волги, что накладывало на воевод особенную ответственность. И в интересах губернатора было захватить удалого молодца, угрожающего скорым взятием Астрахани. Вопросы же губернатора о происхождении «сынка» тоже вполне логичны: большинство восставших были именно донскими казаками. Угрозы сынка исполняются: атаман-батюшка приезжает в Астрахань вызволять сына. В некоторых версиях есть эпизоды расправы и над самим губернатором: с него живого сдирают кожу (№3, 4), сажают в тюрьму (№10), вешают (№7). Мотив расправы с губернатором мог произойти из истории о трагической смерти воеводы Ивана Прозоровского, который был сброшен восставшими с кремлевской башни, а двое его сыновей подвешены за ноги.²¹

Таким образом, в исторических песнях о Степане Разине отразились многие события периода крестьянского восстания. При этом, тексты не всегда соотносятся с исторической реальностью: присутствуют анахронизмы и ошибки. Это может быть объяснено тем, что многие сюжеты создавались намного позже времени непосредственной деятельности Разина. С другой стороны, в образе Разина можно найти много черт «настоящего» казачьего атамана (щедрость, отвага, молодецкая удаль и т.д.), что можно отнести к общим представлениям о народном герое, которые и выразились в песнях.

Библиография

Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л.: Наука, 1968.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов: В 4 т. Т. 1. М.: Акад. Наук СССР, 1954.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов: В 4 т. Т. 2. М.: Акад. Наук СССР, 1957.

Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине. Новоузенск : Нижне-Волжское обл. науч. о-во краеведения, 1928.

Михайловичева З.И. Степан Разин. М., 1939.

Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М.: ТИМР, 1994.

Чистякова Е.В. Астрахань в период восстания Степана Разина // История СССР. 1957. №5. С. 188-202.

²⁰ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов: В 4 т. Т. 1. С. 75.

²¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов: В 4 т. Т. 2. М.: Акад. Наук СССР, 1954. С. 19.

Чума на Руси в середине XIV века по летописным данным

Егор Филиппов (Образовательная программа «История»)

Введение

«Чума» – термин, который ассоциируется у большинства людей с «темным средневековьем», «черной смертью» и т.п. Не вдаваясь в полемику о существовании «темного средневековья» как такового, стоит отметить, что эпидемии чумы не есть символы исключительно Средних веков. Широко

известна, к примеру, первая пандемия чумы, начавшаяся в восточном Средиземноморье в 541–544 гг. в эпоху правления Юстиниана, поразившая Италию и всю Европу (особенно побережья Средиземного моря). Несколько волн чумы, прокатившись по Европе, угасли только в следующем столетии¹. Также многие наслышаны об эпидемиях чумы в России в 1770–1773 гг., когда к зиме 1770 г. болезнь дошла до Москвы, или о Ветлянской эпидемии конца XIX века в Астраханской области². Тем не менее данная работа будет основана на исследовании, полагаю, самой известной эпидемии чумы – так называемого «великого мора», распространенного в XIV веке на Руси. Основными источниками для изучения болезни, безусловно, являются летописи.

Исследование будет построено не на всех летописях, где хотя бы раз упоминается «мор» середины XIV века, поскольку некоторые из них, к примеру, Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, был составлен в XVI в. с использованием различных устных и литературных источников и, соответственно, может нести информацию,

¹ Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб.: Александрия, 2010. С. 106.

² Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М.: Медгиз, 1960. С. 241.

далекую от достоверной, излагая события IX–XIV веков³. Значимым источником для исследования служит Псковская 1-ая летопись, где содержится информация о двух эпидемиях чумы на северо-востоке Руси середины XIV века⁴. Помимо неё, Новгородская 1-ая летопись младшего извода⁵ и Новгородская 4-ая летопись упоминают о появлении и распространении болезни в Пскове и Новгороде⁶. Также важным источником по изучению чумы является Рогожский летописец, в котором представлены сведения об эпидемиях в Переяславле, Москве, Твери, Ростове и Нижнем Новгороде⁷. Следует отметить, что в летописании Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. с конца первого десятилетия XIV в. ультрамартовский стиль выходит из употребления и восстанавливается господство мартовского стиля. Новгородское же летописание XI–XIV вв. велось полностью по мартовскому стилю⁸.

Интересно, что проблема эпидемий в научной литературе существует уже на протяжении почти двух веков. Так, еще в 1884 году в Казани был издан сборник В. Эккермана, содержащий информацию об истории медицины в России. Разумеется, мы не можем с полной уверенностью доверять приведенным там данным, особенно статистическим, однако это не мешает признать работу ученого значимым трудом по истории болезней⁹. В историографии XX века выделяется одна работа – «История эпидемий в России» К.Г. Васильева и А.Е. Сегала¹⁰. В ней представлен более или менее детальный обзор всех эпидемий в России. Примечательно, что, исследуя период «великого мора» на Руси, группа ученых чаще всего ссылается на Никоновский свод, о котором я упоминал ранее, что, отчасти, может поставить достоверность их исследования под сомнение. Помимо данных работ, стоит выделить еще две. Во-первых, это труд Н.С. Борисова из серии «Жизнь замечательных людей» о Дмитрие Донском¹¹. В нём содержатся 3 главы, посвященные эпидемии чумы в середине XIV века. При этом историк не забывает рассказать и об истоках болезни, постигшей большую часть Европы. Вторая работа, заслуживающая нашего внимания, – монография А.Н. Медведя «Болезнь и

³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / С прил. Извлечений из монографии Б.М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков» // ПСРЛ. Т. 11. М.: Языки русской культуры, 2000.

⁴ Псковская 1-ая летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 21–23.

⁵ Новгородская 1-ая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 362–363, 367.

⁶ Новгородская 4-ая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 282–285.

⁷ Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 76–79, 81.

⁸ Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 205.

⁹ Эккерман В. Материалы для истории медицины в России. (История эпидемий X–XVIII вв.). Казань, 1884.

¹⁰ Васильев К.Г., Сегал А.Е. Указ. соч.

¹¹ Борисов Н.С. Дмитрий Донской. М.: Молодая гвардия, 2014. (Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып. 1474).

больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура»», где представлен комплексный анализ древнерусского врачевания и выдвинут тезис об отсутствии медицины на Руси как таковой¹².

Кроме отечественных исследований в нашей работе будут присутствовать отсылки к трудам иностранным ученым. Одним из «отцов» в изучении пандемии чумы середины XIV в. в Европе считается Оле Бенедиктоу, выпустивший свой *magnum opus* под названием «The black death 1346–1353. The complete history»¹³. С помощью этой работы мы можем проследить, как болезнь распространялась по всей Европе. Особую важность для нас имеет то, что в ней содержатся сведения о движении эпидемии на Восток, к русским землям. Это позволит проанализировать и сравнить концепцию иностранного ученого с отечественной научной литературой. Другой знаковой работой, отсылки к которой присутствуют в нашем исследовании, является «Демографическая история Европы», написанная профессором Флорентийского университета Массимо Ливи Баччи. Здесь также представлены материалы по изучению «черной смерти» в Европе¹⁴.

«Черная смерть» и её распространение

Итак, прежде чем говорить о «великом море» на Руси, необходимо проследить причины его возникновения и пути распространения. Существует множество споров внутри научного сообщества о том, как передавалась болезнь. При этом практически все ученые едины во мнении о месте появления чумы. Некоторые пишут достаточно пространно, что это Восток, другие же конкретизируют, отмечая, что болезнь зародилась в одной из областей, входящих в тот момент в состав Золотой Орды, на месте современных Киргизстана и Таджикистана¹⁵. Однако нанесенная на карту траектория распространения «черной смерти» в 1347–1352 гг. напоминает огромную петлю, охватившую всю Европу и Ближний Восток, в которой задохнулись сотни тысяч людей разных племен и народов. Как я отметил ранее, существует несколько мнений о том, как болезнь попала в Европу. Иностранные исследователи чаще всего солидарны друг с другом в том, что чума попала туда с помощью торговых кораблей. Говоря точнее, в 1347 году товары, выгруженные в Мессине с нескольких генуэзских галер, «нарушили длившийся веками бактериологический покой»¹⁶. Эти галеры пришли из портов

¹² *Медведь А.Н.* Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017.

¹³ *Benedictow O.J.* The Black Death, 1346–1353: the complete history. Rochester: The Boydell Press, 2006.

¹⁴ *Ливи Баччи М.* Указ. соч.

¹⁵ *Benedictow O.J.* Op. cit. P. 45.

¹⁶ *Ливи Баччи М.* Указ. соч. С. 107.

Черного моря, где и подхватили чуму, завезенную с Востока. До конца 1347 года она добралась до Генуи, откуда начала свое шествие по континенту. Н.С. Борисов предлагает несколько другую концепцию начала распространения болезни. Он пишет, что, «как это нередко бывало в истории, у начала больших событий оказался маленький, случайный человек – приближенный правителя Золотой Орды хана Джанибека по имени Могул-Буга»¹⁷. Ученый сообщает, что в период с 1344 по 1345 гг. монголы осаждали Каффу (современную Феодосию), но все попытки взять город проваливались. Могул-Буга, занимавший должность первого министра, приказал перебросить в город труп человека, недавно умершего от чумы. Как следствие, в городе началась эпидемия, большинство населения погибло, а беженцы, направившиеся в Константинополь, донесли эту болезнь в Царьград, откуда она распространилась по всей Европе. К сожалению, такая точность в именах при отсутствии ссылок в публикации Борисова оставляет определенные вопросы, но сама концепция, на мой взгляд, вполне заслуживает нашего внимания.

Таким образом, из Константинополя болезнь разошлась во все стороны, в которые направлялись корабли. При этом разумно отметить, что эпидемия добралась не только до Европы, но побывала и на Ближнем Востоке, к примеру, в Сирии. Не стоит забывать и Геную, как город-распространитель, упомянутую мной ранее. Поступательно, но очень быстро, «к концу 1349 года, чума поразила Италию, Испанию, Францию, Англию, Южную Германию и Швейцарию, к концу 1350 – Шотландию и побережья Северного и Балтийского морей; к концу 1352 года она достигла Польши и России»¹⁸.

Однако нельзя полностью доверять исследователям чумы XIV в., даже таким признанным, как Оле Бенедиктоу. Дело в том, что ученый совершил ошибку в своем исследовании, касающуюся первой волны чумы. Эта ошибка содержится в карте, прилагаемой к его монографии. Там отмечено, что чума, зародившаяся в Средней Азии, начинает свое распространение по трем маршрутам – к Кавказу, в сторону Крыма и к Волге, точнее даже к Нижнему Новгороду. Хотя при этом мы знаем, что в первую волну чумной болезни Приволжье либо не было затронуто, либо было затронуто не повсеместно – мы попросту не имеем сведений, в отличие от данных о второй волне чумы, когда она захлестнула Волжские земли. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что Бенедиктоу перепутал разные волны чумы на Руси и поместил их на одну карту. Это, скорее всего, связано с тем, что ученый не был знаком с первоисточниками – летописями, на которых будет основано настоящее исследование.

¹⁷ Борисов Н.С. Указ. соч. С. 30.

¹⁸ Ливи Баччи М. Указ. соч. С. 107.

Говоря о клинической картине болезни, замечу, что она была разнообразна. Полагаю, понятно, что чума принадлежит к числу высокозаразных заболеваний. Простого контакта с больным или принадлежавшей ему одеждой было достаточно, чтобы заразиться. Чаще всего «чума начиналась с легкого озноба, за которым следовали жар, державшийся в течение всей болезни, краснота глаз и воспаление горла, сухой черный язык с трещинами, неутолимая жажда, зловонный запах изо рта и затрудненное дыхание» – так описывает симптомы болезни Н.С. Борисов¹⁹.

Первая волна чумы на Руси в середине XIV века

Исходя из пути распространения болезни по Европе, логично предположить, что одним из первых городов, столкнувшихся с чумой, стал Псков, расположенный у западных границ русских земель. Обращаясь к Псковской 1-ой летописи, мы находим следующую информацию: *«В лето 6860 (1352). Бысть морь зол во граде Пскове и по || селом, смерти мнозе належация; мряху бо люди моужи и жены, старья и младья и малья детки и попове и черньцы и черницы»*²⁰. Как мы можем заметить по оценкам летописца, болезнь, пришедшая на русские земли, оказалась повальной. Она не щадила ни детей, ни стариков, ни священников, ни податное население. Разумеется, в то время никто не мог ни поставить диагноз, ни объяснить, как бороться с болезнью. Большинство, если не все, предполагали, что всё случившееся – есть кара Божья: *«То въскоре помышляше о своем животе, или о души; да сего ради мнозе идяхоу в монастыри, или мужи или жены, и постризахоуся во мнишескыи чин и аггельскому образу сподобляхоуся, тела и крови христови причастившеся; и тако въ добре исповедании преставляхоуся от всея временныя жизни на онъ вечный свет к богу, и душа своя предаша в роуце || пришедшим аггелом, а телеса своя гробу»*²¹. Мы видим, что люди старались исповедаться, они полагали, что чума – это наказание за их грехи. Это важно нам осознавать для того, чтобы объяснить следующее: *«Друзии же в миру в домех своих тако же готовляхоуся на душевныи исход, о душах своих печалующеся, и имение свое отдающе въ милостыню церквам и манастрырем, попом, духовным отцам и нищим, маломощным, оубогым, кормяще и напаяюще и милостынею оучрежающе»*²². Зачастую для того, чтобы искупить грехи, в середине XIV века люди отдавали всё своё имущество монастырям. Они жертвовали всем, лишь бы не подхватить

¹⁹ Борисов Н.С. Указ. соч. С. 26.

²⁰ Псковская 1-ая летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 21.

²¹ Псковская 1-ая летопись // ПСРЛ. Т. 5. С. 21.

²² Там же.

незнакомую и ранее не виданную болезнь. Но все же основной целью дарения всего имущества монастырям было спасение души, благодаря таким щедрым пожертвованиям. Люди старались сделать все, чтобы спасти свою душу в ином мире, куда они зачастую готовы были попасть, зная о высокой смертности от чумы. Ради того же строились новые церкви в периоды эпидемий. Если человек совершал вклад в строительство нового храма – то есть либо помогал строить его физически, либо совершал пожертвование на строительство, то он надеялся на то, что за его заслуги его будут упоминать во время совершения духовных песнопений.

В летописи сообщается о том, что количество умерших от эпидемии людей было настолько большим, что священники не успевали приходить к каждому в дом и отпевать, однако все равно просили родственников и близких приносить тела к монастырям и церквям для общего отпевания: «... *попове бо не можахоу проводити по единомуу из дворовъ, за множество оумирающих не оуспевати бо, но веляше комоуждосвоя мертвыя на церковнии дворъ возити*»²³. Более того, многих не успевали хоронить по христианским канонам и обычаям, и приходилось в один гроб складывать несколько тел, создавая тем самым некое подобие «братской могилы»: «... *или мужю или жене или детем, и тако полагаху || и по трое или по пяти головъ во единъ гробъ*»²⁴. По мере распространения болезни, свободного места оставалось всё меньше, поскольку «*все бо могилье воскопано бяше*»²⁵. Передавалась болезнь стремительно, так как была очень заразна. Лекарей в Пскове, к примеру, было не так много, из-за чего функции «врача» на себя принимала женщина – хранительница очага. Разумеется, она также подхватывала это заболевание, и, таким образом, вымирали целые семьи, которых хоронили в одной могиле, как было указано ранее. Лечиться было, по сути, невозможно, поэтому люди старались строить церкви, чтобы «мор» уходил как можно скорее. Так, в Новгороде в разгар чумы прибегли к этому способу: «*Того же лета (6860) постави владыка Моиси церковь камену въ имя святыя богородица Успение на Волотове*»²⁶. Другим известным нам способом лечения было разжигание костров. Для этого необходимо обратиться к Новгородской 1-ой летописи старшего извода, в которой конкретного упоминания о «море» нет, но в ней присутствует описание поездки новгородского архиепископа Василия, о миссии которого будет изложено подробно в конце главы. На данный момент его поездка важна нам, поскольку в вышеобозначенной летописи упоминается, что «*Добиша челомъ новъгородьци,*

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Новгородская 1-ая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. С. 362.

бояре и черныи люди архиепископу новъгородьскому владыце Василию, чтобы «еси, господине, ехаль нарядилъ костры во Орехове»; и онъ ехавъ, костры нарядилъ, и приеха в Новъгородъ». Зачастую во время эпидемий (не только чумы) на улицах и площадях разжигали огромные костры. Смысл этих костров заключался в очищении воздуха с помощью дыма и огня. Выходит, люди понимали, что болезнь передается воздушным путем, раз они старались «очистить воздух».

Помимо этого, Псковская 1-ая летопись прекрасно воспроизводит, говоря современным языком, общественное настроение, царившее в городе: *«Тогда бяше многъ плач зело и лютое кричание съ горьким рыданием; кто же плакаше своих мертвецъ: родители по чадех своих, а чада по родителех своих, и братья по братьи своеи, и друuze по друузех, и жены по мужех, и сердоболя вся по сродницех своих, и прочии бо вси плакахауся о душах своих. Кто бо тогда каменосердъ человекъ и без слез быти, видяще сию || великоюу беду, яко мнози въскоре и напрасно оумирахоу, от себе въскоре отлоучаемы, и сами на собе того же пожимающе»²⁷.* Перед нами предстает своего рода трагедия: болезнь, пришедшая неизвестно откуда, начинает разрушать обыденную жизнь русского города, забирать близких почти у каждого жителя и приносить ему только горе. Между тем, такая картина существует не только в Псковской 1-ой летописи. Если обратиться к Новгородской 4-ой летописи, можно найти абсолютно идентичное изложение событий: *«Тогда беша многъ плач зело и лютое кричание, с горьким рыданиемъ; кто же плакашеса своих мертвецъ: родители по детехъ своих, а ча||да по родителехъ своихъ, и братьи по своеи братьи, а друзи по друзехъ, и жены по мужехъ своихъ ...»²⁸.*

Тем самым, мы приходим к выводу, что описания появления чумы в Пскове в Новгородской 4-ой и Псковской 1-ой летописях крайне похожи. Более того, там совпадает не только изображение всеобщего горя от огромного количества умерших, но и сведения о сложностях захоронения и поголовном исповедании в грехах: *«... то въскоре промышляше о своем животе или о души, да сего ради мнози идяху в монастыри, мужи и жены, и постригахуся въ мнишьский чинъ и ангельскому чиноу сподобляхуся, тела и крове Христове причастившися, и тако в добромъ исповедании преставляхуся отъ сеа временныя жизни на онъ вечныи светъ к Богу ... попове бо не можяху проводить по единому изъ дворовъ, за множество оумирающихъ не оуспеющим бо имъ, но веляху*

²⁷ Псковская 1-ая летопись // ПСРЛ. Т. 5. С. 22.

²⁸ Новгородская 4-ая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 284.

*комуждо мертвыа своя на церковнии дворъ припроваживати; ... и тако полагахоу и по 3 или по пяти головъ въ единъ гроб»*²⁹.

Для того, чтобы далее продолжить исследование, необходимо остановиться и разобраться в том, что собой представляла данная болезнь. Опять же, Новгородская 4-ая и Псковская 1-ая летописи дают приблизительно одинаковую информацию: *«Беше бо тогда знаменіе смертное сице: хракнетъ человекъ кровью и до 3 дні бывъ да оумретъ»*³⁰. Как отмечает Н.С. Борисов в своем исследовании, кровохарканье служит признаком легочной чумы³¹. И действительно, несмотря на то что, к примеру, в Италии в 1348 году были зафиксированы воспаленные бубоны, в русских летописях не упоминается подобное. Помимо этого, интересно, что в летописях присутствует попытка определить то, откуда на Русь пришел «мор». Тут Псковские и Новгородские летописцы опять же одинаково уверенно сообщают, что *«некотории же реша: той моръ пошел изъ Индиискыя земля от Солнечна града»*³². Некоторые ученые отмечают, что эпидемии чумы присутствовали на территориях Китая и Индии в середине XIV века, однако вероятность их транспортировки на русскую землю видится крайне сомнительной.

В том же 1352 году «мор» из Пскова перекинулся в Новгород: *«Того же лета бысть мор силенъ в Новеграде, прилучися приити на ны, по човеколюбию божию, праведному суду его»*³³. В этой же летописи даже присутствуют точные даты, в которые чума была в городе. *«Вниде смерть в люди тяжка и напрасна, от госпожина дни почалося нольне и до велика дни, множество бецислено || людии добрых помре тогда»*. Получается, чума в Новгороде свирепствовала с 15 августа – праздника Успения Пресвятой Богородицы («Госпожин день») и до Пасхи («Велик день»).

Заканчивая исследование первой волны чумы на Руси в середине XIV века, стоит отметить одну примечательную историю, о которой сообщается во всех летописях, на которые я опирался ранее в исследовании первой волны. В 1352 году новгородским архиепископом был некий Василий, как оказалось, человек очень мужественный и решительный. Узнав об эпидемии в Пскове, он отправился туда и совершил крестный ход и молебен: *«Послаша Псковици послы в Новгородъ и призваша к собе владыку Василья, дабы ихъ благословиль;*

²⁹ Там же. С. 283.

³⁰ Там же. С. 282.

³¹ Борисов Н.С. Указ. соч. С. 32.

³² Псковская 1-ая летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 22.

³³ Новгородская 1-ая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. С. 363.

Чума на Руси в середине XIV века по летописным данным

*и владыка послуша молбы ихъ, приеха въ Псковъ и благослови ихъ»*³⁴. Тем не менее, на обратной дороге, как указывают летописцы, Василий умер от болезни, по-видимому, заразившись во время пребывания в Пскове: *«И идя изо Пьскова в Новъгород, преставися на пути, на реце на Узе, месяца июля въ 3 день, на память святого мученика Акинфа, вторник въ 9 час дни»*³⁵. Как мы видим, Новгородская 1-ая летопись младшего извода дает самую точную датировку, которая встречается среди всех летописей на тему «великого мора» (3 июля, вторник, 9 часов утра). Из этого разумно предположить, что гибель архиепископа от болезни стала сильным ударом для всех жителей городов, окутанных эпидемией. Судя по всему, народ не верил в то, что святое лицо, коим являлся архиепископ, могло умереть от «мора», что объясняет столь сильный акцент на точном дне и часе его смерти. Интересно, что весной 1353 года из-за эпидемии на Руси почти одновременно сменилась и духовная, и светская власть: *«Тои же весне преставися Феогнасть митрополит всея Руси, много поболить»*³⁶. Однако на этом вся информация о смерти митрополита заканчивается. Такое же краткое сведение дается и о смерти князя Семена Ивановича и двух его детей: *«В лето 6861. Преставися князь великыи Семеонъ Иванович всея Руси, и два сына его»*³⁷. Более широкую картину перед нами открывает Рогожский летописец, сообщающий, что *«въ лето 6862 преставися Фегнасть митрополит всея Руси въ великое говение месяца Марта въ 11 ... Тако же преставишася тогда два князя дети князя великаго Семеновы князь Иванъ да Семеньна единою недели с Фегнастом митрополитомъ ... Тое же весны по Велице дни месяца апрѣл[іа] въ 26 преставися князь великѣи Семень Иванович[ъ] всея Руси ... Того же лета месяца іун[я] въ 6 преставися князь Андреи Ивановичъ после сорочинъ своего брата князя великаго Семена на третѣи день»*³⁸. Вполне логично предположить, что смерть старшей ветви московских Калитовичей наступила из-за чумы, что объясняет такую быструю и практически единовременную кончину.

Вторая волна чумы на Руси в середине XIV века

Вторая волна чумы начала распространяться по русским землям по похожему маршруту. В 1360 году она пришла в многострадальный Псков, который еще не оправился от первой волны. Н.С. Борисов полагает, что занести болезнь на Русь могли «пришельцы из-за моря» – то есть

³⁴ Новгородская 4-ая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 285.

³⁵ Новгородская 1-ая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. С. 362.

³⁶ Там же. С. 363.

³⁷ Там же.

³⁸ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. С. 62.

шведы, в чьей стране в то время эпидемия носила опустошительный характер. Географическая близость Пскова и Швеции только играет на руку теории ученого. Стоит подчеркнуть, что данные о второй волне чумы в Новгородских и Псковских летописях крайне скупы по сравнению с информацией о предыдущей волне. Так, в Новгородской первой летописи младшего извода содержится следующее: *«Того же лета (6868) бысть морь силенъ въ Плескове, и прислаша послове плесковици къ владыце с молбою и челобитьемъ, чтобы, ехавши, благословиль бы еси нас, своих детей, и владыка, ехавъ, благослови их и городъ || Псковъ съ кресты обходи, и литургии три совръши, прииха в Новъград, а плесковицамъ оттоле нача лучши бывати милость божиа, и преста морь»*³⁹. Безусловно, перед нами предстает красивая средневековая история о появлении смертельной болезни, прошении жителей города о помощи, благословлении «владыки» (по-видимому, Новгородского архиепископа) и исцелении жителей после его приезда. На этом вся информация о чуме в летописи заканчивается. Для лучшего прояснения ситуации предлагаю обратиться к Новгородской 4-ой летописи. В ней также содержатся «красивые» фрагменты о быстром исцелении, однако появляется и конкретика: *«Бысть морь въ Пскове, и владыка Алексеи еха к нимъ, позванъ Псковци, и город Псковскіи съ кресты обходи и 3 литургии свершивъ, и прииха в Новъгородъ; а Псковциемъ оттоле нача лучши быти милость Божиа, и преста морь»*⁴⁰. Благодаря этому мы убеждаемся, что тем самым «владыкой» был Алексей – новгородский архиепископ. Поскольку память новгородцев о поездке в Псков прежнего духовного лица была еще свежа, замечаем, что летописцы гордятся мужеством Алексея. Таким образом, с помощью сравнительного анализа двух летописей, можно выяснить, какие моменты мы должны расценивать как достоверные, а какие нет.

Псковская 1-ая летопись дает информацию, радикально отличающуюся от Новгородских источников: *«В лето 6868. Бысть въ Плескове вторыи морь лют зело; бяше бо тогда се знамение: егда комоу где выложится железа, то вскоре оумирахоу мнози тою болезнью, много же время той смерти належащи на людех. Тогда же и Остафъ князь преставися, и дети его два сына Карпъ и Алексеи»*⁴¹. Интересно, что в Псковской летописи не содержится сведений о том, как в этот город приезжал Новгородский архиепископ и «спас» его. Тем не менее, летопись дает нам одну важную деталь – в ней говорится о симптомах второй волны эпидемии. «Выложится железа» – означает воспаление лимфатических желез – то есть признак

³⁹ Новгородская 1-ая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. С. 367.

⁴⁰ Новгородская 4-ая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 289.

⁴¹ Псковская 1-ая летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 22–23.

Чума на Руси в середине XIV века по летописным данным

бубонной чумы, а не легочной, которая господствовала на русских землях меньше, чем 10-ю годами ранее. Опять же, прибегая к сравнительному анализу летописей, предлагаю обратиться к данным Рогожского летописца, который сообщает следующее: *«Овиу хракаху кровію, а друзіи железю, и не долго боляху, но два дни или три, или единъ день поболее и тако умираху»*⁴². Следует обратить внимание на очередное упоминание о «железе», которое говорит о том, что вторая волна болезни несла в себе симптомы бубонной чумы, при этом в Северо-Восточных землях Руси во время эпидемии 1364 года встречалась и легочная чума. Тем самым мы переходим к анализу своего рода повести *«О мору о великомъ»*, сохранившейся в Рогожском летописце и представляющей особый источник по изучению второй волны чумы на Руси середины XIV века.

Итак, Рогожский летописец, обнаруженный и введенный в научный оборот акад. Н.П. Лихачевым, и составленный, по оценкам многих ученых, около середины XV века, дает обширные данные о «море» в Северо-Восточных землях Руси. Летописец представляет путь распространения заболевания таким образом: *«Не токмо же въ граде Переяславли было се, но и по всемъ волостемъ Переяславскимъ былъ морь, и по селомъ, и по погостомъ и по монастыремъ. А преже того былъ морь въ Новгороде въ Нижнемъ, а пришелъ съ низу отъ Бездежа въ Новгородъ въ Нижній, а отъ толе на Коломну, а съ Коломны на другое лето въ Переяславль, а отъ Переяславля на другое лето на Москву. Таковъ въ всехъ странахъ и градахъ и въ всехъ пределехъ ихъ былъ морь великыи, страшныи»*⁴³. Примечательно, что во всех летописях отсутствует информация о чуме в Великом Новгороде. Здесь же летописец сообщает о том, что эпидемия пришла в Нижний Новгород из Бездежа. Бездеж – скорее всего, он же Бельджамен, город в Золотой Орде, ныне не существующий. Некоторые ученые отождествляют его с Водянским городищем или с Мечётным городищем, которое находилось на территории современного Волгограда. Так как через город проходил сухопутный торговый путь из Европы, то, по идее, можно допустить, что из этого места могла прийти болезнь. С другой стороны, логичнее предположить, что чума пришла в Северо-Восточные земли из земель Северо-Западных, поскольку в 1360 году, как уже было отмечено, там разразилась вторая волна эпидемии. В общем, данный вопрос остается открытым, потому что ни в одной работе, посвященной истории чумы, доказательно не утверждается, откуда появилась чума в 1364 году в Нижнем Новгороде, Коломне, Переяславле и Москве. При этом нет сведений о присутствии чумы в Твери. Вполне вероятно, что эпидемия могла обойти

⁴² Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. С. 76.

⁴³ Там же. С. 77.

Чума на Руси в середине XIV века по летописным данным

некоторые города или затронуть их, но не с такой силой, как те, о которых сообщается в Рогожском летописце. Разумно предположить, что раз в летописях нет упоминания о наличии чумы в Твери, то это означает, что болезнь там не унесла жизни многих людей.

В Рогожском летописце, кстати, приводится причина, объясняющая возникновение заболевания в Северо-Восточном регионе Руси: *«гневом Божиим за умноженіе греховъ нашихъ бысть морь силенъ великъ»*⁴⁴. Подобное объяснение мы встречали в данных новгородских и псковских летописцев, которые пытались понять причины появления чумы в их землях в 1352–1353 гг. Эта эпидемия чумы также принесла огромное количество смертей, к примеру, в Переяславле *«мерли люди по многу на день, по 20, по 30 на день, а иногда на день 60 или 70 человекъ, а иногда 100. А таковы дни были же, поболе ста на день человекъ умирало»*⁴⁵. Благодаря указанным цифрам ученые могут даже измерить приблизительное количество людей, проживавших в городе на момент прихода болезни.

Далее в летописи приводятся симптомы болезни, практически дословно совпадающие с теми, о которых пишет Н.С. Борисов, чьи слова я привел в самом конце первой главы данной работы. *«Преже какъ рогатиною ударить за лопатку или противу сердца подъ груди, или промежи криль и разболиться человекъ и начнет кровію хракати»*, – так описываются больные сначала, а затем: *«преже же морь былъ, кровію храчюче мерли, потомъ же железю разболевшись, ти тако же два дни или 3 дни полежавше умираху»*⁴⁶. То есть, сначала многие заболевали легочной формой чумы, а затем она переросла в бубонную, о чем есть конкретные доказательства в летописи: *«железа же не одинако, но иному на шее, иному на стегне, овому подъ назоухю, овому же подъ скулюю, иному же за лопаткою»*⁴⁷.

Помимо этого, в летописи присутствует значительное описание страданий людей: *«како везде туга и печаль горкаа, плачь и рыдание, крикъ и вопль, слезы неутешимы. Плакахуся живіи по мертвыхъ, понеже умножися множество мертвыхъ и въ градехъ мертвые, и въ селехъ и въ домехъ мертвые, и во храмехъ и у церквей мертвые»*⁴⁸. От болезни погибли многие богатые и зажиточные люди: *«многое множество людий и боярь и священничьскаго чину померло, мало ся ихъ остало»*. Более того, в разных городах погибли люди из княжеских семей. В Смоленске умер князь Андрей Константинович, в Ростове погиб Константин Ростовский со своей семьей, в Твери не стало князя Семена Константиновича, затем

⁴⁴ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. С. 76.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 77.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

Чума на Руси в середине XIV века по летописным данным

«боголюбивого князя» Андрея Александровича и княгини Авдотьи. Также погиб князь Владимир Александрович. Эти смерти говорят лишь о том, что княжеский дом Калитовичей изрядно поредел. Страну миновал династический кризис отчасти только потому, что в живых остался князь Дмитрий Иванович.

Подходя к концу главы, хочется отметить еще одну интересную деталь. В Рогожском летописце сохранились сведения о том, что *«того же лета пресвященныи Алексеи митрополитъ всея Руси заложил церковь камену на Москве во имя святаго архангела Михаила единого лета и почата и кончана бысть и священа бысть»*⁴⁹. Сравнивая это событие со строительством Церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода во время первой волны чумы, мы приходим к выводу, что во время эпидемий действительно активно строились новые церкви, иначе упоминаний в летописях бы не было.

Заключение

Подводя итоги исследования, стоит выделить следующее. Главный результат чумы – гибель многих тысяч людей – пагубно повлиял на социальную и экономическую жизнь русских земель. Более того, эпидемия оказала противоречивое воздействие и на церковь. С одной стороны, с развитием болезни люди бросились в церкви и монастыри за помощью, что способствовало росту влияния Церкви. Однако, по вполне объяснимым причинам, помощи люди не получили – смерти большого количества жителей городов и сел не прекратились. Тем не менее, активное возведение новых церквей и храмов во время эпидемий говорит о вере народа в силу церквей, а если быть точнее – в силу молитв и упоминаний имен умерших от болезни. Как и отмечалось ранее, надежда людей на спасение их душ являлась главным катализатором строительства новых храмов во время чумных эпидемий.

Поскольку наше исследование базируется на летописных данных, следует отметить следующие важнейшие моменты. Итак, основным становится вывод о необходимости сравнения летописей. Чтобы увидеть всю картину болезни, нельзя делать акцент на одной летописи и впоследствии доверять только ей. Поскольку летопись, как исторический источник, во многом, если не во всем, зависит от людей, составляющих её, то для выявления относительной истины нужно сравнивать события и даже выражения, встречающиеся в текстах. Так, с помощью сравнительного анализа нам удалось установить множество совпадений, которые говорят о том, что «мор» на Руси был не одноразовым, а весьма

⁴⁹ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. С. 79.

Чума на Руси в середине XIV века по летописным данным

повторяющимся явлением. К слову, после эпидемии начала 60-х гг. XIV века, чума еще не раз приходила на русские земли ближе к концу этого века, однако эти данные выходят за рамки нашего исследования. Помимо этого, наше исследование обогатили сведения летописей о состоянии конкретных людей и общества в целом. Несмотря на некоторые вероятные преувеличения, во всех проанализированных летописях есть информация о том, какое было настроение в социуме, как люди реагировали на болезнь и что собирались с нею делать.

Тем не менее нельзя полностью восстановить картину событий XIV века. Остается еще множество вопросов. К примеру, затронула ли вторая волна чумы Великий Новгород? Ведь ни в одной из представленных в работе летописей не содержится информации о присутствии болезни в 60-е гг. в этом городе. Также интересно, откуда именно пришла вторая волна. И действительно ли многие люди из княжеских семей умирали именно из-за чумы, так как в летописях приводятся только констатации их смертей.

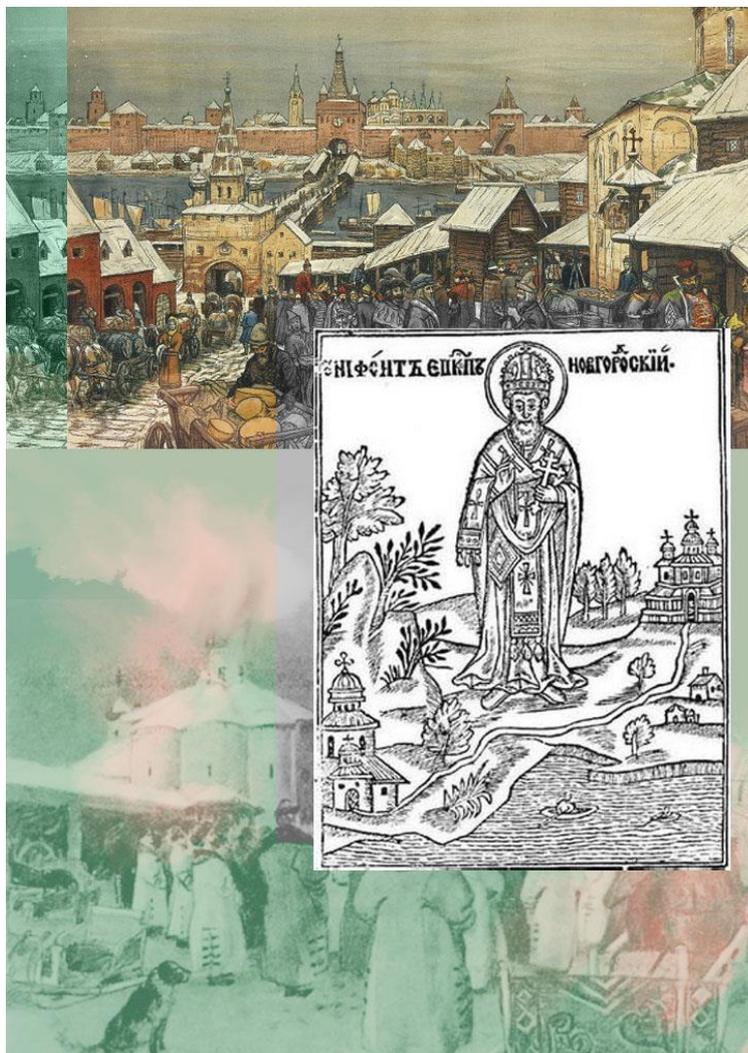
Библиография

- Псковская 1-ая летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Новгородская 1-ая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Новгородская 1-ая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Новгородская 4-ая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Борисов Н.С.* Дмитрий Донской. М.: Молодая гвардия, 2014.
- Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. М.: Медгиз, 1960.
- Лаврентьев А.В.* Митрополит Алексей, эпидемия чумы и отношения в доме московских князей во второй половине XIV в. // Преподобный Сергей Радонежский: история и агиография, иконописный образ и монастырские традиции: материалы международной научной конференции. М.: Государственный Исторический музей (ГИМ), 2015.
- Ливи Баччи М.* Демографическая история Европы. СПб.: Александрия, 2010.
- Медведь А.Н.* Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017.
- Эккерман В.* Материалы для истории медицины в России. (История эпидемий X–XVIII вв.). Казань, 1884.
- Benedictow O.J.* The Black Death, 1346–1353: the complete history. Rochester: The Boydell Press, 2006.

Новгородская революция 1136 г. по летописи

Уиллиам Хёрн (Образовательная программа «История»)

Вступление

В 1136 году, параллельно с Междоусобной войной 1134-1139 гг. между родами Ольговичей и Мономашичей, в Новгороде произошел ряд событий, которые, начиная с XX в., приобрели название «Новгородская революция» в связи со значимостью в формировании особенного политического устройства Новгородской республики. На самом деле, восстание новгородцев 1136 года, а также его значимость на фоне общей картины развития средневекового Новгорода и других Древнерусских городов, не всегда понятна и подвержена множеству различных научных интерпретаций. В данной работе я попытаюсь описать события 1136 года, объяснить основные

теории в Российской историографии касательно их роли в формировании системы власти в Новгородской республике и, наконец, выдвинуть собственную интерпретацию их смысла и значимости, используя в качестве первоисточника Новгородскую первую летопись.

События Новгородской революции

События 1136 года описаны в Новгородской первой летописи Старшего извода следующим образом: «Въ лѣто 6644. Индикта лѣта 14, новгородьци призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода, и въсадиша въ епископлъ дворъ, съ женою и

съ дѣтьми и съ тыщею, мѣсяця мая въ 28; и стражѣ стрежаху день и ночь съ оружиемъ, 30 мужь на день».¹

Здесь следует сразу обратить внимание на политическую культуру Новгорода, отражённую в данном отрывке. Во-первых, судя по тексту, новгородцы пригласили псковичей и ладожан на вече, «сдумаша», в результате которого они решили изгнать Всеволода. Данное описание указывает не только на силу института вече, но также и на степень репрезентации жителей других городов Новгородской земли в определении политики города. Тот факт, что князя заточили именно в епископском дворе, также указывает не только на уровень светской власти и авторитета епископа, но и на его независимость от князя и сотрудничество с институтом вече. Наконец, следует отметить, что на стражу князя было поставлено 30 мужей «съ оружиемъ», что указывает на военный статус названных мужей. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что у института власти на территории Новгорода помимо княжеского двора имелся достаточный авторитет для созыва и концентрации ополчения, были финансовые ресурсы на наем воинов, или, возможно, даже регулярная вооружённая охрана. В любом случае, силы, сконцентрированные у епископа, видимо, были способны превалировать над вооружёнными силами князя, раз он не мог сопротивляться их воли и освободиться. Также примечательно, что князь добровольно сдался, исходя из отсутствия описания вооружённого столкновения с княжескими мужами, что указывает на авторитет вече или епископа, которые имели даже большее влияние, чем сам Всеволод. Очевидно, сохранялась угроза попытки освобождения князя, судя по многочисленности охраны. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что ещё до изгнания Всеволода Новгород имел сильные институты власти, представляющие интересы городского населения и способные противодействовать князю. Возможно, именно по этой причине данное событие не воспринималось как особый рубеж в новгородской истории ни современниками, ни потомками вплоть до начала XX-го века.

Особый интерес у современных историков вызывает краткосрочное княжение Владимира Всеволодовича. После двухмесячного заточения новгородцы изгнали Всеволода и сделали князем его сына: «И съде 2 мѣсяця, и пустиша из города июля въ 15, а Володимира, сына его, прияша».²

Данное обстоятельство сильно озадачило историков и послужило материалом для множества теорий. Например, Греков и Л.В. Черепнин считали княжение Владимира

¹ Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. С. 25.

² Там же.

Всеволодовича заложничество³, а Янин полагал, что княжение Владимира свидетельствовало об «отсутствии единодушия в среде новгородского боярства, часть которого продолжает поддерживать изгнанного князя уже в лице его наследника».⁴ В своей книге «Мятежный Новгород» Фроянов раскритиковал предыдущие теории. Он считает, что заточение и изгнание Всеволода демонстрирует силу вече и его способность подчинить князя своей воле, что отбрасывает нужду в заложнике, теория же об отсутствии единодушия среди бояр не состоятельна, так как вокняжение Владимира было осуществлено по приговору тех же людей, которые выставили его из Новгорода, и поэтому оно «вряд ли означало поддержку изгнанного князя в лице его наследника».⁵ Историк, ссылаясь на работу Дж. Дж. Фдэзера «Золотая ветвь» утверждает, что, исходя из языческих представлений о том, что «правитель обладал магическими и сверхъестественными способностями, выступая посредником между богами и управляемыми им людьми», новгородцы боялись, что, оставшись без князя, они «подвергнут риску благополучие общины».⁶ И всё же я не могу полностью согласиться с взглядами Фроянова, так как Владимир выполнял функцию князя всего 4 дня, тогда как предыдущие два месяца, во время заточения княжеской семьи, Новгородцы никого на престол не сажали. Также были и другие случаи, когда Новгород оставался без князя, и летописцы писали об этом особого опасения.⁷

Далее, в летописи написано, что прибыл Святослав Ольгович из Чернигова, и сместил Владимира на Новгородском престоле: «Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка, мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день».⁸

Интересно, что в тексте сказано, что он пришёл от своего брата Всеволода, который в данный момент являлся князем черниговским. Возможно, автор просто пытался пояснить, где князь находился перед Новгородом, но высока вероятность и того, что он подчёркивал, кто послал Святослава в Новгород. Актуальность данного замечания станет явной в дальнейшем тексте при разборе потенциальных причин событий 1136 года.

Причины событий 1136 года

³ Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. С. 249.

⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2003. С. 70.

⁵ Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. С. 204.

⁶ Там же. С. 204.

⁷ Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. С. 26, 212, 32, 220, 43, 236.

⁸ Там же. С. 25.

К счастью современных историков, автор Первой новгородской летописи прямо написал причины изгнания Всеволода: «А се вины его творяху: 1, не блюдет смердь; 2, «чему хотель еси сести Переяславли»; 3-е, «ехаль еси съ пълку переди всѣхъ, а на то много; на початый велевь ны, рече, къ Всеволоду приступити, а паки отступите велить»; не пустиша его, донелѣже инъ князь приде»⁹.

Во-первых, он обвиняет князя в том, что тот не охраняет земледельцев. Это обвинение, скорее всего, было выдвинуто в связи с только что завершившейся войной с Ростово-Суздальским княжеством, в результате которой, как это обычно бывает, пострадало большое количество сельского населения. Исходя из данного текста, Греков решил, что важной причиной революции была классовая борьба. По его мнению, обвинение Всеволода в том, что он не бережёт крестьян, земледельцев, самого низшего класса в Новгородской земле, свидетельствует о защите интересов данной группы населения в процессе суда. Это, в свою очередь, указывает на то, что и у неё была определённая степень представительной власти в Новгороде: «восстание одними городскими низами не ограничивалось, в нём принимали участие и смерды».¹⁰ Представление Грекова о классовой борьбе между городской общиной и князем быстро укоренилось в советской исторической науке. Оно было отражено в работах 30-х годов В.Н. Бернадского и А.А. Строкова,¹¹ и далее в исследованиях М.Н. Тихомирова, В.Л. Янина, Б.А. Рыбакова, Д.А. Введенского, Н.Л. Подвигина и других.¹²

В роли оппозиционера классовой теории изгнания Всеволода выступил Фроянов, заявив, что «главной причиной внимания к смердам на вече 1136 г. была забота о новгородской казне, о бесперебойном её пополнении, а не о смердах как таковых»,¹³ так как сельский люд был «обязан платить дань и отправлять другие повинности в пользу новгородской общины».¹⁴ Он также заявил, что «нет источников, которые позволили бы рассуждать об участии смердов в вечевом собрании 1136 г. а тем более – об их массовых выступлениях».¹⁵

М.Н. Тихомиров, в своей книге «Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XII в.в.», соглашается, что данной цитаты из летописи недостаточно, чтобы доказать участие крестьян в новгородском восстании, но всё же поддерживает позицию Грекова и приводит в качестве

⁹ Там же.

¹⁰ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI-XIII вв.. М.: Госполитиздат, 1955. С. 194.

¹¹ Халявин Н.В. Политическая история Новгорода Великого в отечественной историографии, 1917-1990-е гг. // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 87.

¹² Петров А.В. От язычества до Святой Руси. Новгородские усобицы: К изучению древнерусского уклада. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. С. 129.

¹³ Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. С. 202.

¹⁴ Там же. С. 201.

¹⁵ Там же. С. 201.

более убедительного доказательства другой источник – Устав новгородского князя Святослава Ольговича, приемника Всеволода Мстиславича. Автор считает, что вмешательство нового новгородского князя в распределение даней представляло собой попытку урегулировать вопрос о десятине, которую платили смерды в пользу церкви. Он также предполагает, что возможно была сделана и попытка урегулировать поборы со смердов в пользу князя,¹⁶ в случае чего существует вероятность того, что крестьяне отреагировали на подобное вмешательство в свою жизнь восстанием и изгнанием князя.

А.В. Петров встал на сторону Фроянова, объявляя, что «в Новгороде XII-XIII вв. смерды – это главным образом группа зависимого от городской общины населения, получить дань с которой были заинтересованы все новгородцы»,¹⁷ и князя восставшие обвиняют в том, что он «не заботился об общественной собственности».¹⁸ Петров также опровергает аргумент Тихомирова тем, что раз городские жители из собственных интересов не желали того, чтобы с их податных собирались дополнительные налоги, значит, подобные грамоты не доказывают участие смердов в восстании, а, скорее просто, «дают нам ответ на вопрос, что значит «неблюдности» смердов».¹⁹

В связи с отсутствием достаточных источников трудно делать выводы о степени представительства крестьянских интересов в вече, но можно с уверенностью говорить о том, что одной из главных причин изгнания было небрежное отношение князя к ним, поэтому даже при отсутствии прямого влияния на политику городов, сельское население, безусловно, имеет немалый политический вес в княжестве.

Второе выдвинутое обвинение реже применяется историками для обоснования своих теорий, однако я считаю, что оно действительно демонстрирует, что трансформация Новгорода из княжества в республику не была столь резкой. Всеволода обвиняют в том, что он ещё 1132 году бросил Новгород и попытался переехать княжить в Переяславль, тем самым население Новгорода демонстрирует, что оно не считает себя некой собственностью князя, а наоборот, ожидает от князя выполнения прежде обговорённых обязанностей. Дальнейшее изменение роли князя на практике и в сознании людей будет ключевым в формировании нового политического устройства Новгородской республики.

В.Л. Янин в своей работе «Очерки истории средневекового Новгорода» отмечает, что прибытие Святослава Ольговича резко изменило ситуацию экономического обеспечения

¹⁶ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI-XIII вв. С. 196.

¹⁷ Петров А.В. От язычества до Святой Руси. Новгородские убоицы: К изучению древнерусского уклада. С. 130.

¹⁸ Там же. С. 125.

¹⁹ Там же. С. 131.

князя и его двора, так как, не являясь потомком Мстислава Владимировича, он не мог претендовать на доходы с домениальных земель предыдущего князя. Как следует из Устава Святослава Ольговича о церковной десятина 1137 г., «Новгородцы предоставили ему ряд податных округов в северных и северо-восточных районах – на нижней Двине и её притоках, а также на Пинеге и её притоках. Здесь в качестве епископской ренты («десятины») фиксируется общая сумма сбора доходов «в 100 гривен новых кун» с раскладкой на каждый погост. Сборщик податей с этой территории («домажирич») находился в Онеге».²⁰ Ещё Греков отметил, что со второй половины XII в. Новгородский князь был обязан руководствоваться «особыми рядами (докончаниями) с вече, которые выработались, по-видимому, в 30-е годы XII в.». Также «князя лишили права распоряжаться здесь землей и даже отняли у него патрональный храм – святую Софию, которая стала средоточием государственной жизни вольного Новгорода».²¹ Второе обвинение демонстрирует, что названные перемены, были начаты ещё до самой «Новгородской революции».

В третьем обвинении говорится, что Всеволод является трусом, так как бежал с поля боя раньше всех. С одной стороны, оно обосновано его нарушением традиционного образа князя, как доблестного воина, охраняющего своих людей и ведущего свои войска к победе, однако это можно также объяснить очередным невыполнением князем своих обязанностей.

В конце отрывка летописец возглашает, что и названных причин вполне достаточно для изгнания Всеволода, но всё же добавляет ещё одну, четвёртую. Он обвиняет князя в том, что он поначалу сотрудничал с Всеволодом Ольговичем, а потом наоборот противостоял ему, «на початый велевь ны, рече, къ Всеволоду приступити, а паки отступите велить».²² Данное обвинение может свидетельствовать об огорчении новгородцев из-за вероломства князя, но существует мнение, что эти слова доказывают, что Всеволода изгоняла политическая группа, которая стояла на стороне Ольговичей в междоусобице, охватившей всю Русь. Например, Петров полагает, что именно четвёртое обвинение наиболее ясно указывает на тех «кто сыграл (на фоне общего недовольства) главную роль в составлении перечисленных обвинений». Историк определил обвинителя как «оппозицию» князю, состоящую из городской элиты, так как именно она «в первую очередь была не заинтересована в разрыве с черниговскими князьями, на которых ориентировалась».²³

²⁰ Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 57.

²¹ Халявин Н.В. Политическая история Новгорода Великого в отечественной историографии, 1917-1990-е гг. С. 86.

²² Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. С. 25.

²³ Там же. С. 126.

Данная теория подтверждается ещё и тем обстоятельством, что далее в летописи рассказывается о том, как в Новгород приходит приглашённый князь Святослав Ольгович, брат Всеволода Черниговского. Создаётся впечатление, будто в междоусобном противостоянии Мстиславичей и Ольговичей население Новгорода, или, по мнению Петрова, его элита, перешла на сторону Ольговичей. Святослав пробыл Новгородским князем всего два года перед тем, как его сменили на Святополка Мстиславича, которого в свою очередь сменили на Ростислава Юрьевича, и только после него Святослав вновь стал Новгородским князем, но на этот раз всего лишь на один год.

Собственная интерпретация

Я считаю, что в дальнейшем изучении этой темы значительно больше внимания должно быть уделено сравнению перемен в политической культуре в разных городах Руси. Народная воля не редко играла ключевую роль в масштабных конфликтах и вече, в той или иной форме, существовало в каждом древнерусском городе, поэтому политическая культура, распространённая по всей Руси, уже содержала некоторые основные структуры, на которых позже была построена Новгородская республика. Возможно даже и такое, что население Новгорода не всегда являлось наиболее вольным на территории Руси. Например, «периоду изгнаний и приглашений новых князей в города кладёт начало киевское восстание 1068 г.»,²⁴ когда киевляне свергли Изяслава Ярославича за то, что он отказывался продолжать войну с половцами после своего поражения на Альте, и посадили на престол Всеслава Брючиславича. За ним следовало восстание 1113 г., в котором после смерти и погребения Святополка, киевляне «совет сотворили» и пригласили Владимира Мономаха прийти княжить в Киеве. Когда он отказался, они начали мародёрствовать: «разграбили двор Путятин тысяцкого, пошли на евреев и разграбили их», пока Владимир не согласился принять киевское княжение.²⁵ После этого, в 1127 году, полочане приняли эстафету, прогоняя Давыда Всеславича и сажая его брата Рогволода на полоцкий престол, и только потом Новгородцы, впервые в известной нам истории, в 1132 году изгнали на короткое время Всеволода. При осторожном разборе летописей, безусловно, можно будет найти ещё примеры того, как практики, популярные в новгородской республике, изначально возникали в других городах, из чего следует, что при изучении развития политической культуры в Новгороде необходимо

²⁴ Тихомиров М.Н. Древнерусские города М.: Государственное издательство Политической литературы, 1956.

²⁵ Там же.

учитывать общерусский контекст для составления наиболее полного и верного представления о нём.

Не достаточно внимания, по моему мнению, уделено также размеру и богатству Новгорода в контексте холодного северного климата, как фактору определённых политических преобразований. Ввиду материального положения Новгорода у горожан, возможно, было сильнее развито желание иметь более сильную репрезентативную власть. Например, в результате своего северного расположения и огромного населения Новгороду приходилось импортировать продовольственные товары. Об этом свидетельствует введение в некоторых княжествах запрета на ввоз продуктов в Новгород, чтобы склонить город к своей воле. Было бы неудивительно, если бы самодостаточность городского населения и его зависимость от торговли, сделали его более чувствительным к политике и сподвигли его к укреплению институтов, защищающих его волю. Также Киев и Новгород долго являлись самыми крупными экономическими центрами Руси, поэтому возможно, когда Киев начал укрепляться как политический центр с сильной княжеской властью, в Новгороде начал образовываться вакуум власти, который был заполнен другим политическим институтом, то есть вече.

Наиболее интересным и наименее исследованным объяснением общественных перемен, которые привели к созданию Новгородской республики, является, на мой взгляд, деятельность личности Нифонта.

Странно, что во всех исследованиях «Новгородской революции» крайне мало внимания уделяется роли в ней Новгородского епископа. В Новгородской республике епископ, или, как его часто называли, владыка, обладал не только церковной, но и значительной светской властью. Он был «одним из трех выборных должностных лиц, осуществлявших управление Новгородской республикой» и в договорах Новгорода с князьями его имя стоит «на первом месте, перед именами посадника и тысяцкого».²⁶ Новгородские епископы нередко принимали участие как во внутренней, так и во внешней политике города, выступая в роли миротворцев, посредников и послов. Кроме того, они также «осуществляли контроль над эталонами мер и весов».²⁷

Хоть и в небольшом количестве, но археологами были даже найдены печати новгородских владык конца XII - начала XIII в.: «Илии (1 епископская и 1 архиепископская), Мартирия (3 идентичных экземпляра), Митрофана (1 экземпляр) и Антония (1 экземпляр)¹⁴ — некогда

²⁶ Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М.: Высшая школа, 1976.

²⁷ Там же.

скрепляли какие-то грамоты».²⁸ Также известны «6 печатей архиепископа середины XIII в. Далмата, две из которых, наряду с княжеской и с печатью «всего Новгорода», скрепляли договор 1262—1263 гг. с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле. Со времени Далмата владычные буллы встречаются постоянно».²⁹

Рост влияния епископа в Новгородской политике и начало его активного участия в общественных и политических делах можно заметить именно в XII веке, и его можно связать с личностью Нифонта, Новгородского епископа с 1130 по 1156 год, за исключением одного двухлетнего перерыва (заклучения в Киево-Печерском монастыре с 1147 по 1149). В 1135 году Нифонт помирил воевавших между собою киевлян и черниговцев: «Въ то же лѣто, на зиму, иде въ Русь архепископъ Нифонтъ съ лучшими мужи и заста кыяны съ черниговьци стояще противу собе, и множество вой; и божиею волею съмиришася».³⁰ В 1147 году Нифонт не признал назначенного Изяславом Мстиславичом, без санкции Константинопольского патриарха, русского митрополита Климента Смолятича, за что был заключён в Киево-Печерский монастырь. После его освобождения Юрием Долгоруким в 1149 году Нифонт получил от патриарха Константинопольского, Николая IV, титул архиепископа, что давало Новгородской епархии определённую автономию от Киевского митрополита.

Если ещё присмотреться к тексту Новгородской первой летописи, то можно обнаружить след епископа и в других политических событиях. Как было упомянуто ранее, после свержения Всеволода с семьёй заточили именно в епископском дворе, в котором его охраняло 30 вооружённых людей. Если полностью погружаться в конспирации, то можно даже заметить, что всего за 2 года после назначения Нифонта епископом новгородцы, хоть и ненадолго, но впервые в писаной истории свергли своего князя. На причастность епископа к названным событиям также указывает и то обстоятельство, что он принял монашеский постриг в Киево-Печерском монастыре, то есть возле города совершившего два запечатлённых свержения правителя, и поэтому более других новгородцев был знаком с восстаниями и борьбой за городские привилегии. Княжение Владимира также могло быть связано с расширением власти епископа. Младенец на престоле предоставлял возможность заполнить вакуум власти и проводить собственную политику в роли регента, тем более, если Владимир продолжил проживать во дворе у Нифонта. Эта теория также способна объяснить существенные изменения роли князя в Новгородской политике, которое отмечено с приходом

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. С. 23-24.

Святослава Ольговича в Новгород. После начала княжения Святослава поведение Нифонта демонстрирует то, что у него сохранилась существенная власть. Например, он отказался венчать Святослава, так как он считал его брак достойным: «Въ то же лѣто оженися Святославъ Олговиць Новегородѣ, и вѣнчяся своими попы у святого Николы; а Нифонт его не вѣнчя, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ дасть, глаголя: «не достоите ея пояти».³¹

Аргументы предыдущего параграфа основаны на догадках, но вся остальная деятельность епископа явно указывает на высокую степень его авторитета и влияния. И, похоже, будто определённые личные качества, включавшие смелость и амбициозность, позволили ему действовать далеко за гранью своих традиционных полномочий.

В своей статье «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г.» Д. С. Лихачев обратил внимание на роль Нифонта в процессе формирования особой роли Новгородского епископа в политической и религиозной жизни города. Основываясь на тексте Софийского временника или Новгородской владычной летописи, Д. С. Лихачева высказывает следующую позицию: «реформа церковного управления Новгорода была, по-видимому, продумана и установлена знатоком церковного законодательства Нифонтом, который очевидно и завещал провести ее в жизнь при первом же случае, то есть сразу после своей смерти. Такое объяснение устраняет хронологический разрыв между избранием первого епископа и временем вероятного политического переустройства Новгорода. Установление новых порядков в новгородской церкви лежит, таким образом, в связи с установлением нового политического строя в Новгороде, в котором новгородская церковь с этой поры начала играть главенствующую роль».³²

Если рассмотреть подробнее все последствия проведённых реформ, то можно заметить, что власть епископов не просто сохранилась, но даже начала существенно расширяться. После смерти Нифонта в 1156 году, первым избранным на вече епископом стал Аркадий, а с 1165 года, при Иоанне I, Новгородская кафедра стала первой архиепископией в России, что давало Новгородской церкви полную автономию от Киевской, так как архиепископы подчинялись не митрополиту, а непосредственно Патриарху.

Заключение

³¹ Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. С. 25.

³² Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. Т. 25. 1948. С. 245, 250.

Таким образом, на основании вышесказанного я предпочитаю встать на сторону тех, кто высказывает точку зрения о том, что не существовало лишь одного основного события, определившего политический строй Новгородской республики. Да, Новгородская революция была очень ярким событием, которое в значительной степени повлияло на институт княжеской власти, но нельзя не заметить, что к тому времени и другие институты, например, посадничество, вече и система сбора дани, также изменились до неузнаваемости, а после них активно трансформировались такие органы власти как Епископат, посадник, тысяцкий и боярство, которые позже составляли столпы политической системы республики. Значимость событий 1136 г. нельзя отрицать, ведь именно они определили роль князя в Новгородском правительстве. Но, так как в данный период князь уже не занимал высшей инстанций государственной власти, трудно рассматривать Новгородскую революцию как дату основания Новгородской республики. Также я полагаю, что в современной историографии совершенно недооценена роль личности Нифонта в формировании нового государственного устройства в Новгороде.

Несмотря на то, что среди историков нет единого мнения по поводу того, когда произошла Новгородская революция и что именно она из себя представляла, крайне интересно и важно продолжать исследование событий, формирующих особую политическую систему Великого Новгорода, так как это позволит нам воззреть и понять стороны древнерусского общества, которые менее ярко выражены в политических институтах Московского государства, и, следовательно, растворились в процессе собирания русских земель Москвой.

Библиография

- Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948.
- Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.
- Петров А. В.* От язычества до Святой Руси. Новгородские усобицы: К изучению древнерусского уклада. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.
- Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М.: Высшая школа, 1976.
- Тихомиров М. Н.* Древнерусские города М.: Государственное издательство Политической литературы, 1956.
- Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси. XI-XIII вв.. М.: Госполитиздат, 1955.
- Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992.
- Фроянов И. Я.* Становление Новгородской республики и события 1136-1137 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. Вып. 1. №2. 1987.
- Халявин Н. В.* Политическая история Новгорода Великого в отечественной историографии, 1917-1990-е гг. // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.
- Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2003.
- Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008.

Земский собор 1613 года глазами современников

Ольга Усова (Образовательная программа «История»)

Введение

В начале 1613 года Земским собором был избран на царство Михаил Федорович Романов – первый представитель династии Романовых. Решение созвать собор было обусловлено возможностью участия представителей всех земель Московского

государства и опытом предыдущих лет, когда на царство избирали Годунова. Точная дата начала работы собора не определена. В грамоте, направленной воеводе в Белоозеро, значилось прислать выборных людей к 6 декабря 1612 года на Николин день, «выбрав из ыгуменов, и ис протопопов, и из посадиких и из уездных людей, и из дворцовых сёл, и ис чёрных волостей десяти человек лутчих, и разумных, и постоянных людей».¹ Грамота была отправлена 19 ноября, доставлена 4 декабря, поэтому успеть прислать людей было невозможно. Поскольку подобная ситуация была и в других регионах государства, последовала вторая волна «призыва» выборных. 31 декабря была отправлена грамота в Архангельск с требованием прислать выборных ко дню Богоявления 6 января 1613 года.² Очевидно, что грамота шла до северных городов не менее месяца, соответственно, успеть архангельские воеводы тоже никак не могли. В итоге, собор прошел без участия представителей дальних областей Севера, а также Сибирского ханства, Казани, Астрахани. Помимо этого, не было и выборных людей от Новгорода, находившегося в шведской оккупации, Пскова, Смоленска, занятого польско-литовскими войсками. Это косвенно подтверждается подписями в «Утвержденной грамоте об

¹ Лисейцев Д.Н. Демократия Смутного времени. Как проходил Земский собор 1613 года // Родина. 2013. №. 2. С. 14.

² Козляков В.Н. Герои смуты. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 274.

избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова». Согласно подписям на ней, в выборах царя участвовали представители 43 городов и уездов.³

Принято считать, что Земский собор начал свою работу в январе 1613 года, а 7 февраля была выбрана кандидатура Михаила Романова, племянника царя Федора Иоанновича, и уже 21 февраля он был провозглашен новым царем. 14 апреля 1613 года на очередном заседании Земского собора духовенство предложило всем принести присягу царю Михаилу и написать утвержденную грамоту, к которой государевы богомольцы приложат руку и свои печати, а все остальные участники собора также оставят подписи *«на бóльшее утверждение и единомыслие»*.⁴ Подобный документ тогда уже существовал – Утвержденная грамота 1598 года об избрании на царство Бориса Годунова.⁵ Идея была поддержана всеми участниками собора, и грамота 1613 года была написана по подобию ее предшественницы 1598 г., но об их сходстве будет рассказано позже. По мнению многих историков, в том числе С.Ф. Платонова, версия событий, изложенная в Утвержденной грамоте 1613 года, стала официальной для источников того времени.⁶ Мое исследование, помимо Утвержденной грамоты, основывается на Повести о Земском соборе 1613 года, которая дает новое представление о происходящем в процессе выбора царя. Цель моего исследования – сопоставить два источника, две версии Земского собора 1613 года и определить, какой из источников более достоверный. Для этого необходимо по очереди разобрать каждый документ и выделить основные различия между версиями.

Утвержденная грамота об избрании на Московское государство М.Ф. Романова

Соборная грамота 1613 года является важным источником для изучения нового этапа развития Московского государства после Смуты. Не стоит забывать, что грамота являлась своего рода юридическим документом, подтверждающим легитимность власти Михаила Романова, и была написана по образцу уже существовавшего документа. Грамота 1613 года, как уже говорилось ранее, во многом схожа с документом 1598 года: она написана в двух экземплярах, причём оба содержат подлинные подписи всех членов Собора. Возможно, один из них предназначался для светской власти, а второй – для церковной.⁷

³ Лисейцев Д.Н. Демократия Смутного времени. Как проходил Земский собор 1613 года. С. 15.

⁴ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 2.

⁵ «Грамота избранная и утвержденная первая» на царство царю Борису Федоровичу, изд. И. А. Навроцким // Опыт трудов Вольн. Рос. собр. при имп. Моск. унив. М., 1774. С. 74-191.

⁶ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883-1912). СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. С. 44.

⁷ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 7.

В начале грамоты 1613 года, как и документа 1598 года, идет «Богословие» и повествование о предыдущих русских правителях, описание смерти Федора Ивановича, ухода его вдовы Ирины в монастырь и событий Смуты, где главным виновником становится польский король Сигизмунд III, рассказывается о годах правления Годунова и Шуйского. Что интересно, в начале грамоты Годунов и Шуйский предстают законными правителями, подчеркивая то, что Смута вызвана не столько внутренними, сколько внешними факторами. Однако ниже эти цари противопоставляются богоизбранному Михаилу, поэтому получают совсем другую характеристику: их правление было незаконным, так как они не получали Божьего благословения. Эти противоречия объясняются не только некой спешкой при составлении документа, но и его смысловой направленностью.⁸ Заканчиваются грамоты тоже схоже: известием о предложении принести присягу новому царю. Более того, большинство записанных речей, которые в 1613 году в Ипатьевском монастыре произносили царь Михаил, его мать Марфа Ивановна и посольство из Москвы, дословно заимствованы из грамоты 1598 года и принадлежат Борису Годунову, царице Ирине Федоровне и патриарху Иову.⁹

Согласно Соборной грамоте, Михаила избрали единогласно. Его кандидатура была поддержана не только всем Собором, но и всем населением. Более того, даже шведский король написал, чтобы нового царя выбирали строго из русских земель, и чтобы был он в родстве с прежним «*великим природным государем*», то есть речь идет именно о династии Рюриковичей, и тогда он, шведский король, будет с русским царем «*в дружбе и любви навеки неподвижно*».¹⁰

С 7 по 21 февраля было решено взять перерыв в заседаниях собора, и весь православный христианский народ молил Бога, чтобы Он проявил свою волю во благо государства. В это же время были тайно отправлены посланники в разные концы государства, чтобы узнать, все ли поддерживают кандидатуру Михаила Романова. Наконец, 21 февраля, в первый день Великого поста, в Москву для избрания царя съехалось со всего царства бесчисленное множество людей всех чинов, и «*яко едиными усты*» требовали воцарения Романова.¹¹ На страницах грамоты множество раз упоминается, что Михаил Романов – никто иной, как родственник прежних, Богом венчанных российских государей. Здесь же упоминаются и другие претенденты на престол: «*...опричь его, великого государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси на все Росийские государства иного государя, Полского и Литовского, и Неметцкого, и из ыных государств царей и царевичей, и королев и королевичей и из Московского государства*

⁸ Павлов А.П. К истории Утвержденной грамоты 1613 г. // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 2. Вып. 3. С. 11.

⁹ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Там же. С. 44.

*никого, и Маринки и сына ее не хотети, и не обирати и не искати».*¹² Имеются в виду польский королевич Владислав, сын Сигизмунда III, шведский королевич Карл Филипп, сын Карла IX, и сын Марии Мнишек от ее брака с Лжедмитрием II.

Во время правления Годунова, Шуйского появилось убеждение, что несчастья для государства могут быть прекращены только с появлением «государьского сына» на Московском престоле. Это объясняет, почему составители грамоты делают такой акцент на наследственности Романова, а в числе претендентов на престол упоминаются только представители правящих династий, хотя из других источников нам известно, что были и другие, не столь достойные кандидаты. Однако после освобождения Москвы от поляков это убеждение теряет популярность и начинается процесс падения кандидатуры «государьского сына» и торжество кандидатуры своего.¹³

Грамота сообщает, что Михаил Романов в это время находился у себя в вотчине в Костромском уезде и про свое избрание ничего не знал. К будущему царю в Ипатьевский монастырь было отправлено посольство бояр, священников и многих людей разных чинов под руководством архиепископа Феодорита, которые 14 марта сообщили ему и его матери, что он был избран всем русским народом и волей Божьей на Московский престол и просили их приехать в Москву, чтобы пресечь беды и печаль народа. Михаил и мать его, Марфа Ивановна, «с великим гневом и слезами» отказали. Несколько раз били челом посланники, слезно умоляя Михаила и Марфу, и получали отказ. Среди причин для отказа в грамоте названы несовершеннолетие Михаила, разорение государства от польских и литовских захватчиков и невозможность благословения отца на такое великое дело, так как Филарет находился в плену в Литве. В грамоте подробно описывается, как не хотел Михаил Федорович брать на себя царское бремя, как долго отказывалась благословить его и Марфа Ивановна. Однако не стоит воспринимать отказ Михаила только как выражение его собственного нежелания. Ему требовалось получить доказательство того, что он был избран Богом, а не людьми, и все собравшиеся это знали. Наконец, архиепископ Феодорит, указав на волю Божью в выборе царя и пообещав освободить Филарета, добился согласия. Эта решающая речь Феодорита перед Михаилом повторяет речь патриарха Иова перед Борисом Годуновым из грамоты 1598 года.¹⁴ 24 марта в Москву пришли грамоты, отправленные из Ипатьевского монастыря, в которых

¹² Там же. С. 47.

¹³ *Замятин Г.А.* К истории Земского собора 1613 г. Воронеж, 1926. С. 54.

¹⁴ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 7.

сообщалось, что Михаил Федорович учинился на Московском государстве царем и получил благословение от матери, старицы Марфы Ивановны.

Повесть о Земском соборе 1613 года

Повесть о Земском соборе 1613 года была найдена относительно недавно, в XX в., написана предположительно в 1613 году.¹⁵ Автор Повести неизвестен, однако считается, что он был современником описанных событий и был хорошо осведомлен о происходящем. Во вступительной статье к Повести А.Л. Станиславский предполагает, что автор был из посадских людей или близких им социальных слоев, а возможно и сам торговал с казаками на базаре в Москве или участвовал в ополчении.¹⁶ Предположение сделано на основании того, что автор называет Романовых князьями, как не мог назвать представитель господствующего класса, а также потому что прослеживаются симпатии по отношению к казакам, изображение самого Земского собора упрощено, что указывает на антибоярские настроения автора.

Главная идея Повести о Земском соборе заключается в том, что Михаил Романов был кандидатом от русских казаков, и именно они разрушают козни бояр и заставляют членов собора присягнуть Романову. Согласно Повести, до последнего заседания у Собора не было единого мнения относительно претендента на престол. Упоминаются восемь кандидатов на царство: «...первый князь Феодор Иванович Мстиславской, второй князь Иван Михайлович Воротынской, третьей князь Дмитрий Тимофиевич Трубецкой, четвертой Иван Никитин Романов, пятый князь Иван Борисович Черкасской, шестой Феодор Иванович Шереметев, седьмой князь Дмитрий Михайлович Пожарской, осмый причитается князь Петр Иванович Пронской».¹⁷ Автор пишет, что Д.Т. Трубецкой вел активную агитацию в свою пользу, полтора месяца устраивал для казаков пиры, прося их поддержки, но, тем не менее, оставался для них посмешищем. Впрочем, не все казаки смеялись над Трубецким. Он тоже был одним из их кандидатов на престол. Станиславский упоминает шведские бумаги, в которых содержатся речи русских купцов, прибывших в Новгород в начале февраля 1613 г. Согласно купцам, бояре были на стороне шведского кандидата Карла Филиппа и отклонили кандидатуру от казаков – М.Ф. Романова. Лифляндский дворянин Г. Брюнно, прибывший в Новгород в конце января 1613 г. также сообщил, что казаки выдвинули по очереди трех претендентов на престол: Трубецкого, Романова и Черкасского, но бояре, выступавшие за

¹⁵ Морозов Б.Н. Хроники Смутного времени: Конрад Буссов, Арсений Елассонский, Элис Геркман, «Новый летописец». М., 1998. С. 369.

¹⁶ Морозов Б.Н., Станиславский А.Л. Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. № 5. 1985. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 94.

Карла Филиппа, отклонили всех. Мы видим, что казачество выдвигало людей, которых хорошо знало по Тушино и от которых, как предполагает Б. Флоря, оно могло ожидать хорошего жалования.¹⁸ Важно упомянуть, что это предположение было весьма обосновано. Например, атаман Ф. Максимов 20 февраля 1613 года, то есть за день до избрания Михаила, получил право на четвертное жалование.¹⁹ Станиславский предлагает рассматривать этот факт как одно из свидетельств успешной агитации сторонников Михаила Романова. Наряду с продвижением легенды о завещании Федора Иоанновича казакам делались и некоторые пожалования. Из сочинения шведского писателя Ф.И. Страленберга подтверждается участие князя Воротынского – на первых заседаниях князь получал большинство голосов.²⁰ Теперь обратимся к остальным кандидатам: Мстиславский, Воротынский, Шереметев и И. Романов во время интервенции были в сговоре с поляками, что делало их в глазах современников предателями. И.Б. Черкасский, родственник Романовых, во время Первого ополчения выступал на стороне поляков, что также не могло дать ему популярность среди казаков и других участников освободительного войска. Д.М. Пожарский являлся на то время формальным правителем, а стольник П.И. Пронский участвовал во Втором ополчении.

Этот же список кандидатов, сохраняя последовательность имен, называет в своем рассказе о Земском соборе очевидец событий – торопецкий стрелецкий сотник Семен Скулев.²¹ Скорее всего, в Повести мы имеем дело со списком на момент первого заседания собора. Тем не менее, автор сочинения приводит достоверный перечень претендентов на престол, в котором присутствуют и деятели освободительного движения, и представители московского боярства. Что касается пиров, устраиваемых Д.Т. Трубецким, Станиславский подмечает интересную особенность: полтора месяца, согласно Повести, Трубецкой пирами привлекал казаков на свою сторону, и столько же времени прошло между первым и последним заседаниями Собора (7 января и 21 февраля соответственно).

Теперь рассмотрим прочие важные для анализа сведения, содержащиеся в Повести. А.Л. Станиславский сравнивает данные из Повести с данными из донесений и расспросных речей, сохранившихся в архивах Польши и Швеции. В самом начале сообщается, что после освобождения Москвы, в городе было порядка 40 тысяч казаков. Описывая казаков, автор упоминает, что по Москве казаки передвигались строго группами по 20-30 человек, всегда

¹⁸ Флоря Б.Н. Избрание царя Михаила. // Родина. 2013. №. 2. С. 2.

¹⁹ Морозов Б.Н., Станиславский А.Л. Повесть о Земском соборе 1613 г. С. 91.

²⁰ Там же.

²¹ Аракчеев В.А. Рассказ торопецкого стрелецкого сотника Семена Скулева о Земском соборе 1613 года. Псков: Фонд "Краевед", 2010. С. 18-24.

имели при себе оружие, вели себя «самовластно», с боярами разговоров не вели, воротились от них и только кланялись головой.²² О численности казаков в Москве 1613 г. встречаются весьма противоречивые сведения. И. Философов, плененный в ноябре 1612 г., сообщил полякам, что казаков в Москве осталось не более двух тысяч, Б. Дубровский, новгородский посол, на конец 1612 г. приводит данные о численности казаков не более 11 тысяч.²³ Исследователь А.А. Семин, основываясь на разрядных списках, заключил, что уже после избрания Романова казаков было порядка 6 тысяч человек.²⁴ Однако Станиславский подмечает, что большую часть казачьего войска в то время составляли молодые казаки, не получавшие жалование. В разрядных списках и приказах их не учитывали, поэтому число казаков, указанное в списках, можно смело удваивать. Итого, мы получаем порядка 10 тысяч казаков. Очевидно, что численность казачьего войска автором Повести сильно преувеличена, но важно другое – казаков в городе было намного больше дворянства.

В Повести говорится, что казаки оставались в Москве, потому что ждали решения от членов Собора, а те, в свою очередь, всячески решение оттягивали и в тайне ждали отъезда казачьего войска. Не дождавшись решения, примерно 500 казаков ворвались во двор Крутицкого митрополита и, угрожая ему, добились нового заседания собора, где бояре выдвинули своих восьмерых кандидатов. Здесь мы сталкиваемся с интересной деталью: бояре предлагают выбрать царя из претендентов, кинув жребий. *«Да ис тех изберем и жеребьяем, да кому бог подаст».*²⁵ Можно подумать, что идея кинуть жребий является выдумкой автора или попыткой лишней раз дискредитировать боярство, однако известно, что подобные разговоры во время работы Земского собора действительно велись. Летом 1614 г. в Новгороде оказались захваченные шведами стольник И.И. Чепчугов и дворяне Н.Е. Пушкин и Ф.Р. Дуров, которые рассказали, что был предложен вариант бросить жребий между Трубецким, Голицыным и Романовым²⁶.

Согласно Повести, на последнем заседании Земского собора вновь произошло столкновение казаков и бояр. Казаки отказались выбирать из восьми боярских кандидатов и предложили Михаила Романова, опираясь на легенду про то, что царь Федор Иоаннович *«...благословил посох свой царской и державствовать на Росии князю Феодору Никитичю*

²² Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Повесть о Земском соборе 1613 г. С. 94.

²³ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. С. 47.

²⁴ Семин А. А. Политическая борьба в Москве в период подготовки и деятельности Земского собора 1613 г. // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М.-Л.: 1980. С. 232.

²⁵ Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Повесть о Земском соборе 1613 г. С. 94.

²⁶ Там же. С. 90.

Романова», а Михаил является его сыном²⁷. Скорее всего, от лица казаков говорили атаманы, но их имена Повесть умалчивает. Из всех бояр только Иван Романов возразил им, сказав, что Михаил еще слишком молод для управления государством, на что казаки предложили ему быть при молодом царе советчиком и опорой.

Повесть заканчивается тем, что в Кострому к Михаилу Романову отправляется посольство, Дмитрий Трубецкой с горя заболевает и три месяца не выходит из дома, бояре пытаются обмануть казаков и не целовать крест, но казаки вовремя распознают их хитрость. После приезда Михаила в Москву и его утверждения на царство казачество уезжает из города. Внезапный недуг, свалившийся на Трубецкого, объясняет отсутствие его подписи на грамотах, извещающих жителей разных городов о состоявшемся избрании царя.²⁸ Впрочем, уже в июле 1613 г. Дмитрий Тимофеевич присутствовал на венчании Михаила Романова и держал царский скипетр²⁹.

Сравнение Утвержденной грамоты и Повести

В последней части работы предлагается сравнить данные Утвержденной грамоты и Повести, выделить их сходства и различия, и попробовать определить, какая из версий, представленных в источниках, является более достоверной.

Ключевым различием, безусловно, можно считать то, что в Повести, в отличие от Утвержденной грамоты, отражается политическая борьба за престол и, как следствие, роль казаков в выборе царя, в то время как ни в одном из двух экземпляров Утвержденной грамоты нет подписей от атаманов «вольных» казаков, а в тексте нет никаких упоминаний о противостоянии казаков и боярских группировок. Впрочем, Станиславский считает, что отсутствие подписей от казацких атаманов можно объяснить техническими сложностями: из Повести нам известно, что казаки ушли из Москвы сразу после приезда Михаила в Москву, поэтому вполне возможно, что, когда собирались подписи под Утвержденной грамотой, казаков в городе уже не было.³⁰

Если по Утвержденной грамоте Михаила Романова избирали единодушно, единогласно всем народом, то Повесть дает читателю куда более достоверное знание. Благодаря Повести о Земском соборе 1613 г. нам становится известно о социально-политической борьбе накануне избрания царя, о кандидатах на престол из круга русской родовой аристократии и значимой

²⁷ Там же. С. 93.

²⁸ Козляков В.Н. Герои смуты. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 284.

²⁹ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. С. 49.

³⁰ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. С. 50.

поддержке Михаила казаками. Более того, о роли казачества свидетельствуют и иностранные источники. Шведские разведчики доносили, что казаки осаждали дворы Трубецкого и Пожарского, чтобы добиться избрания Романова, а литовский канцлер Лев Сапега сказал Филарету, тогда еще пребывавшему в плену, что на государство его сына посадили «одни казаки-донцы».³¹ Помимо этого, в Повести дважды упоминается отказ казаков уходить из Москвы до избрания царя, что подтверждается грамотой Земского собора дьяку Н. Шульгину.³²

Казаки поддерживали Михаила, потому что он был сыном Филарета, уважаемого со времен Тушино патриарха. На руку сторонникам Романова играла и распространенная легенда о том, что царь Федор, умирая, завещал государство Филарету. Безусловно, важным аргументом было родство Михаила с династией Рюриковичей. В отличие от многих знатных родов Романовы не были связаны сотрудничеством с интервентами, более того, считались пострадавшими. В лице Михаила Романова воплотилась мечта о добром царе, ставленнике Бога, каким не являлся ни дворянский царь Годунов, ни боярский ставленник Шуйский. Эта же идея прослеживается в Повести, где автор всячески подчеркивает, что Михаил был кандидатом от народа, от казачества, а не коварных бояр.

Но автор Повести преследует цель противопоставить казаков боярству, разделить их на белое и черное, поэтому теряется объективность. На самом деле, сторонниками Романова были не только казаки. Сына Филарета поддерживали и боярские, и дворянские группировки. Так, по словам И. Калитина из Новгорода за Михаила выступал князь Б.М. Лыков, И.Н. Романов и Б.М. Салтыков.³³

Еще одно немаловажное различие – благодаря Повести мы узнаем, что уже после избрания Михаила боярство предприняло неудачную попытку обхитрить казаков и избежать крестоцелования. Именно казаки выступили организаторами присяги на Красной площади. Конечно же, ни в одном официальном документе, будь то грамоты в города или сама Утвержденная грамота, нет ни слова о принудительной присяге бояр, напротив, всячески подчеркивается, что царь был избран единогласно, и целование креста было совершено по всеобщему согласию.

Сходств между Грамотой и Повестью, на мой взгляд, не так много. Прежде всего, потому что они были написаны представителями разных социальных слоев для совсем разных целей.

³¹ Скрынников Р. Г. Смутное время: Крушение царства М.: АСТ Москва: Хранитель, 2007. С. 530.

³² Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. № 5. 1985. С. 93.

³³ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. С. 50.

Утвержденная грамота – официальный документ, подтверждающий легитимность власти Михаила Романова, который и не должен был включать в себя сведения о политической борьбе, сомнениях Собора и насильственной роли казаков. Повесть о Земском соборе – воспоминания и впечатления современника, которые скорее отражают действительность.

Все же, несмотря на высокую информированность автора, некоторые сведения были ему недоступны либо он не стал их включать в повествование, чтобы сохранить контраст между боярством и казачеством.

Из общего между источниками можно выделить следующее. Главным общим свойством обоих документов является их идеологическая направленность. Авторы, несмотря на их разное происхождение, отстаивают наследственный монархический строй как единственный возможный вариант для Российского государства. Также, составители обоих документов делают акцент на родстве Михаила с династией Рюриковичей и на воплощении Божественной воли в его избрании. Многие верили, что былое величие государства сможет возродить только родственник, пусть даже дальний, ушедшей династии. Сторонники Романова выстроили на этом целую избирательную кампанию, если говорить современным языком. В результате, наверху оказался молодой юноша, спутав все расчеты земского руководства. А разгневанная толпа и выступления казаков положили конец соборным интригам и противостоянию, передав инициативу в руки сторонников Романова.³⁴ Важно, что в тексте грамоты все равно есть упоминание о присутствии казаков и атаманов на соборе, что является косвенным подтверждением их участия в выборе царя, подробно описываемого в Повести. Более того, некоторые исследователи считают, что в Утвержденной грамоте все-таки присутствует косвенное свидетельство политической борьбы: существует версия о подмене грамот или изменении текста в 1616 году сторонниками Романова, потому что подпись Д.М. Пожарского стоит выше подписей многих родовитых бояр, и этот факт якобы указывает на подлог. Станиславский же считает, что если текст грамоты и был изменен, то это не было следствием внутренней борьбы группировок, а сделано на случай вторжения польского королевича Владислава, претендовавшего на престол.³⁵ Также, общим свойством для многих источников того времени является сокрытие реальной напряженности и борьбы под «этикетными» фразами и под следованием канону.

³⁴ *Скрынников Р. Г.* Смутное время: Крушение царства М.: АСТ Москва: Хранитель, 2007. С. 532.

³⁵ *Морозов Б. Н., Станиславский А. Л.* Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. № 5. 1985. С. 91

Заключение

В результате исследования становится явно, что Повесть о Земском соборе 1613 года представляет собой более достоверный документ. Ее автор был хорошо осведомлен о происходящих событиях, фиксировал их и свои впечатления. Утвержденная грамота уступает Повести, так как она была написана во многом по подобию других официальных документов того времени, например, таких как Утвержденная грамота об избрании на царство Бориса Годунова, документы Посольского приказа, официальные документы земского собора 1613 г. и т.д.³⁶ Более того, текст грамоты был отредактирован и, возможно, не один раз. Ее составители подчеркивали единство решения различных социальных групп в избрании Михаила Романова. Возможно, это объясняется необходимостью достижения компромисса между политическими группировками, чтобы успешно объединить их для службы новому царю. Несмотря на то, что Утвержденная грамота выглядит как компиляция, не несущая в себе большого объема достоверной информации, она является важным и показательным актом, демонстрирующим идеологию того времени. В ней дается полное обоснование прав Романова на престол, а благодаря исторической части, описывающей правление предыдущих царей и Смуту, читатель получает и официальную версию описываемых событий. Более того, общая идеология, менталитет авторов и «национальный» подход, где монархический строй и его уклады не подвергаются сомнению, объясняют, почему эта официальная версия актуальна и сейчас. Я считаю, что для изучения истории Земского собора 1613 года и воцарения Михаила Романова на московском престоле важны оба источника. Они дают нам официальную и неофициальную версии происходящих событий, дополняют друг друга, и только с помощью сопоставления этих двух документов можно получить относительно достоверное отражение реальности.

³⁶ Там же.

Библиография

- Аракчеев В.А.* Рассказ торопецкого стрелецкого сотника Семена Скулева о Земском соборе 1613 года. Псков: Фонд "Краевед", 2010.
- Замятин Г.А.* К истории Земского собора 1613 г. Воронеж, 1926.
- «Грамота избранная и утвержденная первая» на царство царю Борису Федоровичу, изд. И. А. Навроцким // Опыт трудов Вольн. Рос. собр. при имп. Моск. унив. М., 1774,
- Козляков В.Н.* Герои смуты. М.: Молодая гвардия, 2012.
- Лисейцев Д.Н.* Демократия Смутного времени. Как проходил Земский собор 1613 года // Родина. 2013. №. 2.
- Морозов Б.Н.* Хроники Смутного времени: Конрад Буссов, Арсений Елассонский, Элис Геркман, «Новый летописец». М., 1998.
- Морозов Б.Н., Станиславский А. Л.* Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. № 5. 1985.
- Павлов А.П.* К истории Утвержденной грамоты 1613 г. // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 2. Вып. 3.
- Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смутного времени. М.: АСТ, 2009.
- Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории (1883-1912). СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912.
- Семин А. А.* Политическая борьба в Москве в период подготовки и деятельности Земского собора 1613 г. // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М.-Л.: 1980.
- Скрынников Р. Г.* Смутное время: Крушение царства М.: АСТ Москва: Хранитель, 2007.
- Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990.
- Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906.
- Флоря Б.Н.* Избрание царя Михаила. // Родина. 2013. №. 2. С. 2–7.

Авторам:

рекомендации по библиографическому оформлению сносок и списка литературы

1. Оформление сноски

- Сноска ставится перед знаками препинания.

Пример: Главным источником, как писал драматург, был Аммиан Марцеллин¹.

2. Описание книги одного или нескольких авторов

Автор (ФИО). Заглавие книги. Город: Издательство, год издания.

Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000.

Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Соавторы перечисляются через запятую:

Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности. М.: Прогресс Универс, 1996.

- Между фамилией и инициалами – пробел(ы); ФИО автора *курсивом*
- Место издания указывается сокращенно, после сокращения ставится точка

М. (Москва)

СПб. (Санкт-Петербург)

Л. (Ленинград)

Другие города полностью

- При двойном (тройном) месте издания – через ;

М.; Л.

Toronto; Amsterdam; New York

- Если дается название издательства, то после места издания ставится двоеточие; после названия издательства ставится запятая (**М.: Искусство, xxxx.**) Если есть слово «Изд-во», то название – в кавычках, если нет, то без:

М.: Искусство, 1999.

М.: Изд-во «Искусство», 1999.

- Если названия не дается, то после места издания ставится запятая (**М., xxxx.**)
- После указания года ставится точка.
- Указание конкретной страницы (с пробелом): **С. 000** или **С. 000–000.**

3. Для иноязычных книг:

- Фамилия, инициалы (как и для «кириллических» авторов)

Terras V. Reding Dostoevsky. Madison: University of Wisconsin Press, 1998.

Montaigne M. de. Essais. Paris, 1907.

- Места (города) издания – полностью:

Toronto; Amsterdam; New York

- основные сокращения

Том (Т.) = Vol. (Volume) (англ.); T. (tom(e)) (англ., фр.); Bd (Band) (нем.)

Часть (Ч.) = Part (англ.); Partie (фр.); Teil (нем.)

Номер (№) – в русской библиографич. традиции записывается так же, но в англ. традиции No. 4

Страница (С.) = P. (page) (англ., фр.); S. (Seite)

4. Область заглавий и сведений об ответственности (кто подготовил, составил):

- Дается сразу после заглавия **через косую черту (/)**, без другого знака препинания
- После косой черты с большой буквы
- Разные сведения даются через точку с запятой
- При перечислении **людей, готовивших издание**, после косой черты (/), **сначала** даются их инициалы, потом фамилия!
- Сокращения:

сост. – составитель

вступ. ст. – вступительная статья

предисл. – предисловие

подгот. текста – подготовка текста

ред. – редактор / под ред. – под редакцией

коммент. – комментарий

примеч. – примечания

пер. – перевод

5. Описание многотомников

- В общей части сводного библиографического описания многотомного издания приводят библиографические сведения, общие для всех или большинства томов, в спецификации — частные, относящиеся к отдельным томам.

- Нужно указать, сколько томов в издании. После заглавия двоеточие и с большой буквы (В 20 т.)

Зоценко М. М. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч. Ю. В. Томашевского. Л.: Художественная литература, 1986.

Каверин В. А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1963–1966.

- Если ссылка на один из томов, то сначала описывается издание целиком, а потом конкретный том.
- Выходные данные в этом случае даются для конкретного тома.

Ильф И. А., Петров Е. П. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1961. С. 125–266.

6. Описание отдельного раздела из книги (статьи из сборника)

Автор. Название раздела (статьи) // Автор книги (сборника). Название книги (сборника). Город: Издательство, год. Номера страниц, на которых помещен раздел (статья).

Гегель Г.В.Ф. Введение // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 56–127.

7. Описание статьи из журнала

Автор. Название работы // Название журнала. Город: Издательство (если есть), год выпуска. Номер. Страницы, на которых размещена статья.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. М., 1990. № 3. С. 134–148.

8. Описание электронного ресурса

- Нужно указать название интернет-ресурса и дату публикации, а после этого — гиперссылку в скобках
- Если опубликованный текст относится к интервью или к другим жанрам, кроме статьи (например, если это стихотворение), характер материала лучше пояснить в квадратных скобках.

Глухов А.А. Справедливость в классической политической философии [семинар] // YouTube. 23 октября (<https://www.youtube.com/watch?v=nQoH9pTKSuM>). Просмотров: 25.10.2018.